

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 14(40)*

Горловка
2022

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (главный редактор),
д. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор), д. филол. н., д. пед. н., проф. Ворожбитова А. А.,
д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дяговец И. И.,
д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Петров А. В.,
д. филол. н., проф. Петрова Л. А., д. филол. н., проф. Соснина Л. В., д. филол. н.,
проф. Шаталова О. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н.,
доц. Дмитриева Ю. Л., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н.,
доц. Решетарова И. В., к. филол. н., доц. Фефелова В. В.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 11 от 29.06.2022)*

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО
В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова
и др. – Вып. 14(40). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГОУ
ВПО «ГИИЯ», 2022. – 296 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2022

УДК 81-26
**ТРОПЕИЗАЦИЯ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ
 РЕЧИ НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ
 ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА
 «НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ»)**

Публицистика как особая сфера общественной и речевой деятельности характеризуется ярко выраженной основной функцией – является мощным средством формирования идеологии через воздействие на массового реципиента информации. Она рассчитана на довольно неоднородную аудиторию, которую стремится максимально расширить, привлекая новых читателей, зрителей, слушателей и удерживая уже имеющихся. Перед публицистами стоит задача подать информацию в издании или на канале таким образом, чтобы оказывать на её потребителей конкретное эмоциональное воздействие.

Публицист, освещая насущные общественно-политические вопросы, затрагивает интересы каждого, при этом он не пассивный свидетель событий, а активный их участник, страстно и открыто отстаивающий идеи, которым он привержен [Цит. по 6]. В связи с этим публицистические тексты, как правило, не только ясны и доступны широкой аудитории, но и образны, экспрессивны, подкреплены неопровержимыми фактами. Эти особенности публицистики универсальны: они прослеживаются в соответствующих текстах, независимо от языка, на котором написаны, и исторического периода, в котором созданы. Русские публицистические тексты начала XIX века не являются

исключением, хотя, безусловно, некоторая национальная и историческая специфика прослеживается.

Цель предложенной статьи – проанализировать особенности использования тропов и фигур речи в русских общественно-политических текстах на примере статей журнала «Невский зритель».

«Невский зритель» – ежемесячный научно-литературный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1820–1821 годах. Всего было издано 6 частей (18 книжек). Журнал имел несколько постоянных

рубрик: «История и политика», «Государственное хозяйство», «Литература», «Нравы», «Критика», «Смесь», «Политические новости», «Изящные искусства». С. А. Бальцанова утверждает, что «в официальных документах обозначено имя только одного издателя “Невского зрителя” – И. М. Сниткина, магистра этико-политических наук, который в сентябре 1819 года подал прошение в Цензурный комитет с просьбой разрешить издание нового журнала, а в июле 1821 года объявил о закрытии “Невского зрителя”» [2, с. 71–72]. Вместе с тем высказывается предположение, что в разные периоды к изданию журнала имели отношение разные соиздатели (В. Кюхельбекер, К. Рылеев, О. Сомов), что и определило характер размещаемых в нём материалов. Как видим, большинство людей, готовивших выпуски «Невского зрителя», – в той или иной степени литераторы, поэтому разделу «Литература» уделялось особое внимание (привлекались в качестве авторов А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, И. А. Крылов и др.). Проза и стихи, публикуемые в «Невском зрителе», безусловно, насыщены художественными средствами. Материалы, печатаемые в других рубриках журнала, также были богаты литературными приёмами, то есть характеризовались высокой тропеичностью. Проиллюстрируем это ключевое утверждение, проанализировав следующие статьи, размещённые в рубриках «Государственное хозяйство», «Нравы» и «Политические новости» первой части мартовского номера за 1820 год: «О вліянїи Правительства на промышленность», «Отрывокъ изъ Виландовой статьи, подъ названїемъ: Платоническія размышленїя о человѣкѣ», «Испанїя».

Наиболее частотным тропом, встречающимся в рассматриваемых статьях, являются метафоры. Метафора, согласно Н. Д. Арутюновой, предполагает употребление слова в переносном значении на основе сходства по какому-либо признаку двух предметов или явлений [1, с. 296]. История изучения метафоры насчитывает несколько тысячелетий (ещё Аристотель уделял значительное внимание её рассмотрению), в то же время на сегодняшний день теория метафоры является наиболее дискуссионной и охватывает когнитивный, прагматический, стилистический, психолингвистический и другие аспекты. Несмотря на такую поликонцептуальность теории метафоры, учёные сходятся во мнении, что в её основе – сокращённое образное сравнение. Метафоры, зафиксированные в анализируемом журнале,

достаточно специфичны, что обусловлено тематикой статей и эпохой, в которую они появились. Рассмотрим конкретные примеры. В предложении *Въ различныхъ родахъ промышленности, гдѣ каждый болѣе или менѣе способѣстйуетъ успѣхамъ другаго и соперничествуеъ, весьма трудно согласовать различныя выгоды, чтобы покровительствуя одному не вытѣснить другой родъ и не потрясть все зданіе* [5, с. 2–3] промышленность России названа зданием, благодаря чему создаётся её образ как чего-то монолитного, крепкого, составляющие которого держат друг друга. Нарушение работы одной отрасли приведёт к краху всей промышленности, то есть к «потрясению всего здания». Или в предложении *...но кромѣ того, что сія система во многихъ Государствахъ будетъ вредна для фабрикъ, она изсякаетъ драгоцѣннѣйшій источникъ мѣны, отъ котораго существенно приумножается народное богатство* [5, с. 6] обмен товарами именуется «драгоценнейшим источником» приумножения богатства народа. Из этого источника берёт начало благосостояние государства.

Метафоры – неотъемлемый атрибут публицистических текстов, они создаются авторами активно и охотно. Ф. Ницше писал, что «язык состоит исключительно из метафор, постоянное создание которых является основополагающим инстинктом человека, хотя он и не осознаёт метафорический характер своего языка» [Цит. по 4, с. 82]. Данное утверждение, на наш взгляд, несколько категорично, но, безусловно, нельзя не согласиться, что метафорами пронизана речь в большинстве стилей, тем более в публицистическом.

В публицистике метафора призвана воздействовать на сознание реципиента с целью формирования нужного автору общественного мнения о том или ином факте, явлении, человеке. Функция воздействия, таким образом, является ключевой при использовании метафоры в публицистических текстах. Другие функции так или иначе пересекаются с этой – основополагающей. Целесообразно говорить также о следующих функциях метафоры в анализируемых статьях:

– Когнитивной: *Если справедливо, что живые примѣры и картины добродѣтели гораздо болѣе приносятъ пользы, чѣмъ моральныя и метафизическія диссертаціи, то сіе небольшое число дѣятельныхъ существъ обоего пола гораздо болѣе доставляетъ выгоды людямъ нежели весь необозримый свѣтъ ученыхъ созерцателей* [5, с. 71–72]. *Посредствомъ развитія и образованія сихъ чрезвычайныхъ способностей науками, размышленіемъ, познаніемъ свѣта и опытностію,*

они достигают наконец той пронизательной **остроты ума** и мужественной силы характера, которая столь возвышает их над обыкновенными людьми [5, с. 72–73].

– Номинативной: *Остроуміе – сія опасная обезьяна разума – есть их идолъ* [5, с. 66]. Люди первого класса – **рабы удовольствія** своих собраний второго разряда [5, с. 67].

– Эмотивной: *Тамъ сынъ Лорда не краснѣетъ сидѣть въ конторѣ своихъ предковъ и когда призываютъ его принять мѣссию въ Парламентѣ, то онъ оставляетъ дѣтямъ благородное стяжаніе своихъ оборотовъ* [5, с. 12–13]. Тамъ общая польза есть польза каждого, потому что сія сила приводитъ въ движеніе все **политическое тѣло** Англіи [5, с. 13]. Извѣстіе о Революціи въ Испаніи произвело въ Англичанахъ чрезвычайное впечатлѣніе; вообще надѣются, что Испанія посредствомъ сего переворота **придастъ себѣ новый блескъ, и доставитъ славу и благосостояніе своему народу** [5, с. 105–106].

В рассматриваемых материалах «Невского зрителя» зафиксированы и другие тропы, а также фигуры речи, способствующие оказанию воздействия на реципиента информации, а именно:

– Сравнение: *Геніи, пребывшіе вѣрными своему предназначенію, подобны Ангеламъ-хранителямъ*, которые, по набожному мнѣнію Древнихъ, надзираютъ за свѣтомъ, управляютъ сферами и выполняютъ повелѣнія Творца по сю сторону неба [5, с. 73]. Они разгоняютъ мракъ невѣжества, сражаются съ предразсудками и практическими заблужденіями, въ тысячу разъ опаснѣйшими, **нежели тѣ чудовища, за истребленіемъ коихъ Гераклъ заслужилъ мѣсто между Греческими полубогами** [5, с. 73–74].

– Градация (нередко – в сочетании с повторами): Конечно имъ предстоятъ сильныя препятствія къ исполненію такихъ намѣреній; но за то они одарены **столь великою силою, столь дальновидною пронизательностію, столь живымъ влеченіемъ къ великому и достославному, столь пламеннымъ энтузіазмомъ**, что могутъ побѣдишь все, и на самомъ дѣлѣ оказать людямъ столько добра, сколько желаютъ имъ другіе слабѣйшіе, хотя и добрые умы [5, с. 73]. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ они отличаются **пламенною страстію къ познаніямъ, прилѣжаніемъ, которому препятствія придаютъ еще блѣе мужества, свободою души, которая столь ненавидитъ иго что иногда переступаетъ за нужные предѣлы, какимъ-то вдохновеннымъ воображеніемъ, которое открываетъ имъ**

тысячи новыхъ идей, – и героическимъ духомъ, который дѣлаетъ ихъ способными къ великимъ дѣламъ [5, с. 72].

– Риторические вопросы и риторические восклицания: *Низкія, пагубныя желанія должны ли водворяться въ душахъ небесныхъ?* [5, с. 75] *Какого сожалѣнія достойно, что такія способности могутъ быть употреблены во зло!* [5, с. 74] *Какое бѣдствіе для смертныхъ, если герои ложно мыслятъ!* [5, с. 75]

Как видим, русская публицистика начала XIX века достаточно насыщена тропами и стилистическими фигурами, которые способствуют созданию образности, экспрессивности речи, а значит, повышают её воздействие на умы и чувства реципиентов информации, в данном случае – интеллигенцию 20-х годов XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Бальцанова С. А. Литература и критика журнала «Невский зритель» / С. А. Бальцанова // Вестник Мордовского университета. – 1996. – № 4. – С. 71–72.
3. Котлова А. С. Персуазивный эффект тропов в политическом дискурсе / А. С. Котлова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 12. – С. 162–166.
4. Мингалева О. В. Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе / О. В. Мингалева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1 (28). – С. 82–87.
5. Невский зритель. Ежемѣсячное изданіе. Часть первая. Мартъ. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ : Въ Типографіи В. Плавильщикова. 1820.
6. Степанова К. А. Язык газетно-публицистического стиля как средство воздействия на читателя / К. А. Степанова, М. А. Сиривля // Общество. – 2018. – № 3 (11). – С. 54–57.

АННОТАЦИЯ

Балко М. В. Тропеизация русской публицистической речи начала XIX века (на материале общественно-политических статей журнала «Невский зритель»)

Статья посвящена рассмотрению особенностей использования тропов и фигур речи в русских общественно-

политических текстах 20-х годов XIX века. В качестве источника фактического материала избран журнал «Невский зритель». Проанализированы следующие тропы и фигуры, используемые в этом журнале в качестве средства воздействия на реципиента информации: метафоры, сравнения, градации, риторические вопросы и риторические восклицания. Установлены функции метафоры в общественно-политических статьях журнала «Невский зритель».

Ключевые слова: тропеизация, троп, фигура речи, публицистика, воздействие, «Невский зритель».

SUMMARY

Balko M. V. Use of tropes in Russian publicistic speech of the beginning of the 19th century (based on socio-political articles of the magazine «Nevsky Spectator»)

The article considers the features of the use of tropes and figures of speech in Russian socio-political texts of the 20s of the XIX century. The magazine «Nevsky Spectator» was chosen as a source of factual material. The following tropes and figures used in this journal as a means of influencing the recipient of information are analyzed: metaphors, comparisons, gradations, rhetorical questions and rhetorical exclamations. The functions of metaphor in socio-political articles of the magazine «Nevsky Spectator» are established.

Key words: use of tropes, trope, figure of speech, journalism, influence, «Nevsky Spectator».

УДК 811.11

**ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ
ОЦЕНОЧНОСТИ В ОТРАСЛЕВОЙ ЛЕКСИКЕ
(на материале немецкого языка)**

Существуют виды отраслевой лексики, для которых выделение оттенков понятия является естественной функцией, поскольку экспрессивная оценочность, относящаяся в первую очередь к таким оттенкам, выступает в качестве типичного признака соответствующей лексической системы. Она отражает экспрессивный характер соответствующей отрасли, что не характерно для большинства терминосистем. Это относится в первую очередь к научно-технической терминологии, для которой эмоциональность и экспрессивная оценочность не являются типичными признаками, так как для термина характерны: «... интеллектуальная чистота, т.е. его отрешенность от образных и эмоциональных переживаний, обычно сопутствующих обиходному словоупотреблению» [Винокур 1939, с. 3].

Своим экспрессивно-оценочным характером разговорный язык футбола отличается от нейтральных терминосистем, занимая, благодаря своей функции и структуре, особое место среди других видов отраслевой (специальной) лексики.

Для исследователя важно, что специальная лексика представляет собой относительно ограниченную в количественном отношении систему. Это позволяет анализировать вербальное отражение особенностей ментальности на базе конкретного языкового материала.

Выбор в качестве объекта исследования именно разговорного варианта языка футбола, который используют болельщики, игроки и тренеры (далее РЯФ), являющегося основой языка спорта в целом, представляется обоснованным, поскольку его можно рассматривать как вариант общеразговорного немецкого, что является следствием большой популярности обслуживаемой им отрасли. А чем популярнее соответствующая специальная область деятельности в данном языковом ареале, тем ближе лексика этой специальной отрасли к разговорной речи и тем интенсивнее взаимодействие между ними. Вследствие этого именно в РЯФ (а не в специальной терминологии, которую употребляют специалисты) находят своё отражение многие ментальные особенности немцев.

Как известно, национально-культурная специфика языка отражается в первую очередь в экспрессивной части его словарного состава – фразеологии, пословицах, поговорках, а также и в оценочной лексике. «Эмпирически очевидно, что подавляющее большинство экспрессивно окрашенных наименований – продукт метафорического словопроизводства» [Телия 1988, с. 29], возникающего в результате переноса значения, осуществляемого на основе мотивационных признаков. Такие признаки, как правило, не совпадают в различных языках, «что позволяет считать их национально-специфическими языковыми элементами, которые выделяются путём межъязыкового сопоставления» [Райхштейн 1986, с.10]. При этом они доставляют переводчикам, а также всем изучающим иностранный язык немало трудностей.

В роли экспрессивно-оценочных футбольных жаргонизмов в РЯФ часто выступают гастрономические (*гастрономимы*) и зооморфные (*зоонимы*) метафоры. Количество гастрономических метафор в РЯФ достигает полусотни единиц, (включая композиты и дериваты), однако число словоупотреблений впечатляет – такие метафоры встречаются практически в каждом втором тексте. При заимствовании в РЯФ они используются для эмоционально-оценочного обозначения специальных понятий и входят в соответствующие лексико-семантические группы (далее ЛСГ), отражающие концептуальное пространство футбол.

Среди гастрономических метафор преобладают негативно-оценочные. Заимствование из гастрономической терминологии происходило, как правило, опосредованно – через общеразговорную лексику. Такие гастрономимы входили в отраслевую (специальную) лексику как «готовые» носители эмоциональной оценочности, то есть разговорно окрашенные лексемы. В общеразговорной лексике соответствующие наименования продуктов уже употреблялись в переносном значении как средство создания эмоциональной оценочности.

Практически все эти метафоры представляют собой окказиональные жаргонизмы, которые, как правило, не фиксируются в спортивном (футбольном) значении ни специальными, ни общими словарями. Это представляется вполне логичным, поскольку, например, заимствование из военной лексики является следствием внешнего сходства между мирной футбольной борьбой и многими военными основными понятиями, вытекающее из сходства самих задач (например: задачи обороны и военной, и футбольной – отражение атак противника). Вследствие этого заимствованные из военной терминологии метафоры получают в разговорном языке футбола статус узуальных.

Гастрономические метафоры не могут опираться на такое значительное «отраслевое» сходство. Они не являются единственными обозначениями основных (ключевых) футбольных понятий, а лишь используются как средство создания эмоциональной оценочности, чаще негативной, не столько обозначая понятие, сколько характеризую его. В их семантике происходит перераспределение удельного веса в пользу коннотативной функции, то есть главное не **что** они обозначают, а **как**.

РЯФ не единственная отраслевая лексика, где гастрономическая метафора нашла своё применение. Исследователи отмечают роль гастрономической (которую называют также «кулинарной») и зооморфной метафор, которую они играют в образовании английских технических терминов в отрасли микроэлектроники, где «в качестве строительного материала для образования наименований, терминирующих разные объекты технологических операций, привлекаются названия предметов кулинарии: wafer 'вафля', sandwich 'бутерброд', cooker 'плитка, печь' и т. п. Перечисленные слова общепотребительной лексики относятся к так называемой предметной лексике, для единиц которой характерна прозрачная внутренняя форма, ясно указывающая на главные признаки соответствующих денотатов» [Лапина 1988, с. 140].

Гастрономические метафоры могут служить в РЯФ и средством создания положительной оценочности, но не так часто как отрицательной, подтверждая сходство с общеразговорной лексикой, в которой «...особенно типичны слова с отрицательной оценкой, в то время как слов с положительной семой немного» [Девкин 1979, с. 160].

Все гастрономические метафоры-существительные, употребляемые в РЯФ, представляют собой окказионализмы и не фиксируются специальным словарём или общими в футбольном (или общеспортивном) значении. Критериями включения соответствующей гастрономической метафоры в разряд положительных окказиональных футбольных жаргонизмов служат:

- 1) обозначение специального понятия (если речь идёт о сложном образовании, то специальное понятие обозначает один из его компонентов);
- 2) наличие у сложных слов позитивно-оценочного компонента, а у корневых – положительной оценочности в их значении наряду с образным выражением специального понятия.

В качестве гастронимов – носителей эмоционально-позитивной оценочности, в РЯФ употребляются немногие наименования

продуктов. Здесь часто встречается гастроним *Sahne* (= сливки). В общеразговорной лексике, кроме наименования продукта: „1. a) oben schwimmender, fetthaltigster Teil der Milch, Rahm...“ [Universalwörterbuch 1996], это существительное употребляется и в составе целого ряда словосочетаний, выражающих позитивную оценочность, например: „...das ist (erste, volle) Sahne молод. Отлично, классно, клёво. Das hast du gut gemacht, wirklich? Volle Sahne! // Die Aufführung war erste Sahne...“ [Девкин 1996]. В разговорной речи часто встречается и усиленный вариант выражения – das ist allererste (allerfeinste) Sahne.

В качестве гастронимической метафоры в РЯФ *Sahne(n)* продуктивно только как словообразовательный элемент, употребляясь в качестве компонента-определителя целого ряда сложных окказиональных образований с сильной эмоционально-позитивной оценочностью, которые входят в лексико-семантические группы:

ЛСГ «*nomina actionis*», например:

- *Sahnenschuss* = великолепный удар: „*Sahnenschuss* in den linken Winkel zum 1:0“ [Bild, 22.01.2000, S. 10].

- *Sahne-Pass* = образцовый (острый, голевой) пас: „64. Minute: *Sahne-Pass* von Schweinsteiger in den Lauf vom gerade eingewechselten Guerrero“ [BamS, 21.11.2004, S. 71].

- *Sahne-Flanke* = образцовый (острый) пас с фланга (= прострел): „Eine *Sahne-Flanke* von Gera nimmt er per Brust mit, lässt Kahn aus 8 m keine Chance“ [Bild, 7.06.2004, S. 13].

- *Sahne-Solo* = великолепный сольный проход игрока „Nach *Sahne-Solo* von Deisler vergibt Klose frei gegen Torwart...“ [BamS, 10.10.2004, S. 76].

ЛСГ «наименование результатов», например:

- *Sahnestücke* = великолепные голы: „Die Tore – alles *Sahnestücke*!...Der Kroatie rennt frei auf Torwart Warmuz zu. Und hebt den Ball in vollem Lauf herrlich über den Keeper ins lange Eck, 1:0“ [BamS, 25.04.2004, S. 82].

- *Erste-Sahne-Tor* = великолепный, выдающийся гол: „90. Minute: Sibusiso Zuma dreht das Ding mit einem „*Erste-Sahne-Tor*“ [Bild, 24.10.2005, S. 12]. Определительный компонент – общеразговорное словосочетание *erste Sahne* трансформировалось в составе сложного окказионализма в сдвиг.

- *Sahne-Bilanz* = великолепный итог (баланс): „Unser größtes Sturm-Talent seit Jahren. „Prinz Poldis“ *Sahne-Bilanz*: 16 Spiele, 7 Tore. Nach seinem Traum-Tor gegen Bayern lobte Uli Hoeneß...“ [Bild, 3.05.2004, S. 16].

Во всех случаях своего употребления в качестве определительного компонента гастронимическая метафора *Sahne*

придаёт любому основному компоненту сильную позитивную оценочность.

ЛСГ «наименование игры», например:

- *Sahnehäubchen* = решающая игра в борьбе за чемпионский титул (завершающий кульминационный момент): „Der Sieg gestern in München war das i-Tüpfelchen. Im Stadion des härtesten Verfolgers die Meisterschaft perfekt zu machen – das war das *Sahnehäubchen* für die *Titel-Torte*“ [BamS, 9.05.2004, S. 73].

Данная гастрономическая метафора заменяет более конкретное и вследствие этого менее образное общеязыковое существительное с позитивно-оценочным значением *Krönung*: „...2. abschließender Höhepunkt...“ [Universalwörterbuch 1996]. Основной компонент гастрономической метафоры *Häubchen* в общеязыковой лексике обозначает: „...d) schützende od. schmückende Bedeckung über etw...“ [Universalwörterbuch 1996]. Общеязыковые значения обоих компонентов анализируемого сложного образования как бы пересекаются, поскольку содержат в значении сходные компоненты, которые обозначаются в словарной дефиниции существительного *Häubchen* словосочетанием «*schmückende Bedeckung*», а в дефиниции гастрономической метафоры *Sahne* «*oben schwimmender...Teil der Milch*». Оба элемента значения подчёркивают «нахождение *наверху* в качестве лучшей, украшающей части».

Общеизвестен факт, что у большинства метафор оценочный смысл «хорошо» связан с понятием *верха*, что наблюдается и в данном случае.

Дополнительную эмоционально-оценочную окраску эпизоду придаёт также и употребление трансформированного варианта общеразговорного выражения *das Tüpfelchen aufs i setzen* (= «поставить точку на и») [БНРС] → *das i-Tüpfelchen*, заменяющего спортивный термин *Sieg*: Der Sieg...war das **i-Tüpfelchen**... das war das *Sahnehäubchen*“ [BamS, 9.05.2004, S. 73].

Другая популярная гастрономическая метафора **Zucker** (= сахар) имеет и в РЯФ «сладкий вкус». Чаше (как *Sahnehäubchen*) она выступает в качестве компонента-определителя композитов, входящих в ЛСГ:

ЛСГ «*nomina actionis*», например:

- *Zuckerpass* = великолепный, выверенный пас: „...Emile Mpenza zauberte und wirbelte beim 3:1 gegen Dortmund im Gazi-Cup in Antalya.... direkte *Zuckerpässe*, immer in Bewegung...“ [Bild, 22.01.2000, S.10].

- *Super-Zucker-Pass* = «супервеликолепный» пас „Ein *Super-Zucker-Pass* vom überragenden Karimi...“ [BamS, 14.08.2005, S. 56]. В этом примере положительное значение, которое

придаёт всему сложному образованию метафора *Zucker*, усиливается употреблением в качестве компонента-определителя эмоционально-усилительного элемента (потенциатора) *Super*.

- *Zucker-Kombination* = великолепная, классическая комбинация: „Wieder *Zucker-Kombination* Feutner-Poldi-Streit...“ [Bild, 15.08.2005, S. 14].

- *Zucker-Flanke* = великолепный, острый фланговый пас (прострел): „Die *Zucker-Flanke* von „Prinz Poldi“ jagte „Schweini“ vom linken Strafraum-Eck volley in den rechten Winkel“ [Bild, 21.11.2004, S. 71].

- *Zucker-Freistoß* = великолепно пробитый штрафной удар: „Asamoah köpft völlig frei einen *Zucker-Freistoß* von Linkoln zum 1:0 ins Netz“ [BamS, 13.02.2005, S. 68].

ЛСГ «наименование абстрактных понятий», например:

- *Zuckerseite* = сильная сторона вратаря: „Ollis Vater Rolf dagegen sagt: „Jeder Torwart hat eine *Zuckerseite* und eine schwächere...““ [Bild, 28.02.2004, S. 10].

Данное сложное образование возникло, вероятно, по аналогии с популярным общеразговорным – *Schokoladenseite*: „(ugs.): dasjenige, was an dem Aussehen, dem Wesen, der Art von jmdm., etw. bes. angenehm, vorteilhaft ist...“ [Universalwörterbuch 1996]. В составе футбольного окказионализма *Zuckerseite* практически в неизменном виде сохранилось значение основного компонента *Seite*, обозначая «сторону, которую вратарь лучше защищает». У любого вратаря есть «сильная» и «слабая» сторона, это может быть левая или правая (как у нападающего – «сильная» или «слабая» нога). Замена в составе футбольного окказионального жаргонизма общеразговорного определителя *Schokolade(n)* на свой «собственный» – *Zucker*, имело, вероятно, целью несколько специализировать форму выражения специального понятия (как это иногда происходит за счёт применения для создания терминов диминутивных суффиксов).

У общеязыкового «продуктового» существительного *Zucker* эмоционально-позитивная оценочность выражена, пожалуй, ещё сильнее (чем у *Sahne*): „...*Zucker* sein (salopp; in Begeisterung, Bewunderung hervorrunder Weise schön, gut sein): das Mädchen, deine Idee ist Z...“ [Universalwörterbuch 1996].

В роли определителей сложных окказиональных жаргонизмов, гастрономические метафоры *Sahne(n)* и *Zucker* становятся в рамках РЯФ контекстуальными синонимами. Они теряют свою предметную соотносённость (обозначения конкретных продуктов) и являются лишь носителями эмоционально-позитивной оценочности, которой уже обладали в общеразговорной речи. В русском языке из этих двух наименований соответствующих

продуктов в качестве эмоционально-оценочного употребляется «сахар», причём только в общеразговорной лексике, причём он больше известен как часть негативно окрашенного выражения: «не сахар (разг.) – о кое-чём-н. неприятном, трудном. Характерец у тебя не с.» [Ожегов 1987]. Популярно словосочетание (также негативно окрашенное): «не растаешь, не сахарный», встречающееся в ситуации, когда кто-либо намок (под дождём) и жалуется на это.

Анализ всего многочисленного ряда сложных окказиональных жаргонизмов с определительным компонентом *Zucker* показал, что:

1) в качестве гастрономической метафоры в РЯФ *Zucker* стало универсальным средством эмоционально-позитивной характеристики практически любого специального действия;

2) с образом сахара (олицетворяющего вкусовое качество «сладость») у носителей немецкого языка ассоциируется эффективно (и эффективно) выполненное действие.

Гастрономическая метафора *Banane* (банан) в общеразговорной лексике, в отличие от большинства других «продуктовых» существительных, для создания эмоционально-оценочной характеристики применяется редко. Обычно она встречается в качестве компонента сложного существительного (калькированного с английского) *Bananenrepublik*, имеющего негативную окраску: „(oft abwertend): kleines Land in den tropischen Gebieten Amerikas, das bes. vom Export von Bananen lebt u. von fremden, meist US-amerikanischem Kapital abhängig ist“ [Universalwörterbuch 1996].

В составе данного сложного образования гастрономическая метафора *Banane* ассоциируется со страной, уровень развития экономики которой настолько низок, что она ничего толком не может производить и только торгует бананами, которые растут там сами по себе, чему способствует объективный фактор – благоприятный климат.

Сложные окказионализмы с гастрономической метафорой *Banane* в качестве компонента-определителя входят в следующие лексико-семантические группы:

ЛСГ «наименование футбольных наказаний», например:

- *Bananen-Freistoß* = пробитый по дуге в обход стенки штрафной удар „Krumm und schön: In der Nachspielzeit zaubert der neue HSV-Star van der Vaart diesen Bananen-Freistoß aus 20 Metern ins Bielefelder Netz...“ [Bild, 15.08.2005, S. 16]. В РЯФ существительное *Banane* выступает чаще в качестве носителя позитивной оценочности, выразителем которой оно стало за счёт выхода на первый план компонента значения «кривая форма», а

не, как это могло показаться, «приятный, сладкий вкус». Именно кривая траектория полёта мяча после пробитого штрафного удара (в обвод традиционной стенки из игроков) очень ценится в среде специалистов и болельщиков, что подтверждается употреблением «на равных» двух характеристик обозначаемого действия: *krumm* и *schön*.

В качестве эмоционально-позитивного определителя *Banane(n)* может выступать как в составе сложного окказионализма, обозначающего как само действие (удар) – *Bananen-Freistoß* так и его результат, т.е. гол (ЛСГ «наименования результатов») – *Bananentor* = гол, забитый обводным ударом по дуге: „Jetzt zeigte er uns ein wunderbar krummes Ding... Vier Schritte Anlauf... und schwupps – fliegt der Freistoß von Rafael...rechts oben in den Winkel. Ein herrliches *Bananentor*...“ [Bild, 15.08.2005, S. 16].

Крайне редко гастрономическая метафора *Banane* употребляется в качестве носителя негативной оценочности, обозначая, например: *Bananen-Abwehr* = плохо организованная оборона: „Jürgen Klinsmann und Deutschland müssen sich für das Costa-Rica-Spiel keine Sorgen machen... Ganz besonders schwach: die Viererkette inklusive Keeper Alvaro Mesen. Costa Rica mit *Bananen-Abwehr*“ [Bild, 2.03.2006, S. 13].

Здесь явно прослеживается аналогия с уже упоминавшейся калькой с английского *Bananenrepublik*, употребляющейся в политической лексике в качестве негативно-оценочного обозначения отсталого государства, чему не в малой степени способствует и тот факт, что речь в эпизоде идёт о Коста-Рике, то есть типичной «банановой республике». По логике футбольных журналистов плохая линия обороны сборной команды «банановой республики» вполне заслуживает того же самого «титула». Можно предположить, что данная гастрономическая метафора может стать со временем универсальным средством создания эмоционально-оценочных жаргонизмов, используемых как для позитивной, так и негативной характеристики соответствующих футбольных явлений.

Употребление других гастрономических метафор в РЯФ не носит серийного характера. Среди них отмечено обозначение очень удачной игры в турнире еврокубка – *Eurocup-Delikatesse* (ЛСГ «наименование игры»): „Nach der vorzüglichen Eurocup-Delikatesse mit dem fulminanten 4:2 gegen Liverpool zeigten die erschöpften Leverkusener... nun Bundesliga-Hausmannskost“ [BamS, 14.02.2002, S.60]. В общеязыковой лексике существительное *Delikatesse* (= деликатес) имеет значение: „...1.etw. bes. Wohlschmeckendes od. Ungewöhnliches; Leckerbissen: Lachs ist eine D. Ü eine musikalische D...“ [Universalwörterbuch 1996].

В данном эпизоде футбольный окказиональный жаргонизм возник в результате соединения в составе сложного существительного собирательного наименования изысканных продуктов, выражающего эмоционально-позитивную оценку (основной компонент), с обозначением футбольного понятия, взявшим на себя функцию определителя при основном компоненте – носителе оценочности.

Употреблённое в переносном значении, возникшее в результате метафорической трансформации, носителями немецкого языка «изысканное гастрономическое» существительное *Delikatesse* воспринимается как слово с ярко выраженной положительной коннотацией, которое может применяться для характеристики неодушевлённых предметов в самых различных отраслевых лексических системах, включая РЯФ. Анализируемому положительно окрашенному окказионализму в вышеприведённом эпизоде противопоставлен в качестве носителя эмоционально-негативной характеристики другой окказиональный жаргонизм, имеющий гастрономическое значение и образованный по такой же словообразовательной модели, что и *Eurocup-Delikatesse*, только со знаком минус *Bundesliga-Hausmannskost* (обозначение футбольного понятия в качестве определителя + эмоционально-оценочный основной компонент).

В общезыковой лексике *Hausmannskost* (= простая пища) выступает в значении: „einfaches, kräftiges Essen... Ü H. (durchschnittliche Qualität) ist nicht gefragt bei einem Länderspiel“ [Universalwörterbuch 1996].

Ключевым словом в данной дефиниции является определение *durchschnittlich*, которое может быть противопоставлено в качестве узуального антонима ключевому слову дефиниции существительного *Delikatesse* – *ungewöhnlich*.

В качестве средства создания эмоционально-позитивной оценочности в РЯФ употребляется также и синоним рассмотренного выше существительного *Delikatesse* другой гастрономический термин – *Feinkost*: „61524 Fans sahen bei Schalkes 2:1 gegen Bielefeld Fußball aus der *Feinkost-Abteilung*“ [Bild, 30.11.2004, S. 11].

В общем словаре значение гастрономического термина *Feinkost* определено через синоним – „*Delikatesse*“ [Universalwörterbuch 1996]. Общезыковая синонимия была перенесена и в РЯФ, где, однако, в отличие от *Delikatesse*, метафора *Feinkost* выступает в качестве определительного компонента в составе сложного окказионализма.

Группа гастрономических метафор-глаголов, служащих средством создания эмоционально-позитивной оценочности в РЯФ малочисленна:

- *würzen* = сделать острой («приправить») игру: „Viele Torchancen *würzten* das Spiel...“ [BamS, 14.04.2002, S.60].

В общезыковой лексике гастрономический глагол *würzen* (= приправить, придавать соль чему-л.) имеет значение: „...mit Gewürzen, Kräutern o. Ä. schmackhaft od. wohlriechend machen: das Gulasch, die Suppe w.... Ü er würzte seine Rede mit Wortspielen...“ [Universalwörterbuch 1996].

В данном случае мы наблюдаем довольно редкий случай совпадения прямого и переносного значений у немецкого и русского полисемантических слов. В немецкий РЯФ анализируемый глагол вошёл в переносном значении, которое уже в общезыковой лексике имело эмоционально-положительную оценочность.

- *fressen* = справиться с противником, победить его: „Da stört fast, dass Donnerstag zunächst noch Palermo zum UEFA-Cup-Rückspiel kommt. Super-Slomka: Alles vergessen – erst Palermo *fressen!*“ [Bild, 14.03.2006, S. 11].

В общезыковой лексике гастрономический глагол *fressen* (= жрать) имеет значение: „1. (von Tieren) feste Nahrung zu sich nehmen.. (salopp, meist abwertend von Menschen). Этот глагол относится и к гастрономическим, и к зооморфным метафорам, являясь, с одной стороны, разговорно-фамильярным синонимом глагола *essen*, с другой – обозначением действия, выполняемого животными (= жрать).

В РЯФ *fressen* выступает в качестве окказионального жаргонизма, заменяющего обозначение общеспортивного понятия *besiegen*. Можно предположить, что именно определённая «зооморфность» стала причиной заимствования в РЯФ *fressen* (а не нейтрального синонима *essen*), поскольку он жёстче и агрессивнее обозначает соответствующее действие, что подтверждается другими общеразговорными значениями анализируемого глагола: „...2.a) verbrauchen, verschlingen... c) angreifen u. langsam zerstören...“ [Universalwörterbuch].

В РЯФ встречается и производный от *fressen* глагол с полупрефиксом *auf* - *auffressen* (= сожрать), который выступает в общезыковой лексике в значении:

„1. ganz fressen..., bis nichts mehr übrig ist...“

2. (ugs.) völlig, bis zur Erschöpfung beanspruchen...“

[Universalwörterbuch 1996].

В РЯФ глагол *auffressen*, также как и его исходный глагол, выступает в качестве эмоционально-оценочного синонима к спортивным глаголам *gewinnen*, *besiegen*. При этом глагол *auffressen* в большей степени, чем *fressen* (за счёт полупрефикса) выражает завершённость (результативность) и имеет более ярко

выраженное позитивно-оценочное «футбольное» значение: „Nach dem 0:1 im Hinspiel sollten sie den 10. der Serie A am besten mit einem 2:0 nach 90 Minuten *auffressen*“ [Bild, 14.03.2006, S. 11].

В заключение следует отметить следующее:

Гастрономические метафоры (или гастронимы) употребляются в разговорном варианте немецкого языка футбола в основном в качестве негативно-оценочных экспрессивных обозначений специальных понятий. Реже встречаются гастронимы как эмоционально-оценочные позитивные обозначения, применения которых носят там окказиональный характер. Тем не менее они играют определённую роль как средство создания эмоциональной оценочности. А относительно невысокая частотность их применения помогает им сохранить определённую свежесть и неожиданность, что крайне важно для такого эмоционально окрашенного вида специальной лексики как язык футбола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой немецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 1039 с. – БНРС.
2. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Русский язык, 1996. – 768 с. – Девкин 1996.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической Терминологии // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы, вып. 5, 1939, с. 2-14.
4. Лапина Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. – С. 134-145.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 796 с. – Ожегов.
6. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
7. Райхштейн А.Д. Национально-культурный аспект коммуникации // Иностранные языки в школе. – М.: 1986. – № 5. – С. 10-14.
8. Duden. Deutsches Universalwörterbuch A – Z. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S. – Universalwörterbuch.
9. Regeln und Sprache des Sports von Rainer Wehlen. Band 1. – Mannheim / Wien/Zürich.: Dudenverlag, 1976. – 377 S. – Regeln 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Die Bildzeitung (Hamburg)

BamS /Bild am Sonntag/ (Hamburg)

АННОТАЦИЯ

Голодов А.Г. Гастрономические метафоры как средство создания позитивной оценочности в отраслевой лексике (на материале немецкого языка)

В статье анализируется отражение в языке элементов ментальности конкретного народа. В первую очередь такие ментальные особенности находят своё выражение в экспрессивно-оценочной части словарного состава, которая возникает в результате переноса значения. Этот перенос осуществляется на основе различных мотивирующих признаков. Цель статьи – исследование употребления гастрономических метафор для создания позитивной оценочности в специфическом виде отраслевой лексики – немецком разговорном языке футбола.

Ключевые слова: немецкий разговорный язык футбола, вербальное отражение ментальности, гастрономические метафоры, позитивная оценочность

SUMMARY

Golodov A.G. Food Metaphors as Means to Create Positive Estimation in Special Lexics (on the material of the German language)

The article analyzes the reflection of mental elements in the language of particular nation. First of all such mental peculiarities are found in the expressive-estimative lexics that appears as the result of meaning shifting. The shifting is performed on the basis of different motivating signs. The aim of the article is the study of the usage of food metaphors to create positive estimation of such special lexics as the German colloquial language of football.

Key words: the German colloquial language of football, verbal reflection of mentality, food metaphors, positive estimation.

УДК 811.161.1
**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
КОМПОЗИТНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ**

Вопросами изучения композитных цветообозначений занимаются многие современные лингвисты. Имя прилагательное в силу своего категориально-грамматического значения, в основе которого лежит идея качества, является одним из самых важных средств номинации цвета.

Под цветообозначением понимаются чаще всего имена прилагательные, которые обозначают определенные и неопределенные цвета. Они функционируют как самостоятельные слова, так и в составе конструкций с обозначением цвета [6, с. 56].

Целью данной статьи является описание ономасиологических моделей прилагательных – цветообозначения, которые мы относим к бахуврихи.

Обратимся к истории данного вопроса. В.Д. Черняк отмечает, что в исследовании форм вербализации цветовой палитры имеют место как основные цветковые прилагательные (*синий, зеленый, красный*), так и составные прилагательные, демонстрирующие нюансировку цветовой палитры, а также метафорические по своему происхождению (*вишневый, пепельный*) [8, с. 26].

В работах Е.В. Сапиги, М.В. Репиной, С.В. Жуковой отмечено, что цвет в лингвистической науке находит свое выражение в так называемой колоративной лексике, а именно цветообозначениях и цветоименованиях, описывающих оттенки цвета [5, с. 193]. В то же время ученые рассматривают концепт цвета, представляющий собой такую схему восприятия, где у всех объектов окружающего нас мира выделяется характеристика «окрашенности», передаваемая в языке посредством прилагательных цвета [3, с. 34].

Весьма полезной для нас оказалась классификация композитов цветообозначений, предложенная учеными Е.В. Белоглазовой и С.А. Бабиной:

1. Абсолютные, которые подразделяются на две подгруппы (хроматические и ахроматические);
2. Оттеночные.

Для более полного описания цветообозначений как системы были рассмотрены 4 группы колоративных композитов, выделенных Е.А. Косых, где мы относим прилагательные-бахуврихи к двум единицам, а именно:

1) монолексемные имена прилагательные, указывающие на конкретный цвет, например, *зеленоглазый, краснолистный*;

2) сложные имена прилагательные, состоящие из нескольких корней, указывающие как на равноправные цвета и их оттенки, так и на интенсивность цвета, например, *пепельно-серый, огненно-красный* [1, с. 140].

Следует отметить, что прилагательные-бахуврихи относятся к классу универбализационных композитов, поскольку имеют тождественное словосочетание определенному сложному слову, например, бахуврихи цветообозначения *белокожий* относится к группе абсолютных композитов. В данном слове ономасиологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, то есть «кожа», а ономасиологический признак на основе семантики зависимой лексемы цветообозначения «белый», например:

Это был круглолицый и белокожий господин с большими залысинами и редкими светлыми волосами, аккуратно зачёсанными на пробор (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru);

Впервые Шуша увидела, как молятся верующие мальчики из старинных родов, из хороших семей, с белой кожей и ранней сединой (Дарья Симонова. Легкие крылышки (2002); Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

Актуальность нашего исследования определяется существованием множественных научных подходов к изучению прилагательных-цветообозначений и сложностью разграничения структурных разновидностей словообразовательного единства. Полагаем, что главный принцип построения композитных колоративных моделей предусматривает необходимое участие в слове второго компонента с названием цвета.

При рассмотрении колоративного композита *огненно-красный* возникает вопрос, можем ли мы отнести его к группе универбализационных композитов, а именно бахуврихи. Согласно концепции Л.В. Сосниной, в таких сложных прилагательных наблюдается универбализация компонентного типа при опущении служебных единиц исходного словосочетания в процессе его преобразования в композит [6, с. 62]. Следует отметить, что исходное словосочетание композита *огненно-красный – красный, как огонь* определенно относится к классу бахуврихи. При этом ономасиологическая модель данного композита «*цвет+коррелятив*», поскольку ономасиологический признак «*красный*» относится к группе абсолютных (хроматических) единиц, а ономасиологический базис «*огонь*», согласно классификации Л. В. Вяземской и

О. Н. Емельяновой, относится к группе слов, семантика которых напрямую связана с цветом, но они называют такие явления действительности, которые в представлении каждого из нас устойчиво ассоциируются с тем или иным цветом или даже целой гаммой цветовой палитры [2, с. 64].

И.А. Попова, описывая стихию огня в колористике художественных произведений И. Бунина, указывает, что именно цвета обладают насыщенными эмоционально-экспрессивными возможностями, основой которых является символическое значение. Ученый считает, что эффект эмоционального воздействия усиливается при уделении внимания цветам вторичной номинации, поскольку данные цветоименования сохраняют живой образ стихии, где прослеживается психоэмоциональная связь с понятием, предметом, давшим название цвету [4, с. 73].

Вслед за Л.В. Сосниной отмечаем, что в соответствии с ономасиологическим подходом к изучению номинативных единиц «цвет» является «ономасиологическим признаком, указывающим на субъективную оценку восприятия цвета предмета или объекта» [7, с. 176].

По результатам нашего исследования предлагаем рассмотреть ономасиологические модели композитов цветообозначения. Напомним, что предметом данной работы являются прилагательные-бахуврихи, составляющие значительный пласт лексики, используемой для описания цветообозначений.

Базовый цвет «белый»

1. Модель «цвет+орган»

Белолицый/с белым лицом: *Если по порядку, то на Курском вокзале совершенно неожиданно для меня нас встречает высокий, белолицый, русый, красивый юноша в каком-то порыжевшем (буквально ржавом), старом нелепом пальтишке* (А.А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009); Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); *Верина мама выскочила с белым лицом и отчего-то рванулась к парку* (Татьяна Кудрявцева. Рассказ о войне// «Бельские просторы», 2013; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

2. Модель «цвет+объект»

Белокаменный / из белого камня: *Белокаменный домонгольский храм в княжеской резиденции близ Галича и, конечно, Почаевская лавра одиноко стоят за византизм в Галиции* (Рустам Рахматуллин. Имя Русь // «Новый Мир», 2009; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru); *Храм Надежды — маленькое залитое солнцем здание из белого камня — стоял точно между рекой и лесом* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014) ; Национальный корпус русского языка; ruscorpora.ru).

3. Модель «объект+коррелятив»

Белоснежный / белый как снег: *Для женщин с белоснежной кожей салоны предлагают услугу экспресс-загара* (Отдохни, №27, 01.07.2014); **Белый как снег** Ковалев направился к двери (Александра Маринина. Стечение обстоятельств (1992); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

Базовый цвет «красный»

4. Модель «цвет+объект»

Краснолистный /с красными листьями: *Попутно отмечено, что краснолистный клен и близкая нам береза обычно предпочитают расти на освободившихся опушках* (Лесная мозаика // «Знание-сила», 2003; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *Были и японские деревца, развесистая слива с красными листьями, крупнейших размеров смородина, были и виноград, и миндаль, и пирамидный тополь – все это принималось и росло с удивительной быстротой благодаря любовному глазу Антона Павловича* (О.Л. Книппер-Чехова. О А.П. Чехове (1921-1933); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

5. Модель «колоратив+коррелятив»

Кроваво-красный/красный, как кровь: *Разговорившись за чашечкой чая, мы даже не заметили, что наступил вечер, и солнце стало потихоньку садиться за горизонт, освещая небо кроваво-красным закатом* (kartaslov.ru); *Дедушка и Сергей поочередно макали в соль спелые помидоры, из которых тек по их губам и рукам красный, как кровь, сок, и заедали их сыром и хлебом* (А.И. Куприн. Белый пудель (1903); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

6. Модель «цвет+статус»

Краснознаменный/из красного знамени: *Но не так давно выяснилось, что для подлинной своей Родины я – косматый краснознаменный варвар, я – незаконнорождённый, но любил-то ее, как родную!* (Александр Терехов. Коммуналка (1995-2005); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *У двери, в которую я вошел, стояли два солдата в штанах, сшитых из красного знамени Свободы* (Максим Горький. Мои интервью (1906); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

7. Модель «цвет+орган»

Краснощекий / с красными щеками: *Парень открыл дверь, и из машины вышел тот самый краснощекий депутат, у которого Тамара была на приеме* (Александра Попова. Ангел на простыне // «Волга», 2015; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *Марина с красными щеками держала свою чашку возле лица и поглядывала на меня из-за ее края* (Андрей Геласимов. Год обмана (2003); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru);

Базовый цвет «черный»

8. Модель «цвет+состояние»

Чернодушный/с черной душой: *Чернодушная* – какое емкое определение! Вот только Арина сомневалась, что у Хелены вообще есть душа (booksonline.com.ua); *Не секрет, что за приятной внешностью и дружелюбием часто скрывается человек, мысли которого далеки от позитива и он оказывается личностью с черной душой* (5elementum.ru).

9. Модель «орган+цвет»

Чернобровый/с черными бровями: *Маменькина дочка Марфушка, чернобровая* и со свекольным румянцем во всю щеку, поразила воображение кинозрителей (ВИВА-Биография, №11(77), 2013г.); *К судьям выходит Инна Шевченко, загорелая блондинка с черными бровями* (События недели, №29(163), 15.07.14 г.).

10. Модель «объект+квалитатив»

Черноплодный/с черными плодами: Зимостойким и карликовым подвоем для груши является кизильник **черноплодный** (Александр Рудиковский. Способы повышения зимостойкости плодовых // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.07; Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru); *На вырубках и пустошах прибрежной зоны особенно разрослись различные ежевики (с ботанической точки зрения — это малина, только с чёрными плодами; в основном два вида: ежевика кавказская — более мощная, с крупными зелёными листьями и крупными плодами, и ежевика беловатая — с сероватыми листьями и более мелкими плодами* (Ю. Н. Карпун. Природа района Сочи (1997); Национальный корпус русского языка; ruscorgora.ru).

Описывая различные научные подходы к рассмотрению колоративных прилагательных, отмечаем сложность и вместе с тем перспективность данного направления современной лингвистики. Бахуврихи-колоративы являются весьма многочисленными и продуктивными лексическими средствами вербализации цвета. Таким образом, мы выделяем 10 ономаσιологических моделей колоративных композитов, таких как *орган+цвет*, *цвет+объект*, *цвет+состояние*, *объект+квалитатив*, *колоратив+коррелятив*, включающих базовые цвета *белый*, *красный*, *черный* в качестве структурного компонента. Значительную часть нашей картотеки составляют колоративные квазикомпозиты, например, *черно-пегий*, *черно-серебристый*, *черно-бурый*, *иссиня-черный*, а также единицы деривационного композитостроения *черноморский*, *черноknижный*. Полагаем, что дифференциация и рассмотрение различных классов колоративных композитов требует дальнейшей доработки с целью определения новых ономаσιологических и структурных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазова Е.В., Бабина С.А. Градуальная функция сложных имен прилагательных цветообозначения в русском языке (на примере произведения В.В. Крестовского «Петербургские трущобы») / Известия ВГПУ. Филологические науки. Языкознание. Саранск. – 2020. – С. 140-144.
2. Емельянова О.Н., Вяземская Л.В. Цветовая и световая лексика в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» / Языкознание/Общее языкознание. Сибирский федеральный университет. – г. Красноярск, 1998. – С. 64-75.
3. Комарова З.И., Талапина М.Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография / З.И. Комарова, М.Б. Талапина. – Екатеринбург: Изд-во Уральский федеральный университет им. первого Президента Б.Н. Ельцина, 2011. – 220 с.
4. Попова И.А. Стихия огня в колористике прозы И.Бунина / Вестник РУДН, серия Лингвистика, №2. – 2010. – С. 73-81.
5. Сапига Е, В., Репина М.В., Жукова С.В. Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль, Т.8, Ч.2. – №2. – Краснодар, 2016. – С. 192-195.
6. Соснина Л.В. Структурные разновидности композитных цветообозначений / Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – №2. – 2015. – С. 56-64.
7. Соснина Л.В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты: дисс. ... д-ра филол. наук/Л.В. Соснина. – Донецк, 2017. – 429 с.
8. Червяк В.Д. Цветовая палитра рассказов Ю.Казакова: лексическое воплощение / В.Д. Червяк, Хо Канин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Вып. 184. – 2017. – С. 26-30.
9. Шарипова В.М. Скрытая предикативность атрибутивных структур / Вестник Башкирского университета, раздел Филологии и искусствоведения, Т.12, №4. – 2007. – С. 110-111.

АННОТАЦИЯ**Соснина Л. В., Богомолова В. Р. Ономаσιологический подход к изучению композитных цветообозначений**

Данная статья посвящена анализу имеющихся научных подходов к изучению композитных цветообозначений в русском языке. Основываясь на современных концепциях по данной проблеме, следует отметить, что сложные прилагательные цветообозначения в плане выражения носят дифференцированный характер. Опираясь на наше исследование, мы описываем

ономасиологические модели колоративных бахуврихи, относящиеся к группе универбализационных композитов. По результатам анализа выявлены наиболее продуктивные ономасиологические модели колоративных композитов, которые мы относим к бахуврихи.

Ключевые слова: бахуврихи, цветообозначения, универбализационные композиты, ономасиологический базис, ономасиологический признак, тождественное словосочетание, хроматические и ахроматические композиты.

SUMMARY

Sosnina L. V., Bogomolova V. R. Onomasiological approach to colour composites studying

This article is devoted to the analysis of current scientific approaches of learning colour composites in the Russian language. From the perspective of modern conceptions of this problem, we should admit that compound colour adjectives, in their expressions, have a differentiated character. Relying on our research, we describe onomasiological models of colour bahuvrihi, related to univerbalizing composites. Based on the research findings, the most productive onomasiological models of colour composites were identified and referred to bahuvrihi.

Key words: bahuvrihi, colour naming, univerbalizing composites, onomasiological basis, onomasiological characteristic, identical word-combination, chromatic and achromatic composites.

*О. В. Шаталова
(г. Елец, РФ)*

УДК 81-11

SLAVIA ORTHODOXA: СЛАВИСТИКА КАК АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

В современной научной парадигме не всегда объективно расставляются акценты в оценивании специфики путей формирования определенных направлений и той или иной научной отрасли в целом. В связи с данным тезисом представляется необходимым соотношение «Slavia orthodoxa» и «славистика» – значимых категорий лингвистики как существенной составляющей не только филологии, но и гуманитарной сферы, культуры в целом.

В современной филологической терминосистеме понятие «Slavia orthodoxa», введенное в широкий обиход Рикардо

Пиккио в середине XX в., связывается с литературоведческой медиевистикой, с исследованием текстов, отражающих духовное единство восточных и южных славян, принявших христианскую культуру из Византии в IX-X вв. и имевших общую церковно-славянскую письменность [5]. Понятие «*Slavia orthodoxa*» – в буквальном переводе «Славия Православная» в работах Пиккио и его последователей противопоставляется «*Slavia Latina*», что обозначается как бытование двух историко-культурных миров славян, принципиально различающихся особенностями мышления.

С таким подходом лишь отчасти был согласен Дмитрий Сергеевич Лихачев, который использовал для обозначения того же явления понятия «древнеславянская литература-посредница» и «культура-посредница», имея в виду общность литературной традиции болгар, сербов, черногорцев (южных славян) и белорусов, украинцев, русских (восточных славян) [3].

Никита Ильич Толстой (родившийся в Сербии, обучавшийся в МГУ о специальности «болгарский язык и литература», защитивший кандидатскую диссертацию по старославянскому языку, а докторскую – по семантике на основе нескольких славянских языков, основавший этнолингвистическую школу, которая проводила полевые исследования в Полесье) обосновал теорию древнеславянского – старославянского и церковнославянского – языка как наднационального и международного, на котором развивалась средневековая литература.

Таким образом, необходимо акцентировать мысль о том, что цельность и духовно-нравственная гармоничность славянской литературы и культуры (или – шире – славянских литератур и культур) во многом обусловлена языком. Именно язык в силу ряда исторических – социальных и политических – причин стал той силой, которая определила возможность формирования единых культурных приоритетов, нравственных идей у народов разных географических территорий и социально-этических норм, которые по своей сущности ориентированы на духовно-нравственные приоритеты, на нематериальный и нематериалистический, на гуманистический контекст целей существования общества и личности. С другой стороны, развитие старославянского (или церковно-славянского) языка как языка литературного, наддиалектного, определяло параллельное, самостоятельное развитие национальных языков, фольклора, что позволяло сохранять самобытность, национально-культурную идентичность народов. Этот аспект, естественно, не единственный, но один из определяющих, позволил славянским языкам сохранить наиболее существенные мор-фонематические, грамматические и

семантические параметры, сформировавшиеся во многом еще в дохристианскую эпоху. В то же время наличие старославянского (церковно-славянского) как письменного позволило формально зафиксировать, закрепить эти специфические языковые формы и сохранить их до момента развития современной классической лингвистики – XVII-XIX вв. Данный факт позволил в XIX-XX вв. позволить оформить многие диалектные образования как самостоятельные национальные языки.

Недаром очень многие выдающиеся ученые-филологи для подтверждения своих идей (или, напротив, для научного вдохновения) обращались именно к славянским языкам.

Так, Вильгельм фон Гумбольдт – основатель философии языка как самостоятельной научной дисциплины, повлиявший на развитие языкознания XIX-XX вв., обосновывал соотношение языка и мышления на основе анализа славянских языков и мифологии. Гумбольдт доказывал, что взаимосвязанность, взаимообусловленность, взаимовлияние языка и мышления является тем фактором, который «делает человека человеком», что в самой структуре языка воплощено определенное воззрение на мир. Он определил язык как форму бытования и одновременно формирования «духа национального». Идеи Вильгельма фон Гумбольдта стали основой для научных поисков ученых разных стран мира, в том числе тех, кто занимался сравнительно-историческим языкознанием.

Так, Август Лескин – профессор Лейпцигского университета – один из первых исследователей славянских и балтийских языков в европейской филологической науке, автор древнеболгарской и сербо-хорватской грамматик, очерков по истории славянских, германских и литовских языков – разрабатывал концепцию сравнительного метода в языкознании и выстраивал соотношение языков по родственным связям. Август Шлейхер – один из основных представителей сравнительно-исторического языкознания, несмотря на самый широкий круг языковых интересов, считался лучшим знатоком церковно-славянского языка среди немецких ученых, что дало ему возможность получить должность на кафедре санскрита и сравнительного языкознания в Пражском немецком университете, где он читал чисто лингвистические курсы, в частности, литво-славянские языки. Так зарождается славистика (славяноведение) – наука, изучающая языки, литературы, фольклор, историю, материальную и духовную культуру славянских народов.

Российская лингвистическая наука, заложившая базовые основы не только для современной русскоязычной филологии, но и во многом повлиявшая на мировую лингводидактику, опиралась

на «славистические штудии». Федор Иванович Буслаев, делая акцент на грамматике, через обращение к произведениям фольклора, древнерусской литературы, к искусству Древней Руси доходит до функционально-психологических обобщений: в 1859 г. он читает наследнику престола Николаю Александровичу курс «История русской словесности, в том ее значении, как она служит выражением духовных интересов народа». В своем основном научно-методическом труде «О преподавании отечественного языка» Ф.И. Буслаев, говоря о значимости изучения родного языка, подчеркивает влияние языковых категорий на формирование мышления личности, на формирование типа и способа мышления: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному – значит вместе с тем и развивать духовные способности учащегося» [1, с. 12]. В 1861 г. Ф.И. Буслаев составил «Историческую хрестоматию церковно-славянского и древнерусского языков» – собрание памятников древнерусской письменности XI-XVII вв., в которую вошли 135 произведений, некоторые из которых были подготовлены к печати по рукописям и опубликованы впервые. Тексты в «Хрестоматии» были снабжены подробными историко-литературными и лингвистическими комментариями и до сих пор остаются актуальным материалом для исследования истории не только церковно-славянского, но и – при соответствующих языковых параллелях – истории других славянских языков.

Александр Афанасьевич Потебня – великий славянский филолог, чьи исследования напрямую соотносятся с теорией словесности, фольклора, мифа, а языковые наблюдения плавно перетекают в исследования литературоведческого и культурно-исторического характера – защитил магистерскую диссертацию на тему «О некоторых символах в славянской народной поэзии». Исследование символов в работах А. А. Потебни по фольклористике способствовало становлению новой лингвистической дисциплины – лингвокультурологии, которая активно развивается в мире сегодня [4].

Становление концепции современного русского языка Алексея Александровича Шахматова происходило, прежде всего, на основе исторических изысканий в области фонетики, морфологии, синтаксиса, исторической диалектологии (в 1896 г. совершил путешествие для изучения народных говоров Герцеговины и Черногории). В таких работах, как «Очерк древнейшего периода истории русского языка», «Введение в курс истории русского языка», «Древнейшие судьбы русского племени», в изданном посмертно «Очерке современного русского литературного языка» (1934), А.А. Шахматов обосновывает

идею «этнографического и лингвистического единства русского племени», подразумевая под «русским племенем» различные народы, для которых церковно-славянский был общим языком образования и науки. Уже в начале XX в. Шахматов, являясь членом многих иностранных Академий Наук, совместно с филологами России и зарубежных стран проводил большую работу по созданию Союза славянских академий для комплексного изучения важнейших научных проблем.

Современная когнитивистика, развивая идеи, высказанные В. фон Гумбольдтом, Ф.И. Буслаевым, А.А. Потебней, открывает новые горизонты в постижении человеческого мышления и языка. Работы ведущего специалиста в области когнитивистики, профессора кафедры германской филологии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Валентины Авраамовны Масловой широко цитируются в наукометрических базах как учеными-славистами, так и представителями других направлений.

Современную науку невозможно представить без грамматических и функциональных наблюдений Льва Владимировича Щербы, спектр научных интересов которого фактически неограничен, и мысль исследователя, анализирующего его лингвистическое мировоззрение, прежде всего, поражает глубина разработанности каждого частного направления: общей фонетики и лексикографии, методики преподавания иностранных языков и преподавания русского как родного и как иностранного, графики и орфографии. Однако начинается он свою научную деятельность, выражаясь современным языком, «с погружения в языковую среду» или «с нулевого уровня изучения» диалекта восточного наречия лужицкого языка – одного из славянских, сохранившихся доныне на территории Германии [4]. Л.В. Щерба последовательно придерживался мысли о существовании внутренних особенностей, присущих объекту языковедения, которые могли бы послужить основанием для психологической трактовки языка.

Наиболее полно общелингвистические взгляды Л.В. Щербы изложены в статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», важнейшим положением которой является разграничение речевой деятельности, языковой системы и языкового материала. При этом на первое место ставится речевая деятельность, то есть процесс говорения и понимания. По мнению Л.В. Щербы, речевая деятельность возможна только благодаря существованию второго компонента – языковой системы, то есть существованию словаря и грамматик, которые не получаются в качестве непосредственного опыта,

а приобретаются только путем использования языкового материала – «совокупности всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» [6]. Исходя из обозначенного, можно увидеть, что Л.В. Щерба выявлял в языковой системе «некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы» [Там же]. Следовательно, психофизическая организация индивида является лишь частным проявлением языковой системы. «Но само собой разумеется, – отмечает Л.В. Щерба, – что сама эта психофизическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом» [Там же].

Таким образом, в исследованиях речевой деятельности Л.В. Щербой заложены основы разграничения речевой характеристики определенного социума и индивида, что впоследствии в лингвистической науке получит развитие как характеристика индивидуальной личности (теория языковой личности, концепция представления речевого портрета говорящего индивида) и как характеристика языковых особенностей определенного социального психотипа (теория национальной языковой личности, профессиональной языковой личности и пр.). По большому счету, концептуальные подходы Л.В. Щербы получили свою трактовку и развитие в таких современных лингвистических направлениях, как психолингвистика [2] и нейролингвистика. «Теория речевой деятельности» Л.В. Щербы и исследования Льва Семеновича Выготского получили комплексное развитие в работах Алексея Николаевича Леонтьева по нейролингвистике, хорошо известных на Западе и использующихся в современных лабораторных исследованиях по моделированию коммуникативного пространства.

Можно приводить и другие многочисленные примеры, которые подтверждают прямо или косвенно значимость культурно-нравственного контента *Slavia orthodoxa* для формирования, развития и бытования современной гуманитарно ориентированной науки – лингвистики, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – М.: Юрайт, 2019. – 266 с.
2. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

3. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. – М.-Л.: Наука, 1973. – 256 с.
4. Николина Н.А. Великие имена. Русские лингвисты. – М.: Просвещение, 2008. – 380 с.
5. Пиккио P. Slavia orthodoxa. Литература и язык. – М.: Знак, 2003. – 720 с.
6. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24-39.

АННОТАЦИЯ

Шаталова О. В. Slavia Orthodoxa: славистика как аспект современной мировой науки и культуры

На основе спектрального анализа принципов становления значимых направлений лингвистики делается наблюдение о влиянии славянских языков и славистики на развитие современной мировой науки. Для обоснования факта основополагающей роли славянских языков в современной научной парадигме используется персонологический подход – привлекаются биографические данные ученых XIX-XX вв.; акцентируется роль старославянского / церковнославянского языка в формировании общности Slavia Orthodoxa и сохранении национальных языков и культур.

Ключевые слова: Slavia Orthodoxa, славистика, старославянский язык, Пиккио, Лихачев.

SUMMARY

Shatalova O. V. Slavia Orthodoxa: Slavistics as an aspect of modern world science and culture

Based on the spectral analysis of the principles of the formation of significant areas of linguistics, an observation is made about the influence of Slavic languages and Slavistics on the development of modern world science; the fact of the fundamental role of Slavic languages in the modern scientific paradigm substantiated, a personological approach is used – biographical data of scientists of the XIX-XX centuries are involved; special regard is given to the role of the Old Slavonic language in the formation of the Slavia Orthodoxa community and the preservation of national languages and cultures.

Key words: Slavia Orthodoxa, Slavistics, Old Slavonic, Picchio, Likhachev.

Н. В. Волкова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.611 : 811.124 : 811.11 : 811.161.1(045)
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРЕЧЕСКОЙ
ПРИСТАВКИ *ANTI-* В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ

Главным признаком субъективации современной речи становится оценочность. В связи с чем, отмечается высокая словообразовательная продуктивность греческой по происхождению приставки *anti-*, которая имеет значение 'противоположность, враждебность чему-нибудь, направленность против чего-либо'. Данная приставка образует новые слова от мотивирующих слов, которые относятся к научной, политической, экономической, социальной, медицинской сферам. Слова часто употребляются в газетно-публицистических текстах, в том числе, при создании авторских окказионализмов.

Изначально анализируемая приставка в английском и русском языках появилась в составе заимствований, а со временем увеличивалось количество дериватов с данной приставкой, образованных уже от исконных или заимствованных лексем. На современном этапе развития языков приставка в состав слов, которые являются результатом процесса заимствования или процесса словообразования. Возрастающая активность анализируемой приставки в английском и русском языках делает своевременным и актуальным данное исследование. Как отмечают В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, «словообразование – это важное звено языковой системы, связующее лексику с грамматикой, а знание словообразовательных средств – прежде всего тех продуктивных средств, с помощью которых образуются новые слова, – необходимое звено в усвоении русского языка в целом, овладении его богатствами» [2, с. 5].

Целью данного исследования является сопоставительный анализ словообразовательного потенциала греческой приставки *anti-* в английском и русском языках.

Материалом исследования послужила лексика современного английского и русского языков, зафиксированная лексикографическими источниками [3–7], а также неологизмы и окказионализмы газетно-публицистических текстов [1; 8].

В результате применения метода сплошной выборки объектом нашего исследования стали 487 единиц английского языка и 528 лексем русского языка, зафиксированных словарями.

Таблица 1

Часть речи	Слова с приставкой <i>anti-</i> в английском языке		Слова с приставкой <i>анти-</i> в русском языке	
	Абс.	%	Абс.	%
Прилагательное	336	68,99	276	52,27
Существительное	139	28,54	238	45,08
Наречие	12	2,47	10	1,89
Глагол	0	0	4	0,76
Всего	487	100	528	100

Как видно из данных, приведенных в Таблице 1, принадлежность лексем с анализируемой приставкой к определенным частям речи в сопоставляемых языках имеет одинаковые тенденции: наибольшее количество составляют прилагательные (68,99 % и 52,27 %), затем следуют существительные (28,54 % и 45,08 %), в значительно меньшей степени представлены наречия (2,47 % и 1,89 %), а глаголы есть только в русском языке (0,76 %).

Наибольшую группу слов с анализируемой приставкой в английском языке представляют прилагательные, образованные префиксальным способом, например: *antiacademic*, *antialien*, *antiallergic*, *antiathritic*, *antiathoritarian*, *antibacterial*, *antichurch*, *anticivic*, *anticlassical*, *anticommercial*, *anticompetitive*, *anticreative*, *anticultural*, *antidiabetic*, *antidogmatic*, *antieconomic*, *antieducational*, *antifashionable*, *antifemale*, *antihistorical*, *antihysteric*, *antileft*, *antileukemic*, *antimagnetic*, *antimale*, *antimicrobial*, *antiparallel*, *antiparasitic*, *antipathetic*, *antipoetic*, *antipolar*, *antipolitical*, *antipopular*, *antiprogressive*, *antiradical*, *antirational*, *antired*, *antiromantic*, *antisentimental*, *antiseptic*, *antitheoretical*, *antitraditional*, *antiwhite*.

Префиксально-суффиксальным способом от глагола образовано прилагательное *antiperspirant* (<*perspire*). Также отмечен ряд прилагательных, образованных от существительных префиксально-суффиксальным способом, например, *antigenical* (<*antigen*), *antiheroic* (<*antihero*), *antihistaminic* (<*antihistamine*), *antiscientific* (<*antiscience*), *antistrophic* (<*antistrophe*), и при помощи конверсии, например, *antiabuse* adj. (<*antiabuse* n.), *antielectron* adj. (<*antielectron* n.), *antiscience* adj. (<*antiscience* n.), *antiseparatist* adj. (<*antiseparatist* n.), *antiseptic* adj. (<*antiseptic* n.), *antisnob* adj. (<*antisnob* n.).

Большая часть существительных образована префиксальным способом, например, *antiatom*, *anticapitalist*, *anti-capitalism*,

anticarcinogen, antiderivative, antifashion, antiglobulin, antihero, antiheroine, antimask, antimatter, antimechanist, antioxidant, antiozonant, antiparticle, antipill, antiproton, antirecession, antisience, antisegregation, antistory, antistyle, antivitamin, antiworld, antinovel. Последний субстантив послужил основой для образования другого существительного при помощи суффиксации *antinovelist* (<*antinovel*). Дериватами существительных *antihumanist* и *antimaterialist* являются существительные *antihumanism* и *antimaterialism*, а также прилагательные *antihumanistic* и *antimaterialistic*, соответственно.

Суффиксальным способом от прилагательных образованы такие, например, существительные, как *antirationalist* (<*antirational*), *antichoicer* (<*antichoice*), *antilifer* (<*antilife*), *antihunter* (<*antihunting*), *antismoker* (<*antismoke*), *antitruster* (<*antitrust*), *antirationality* (<*antirational*), *antiblackism* (<*antiblack*), *antiliberalism* (<*antiliberal*), *antirationalism* (<*antirational*), *antiradicalism* (<*antiradical*), *antiromanticism* (<*antiromantic*), *anticlericalism* (<*anticlerical*). Особенностью последнего прилагательного *anticlerical* является то, что от него образована также субстантивированная лексема *anticlerical*. Подобный процесс наблюдаем и в образовании субстантива *antigravity* n. (< *antigravity* adj.).

Незначительное количество наречий образовано как суффиксальным, так и префиксальным способами, например: *antibiotically, anticlimactically, antidotally, antidromically, antigenically, antipathetically, antiseptically, antisocially, antistrophically, antitypically, anticlockwise*.

Появление некоторых слов в английском языке с приставкой *anti-* может трактоваться и как результат процесса заимствования. Существительные *antitype* и *antistrophe* являются заимствованиями из греческого языка слов *antitypos* и *antistrophe*, соответственно, прилагательное *antibiotic* – французского слова *antibiotique*. Возможно, существительное *antibody* является заимствованием немецкого слова *Antikörper* (сокращением фразы *anti-toxischer Körper*, которая обозначает ‘anti-toxic body’), существительное *antigen* – немецкого слова *Antigen* или французского *antigène*, существительное *antivenin* – французского слова *antivenin*, существительные *antipope* и *antithesis* – французской лексемы *antipapal* и греческой *antithesis*, соответственно.

Словом с анализируемой приставкой, у которого наиболее сложная структура, является существительное *antidisestablishmentarianism*. Его образование связано со слиянием двух слов *disestablishment* (‘акт о выходе (церкви) из привилегированных отношений с государством’) и

establishmentarianism ('принцип государственной церкви'), а также добавлением приставки *anti-*.

На современном этапе развития английского языка образование новых лексем при помощи приставки *anti-* является актуальным. В конце XX века и в начале XXI века были образованы такие слова, как *anti-chalk*, *anti-fan* (n.), *anti-fan* (adj.), *antigerm*, *antigram*, *antigriddle*, *antilanguage*, *antilibRARY*, *antiskeptic*, *anti-vax*, *anti-vaxxer*, которые зафиксированы в газетно-публицистических изданиях [8].

Одним из часто употребляемых слов с анализируемой приставкой периода коронавируса стало существительное *anti-vaxxer* / *antivaxer* / *anti-vaxer* / *antivaxer*. Более того, в связи с компанией по вакцинации от коронавируса значение этого слова расширилось и стало обозначать 'человека, который не вакцинируется сам и не вакцинирует своих детей, считая вакцину вредной'. Впервые это слово было зафиксировано в 2004 году и имело значение 'a person who does not vaccinate their children in the belief that vaccines are harmful' / 'человек, который не вакцинирует своих детей, так как считает, что вакцины вредные': "*I do know that from talking with a few ladies at church they are wary of vaxes. Only a couple other anti vaxers.*" ("If I had a penny for every time someone said...", Mothering, June 21, 2004). Производным словом данного субстантива является прилагательное *anti-vaxx*, результат обратного словообразования – десуффиксации.

Проанализируем существительное *anti-fan* и образованное от него в результате конверсии прилагательное *anti-fan*. Значение существительного 'a person who passionately dislikes a celebrity or other well-known person or entity' / 'человек, которому сильно не нравится знаменитость или другое известное физическое или юридическое лицо': "*The Yankees' success has always made for a hard core of anti-fans.*" ("The official New York Yankees hater's handbook," People, May 23, 1983). Прилагательное зафиксировано значительно позже, в 2007 году: "*In the tradition of Martha Stewart before her, conquering the domestic universe can lead to fame and fortune. It also leads to caricatures, parodies and anti-fans. It seems Rachael Ray has become the kitchen maven thousands love to hate. The anti-fan Web site gets between 150,000 and 300,000 hits a month, with anti-fans making fun of everything from Miss Ray's expressions ("Sammies" for sandwiches, for instance) to her enthusiasm when she tastes food (the ubiquitous "Yum-o") to her kitchen mistakes to her wardrobe choices.*" ("Kitchen kitsch," The Washington Times, February 18, 2007).

При помощи приставки были образованы такие существительные, как *antilanguage* / *anti-language* ('a collection

of words and phrases used to exclude outsiders from a particular group and to disguise the group's activities' / 'набор слов или фраз, которые используются, чтобы исключить посторонних из определенной группы и для маскировки деятельности группы'), *antiskeptic* / *anti-skeptic* ('a person who believes everything they hear' / 'человек, который верит во все, что слышит'), *antigriddle* / *anti-griddle* ('a cooktop that uses a -30 degrees Farenheit surface to quickly freeze foods' / 'варочная панель, которая использует поверхность при температуре -30 градусов по Фаренгейту, чтобы быстро заморозить продукты'), *antilibary* / *anti-library* ('a person's collection of unread books' / 'персональная коллекция не прочитанных книг').

Приведем примеры первичного употребления данных субстантивов в газетно-публицистических изданиях: "*Anthony Burgess reviewing The Language of the Teenage Revolution by Kenneth Hudson in The London Observer: "The language of the young is thus really an 'anti-language' – defined as 'the special language of people who choose to be outside society.'"* ("Secret language," The Globe and Mail (Canada), July 23, 1983), "*Which are the contrarians? Answer: both the many skeptics who insist the bull market is skating on thin ice, and all those anti-skeptics who argue that the bull market is on solid enough ground or that, even if it isn't, the worrywarts will have to throw in the towel, come back in on the buy side, and so help keep driving prices higher.*" ("Everyone's a Contrarian – How to Tell the Real From the Pseudo," Barron's, September 14, 1987), "*In the meantime, all the attention being paid to temperature and laboratory precision has pushed chefs in more creative directions. When Grant Achatz built his new restaurant Alinea in Chicago, thermal circulators from Poly Science, a laboratory-equipment manufacturer, were part of the kitchen design. To these, he has added a 40,000-r.p.m. homogenizer (what Philip Preston, the president of PolyScience, calls a "coffee grinder on steroids") – for making the world's most emulsified vinaigrettes and confections like carrot pudding made with carrot juice, cocoa butter and grapeseed oil – and an entirely new mechanism they're calling the Antigridle, which has a surface that chills to minus 30 degrees ... Fahrenheit, allowing you to freeze food in the same way you would sauté it. A dollop of sour cream becomes brittle on the bottom and stays at room temperature on top*" ("Under Pressure," The New York Times, August 14, 2005), "*[A] private library is not an ego-boosting appendage but a research tool. Read books are far less valuable than unread ones. The library should contain as much of what you do not know as your financial means, mortgage rates, and the currently tight real-estate market allow you to put there. You will accumulate more knowledge and more books as you*

grow older, and the growing number of unread books on the shelves will look at you menacingly. Indeed, the more you know, the larger the rows of unread books. Let us call this collection of unread books an antilibrary.” (“The Black Swan”, Random House, April 17, 2007).

Субстантив *antigram* (‘an anagram in which the new word or phrase is the opposite of the original’ / ‘анаграмма, в которой новое слово или фраза является противоположностью оригинала’) появилось в результате добавления приставки к усеченной основе *anti-* + *anagram*. Первичное употребление единицы сопровождается объяснением ее значения и примерами данного явления: “*Antigrams are anagrams that mean the opposite of the original word or phrase when the letters are rearranged. For example: violence – nice, love; evangelist – evil’s agent; funeral – real fun*” (“What’s in a name,” The Advertiser, July 8, 1991).

Также образовано два прилагательных *antigerm* / *anti-germ* (‘relating to or characterised by a strong desire to avoid or eliminate germs’ / ‘относящийся или характеризующийся сильным желанием избегать или устранять микробы’) и *anti-chalk* / *antichalk* со значением ‘against the use of chalk, particularly to write political or protest messages on a sidewalk or other outdoor surface’ / ‘против использования мела, особенно чтобы писать политические или протестные сообщения на тротуарах или другой наружной поверхности’: “*Companies in the market for POTS – the industry’s acronym for “plain old telephone service” – can save up to 50 percent on refurbished phone equipment. More advanced systems are available too, though the discounts aren’t as deep. The telephones themselves are indistinguishable from new ones. (Anti-germ fanatics will be reassured to know the cases are replaced when the equipment is readied for resale.)*” (“Recycled Phone Equipment Hypothesizes Billion Dollar Market,” Atlanta Business Chronicle, January 20, 1986), “*According to a posted policy, the university does not allow chalking of sidewalks and buildings, a witness testified. ... Snider, in the courtroom, said that the university may grant exceptions to the anti-chalk rule for groups that seek permission.*” (“Judge rejects charge against PSU activist,” The Law Office of Andrew Shubin, March 11, 2009).

В английском языке также есть слово с двумя приставками *anti-*: в 1993 году зафиксировано существительное *anti-anti-Americanism*, в 1999 году – прилагательное *anti-anti-American* и в 2006 году – образованное от него существительное *anti-anti-American*: “*Earlier this week, a small group of French intellectuals tried to counter the tide, warning against excessive anti-Americanism. But Toubon, in a speech Wednesday, mockingly dismissed “the snobbery of anti-anti-Americanism”*” (“U.S. Blockbuster Opens in

France Amid Trans-Atlantic Film War,” The Associated Press, October 20, 1993), “... *The most that can be said is that he was anti-anti-American, and often criticized anti-American propaganda in London for what it was.*” (“What would they think of the 90s?,” American Enterprise, November 1, 1999), “*He spoke with Elise Soukup. You’re a self-titled “anti-anti-American.” Is that still true?*” (“FastChat: RoadTrip,” Newsweek, January 23, 2006).

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов выделяют несколько словообразовательных типов образования существительных и прилагательных с приставкой *анти-* в русском языке. Они могут быть образованы префиксальным, а также префиксально-суффиксальным способами.

Для существительных при префиксации значением словообразовательного типа является ‘что-либо противоположное, противопоставленное тому или направленное против того, что названо мотивирующим существительным’, при префиксально-суффиксальном способе значения словообразовательных типов следующие: существительные с суффиксом *-изм* – ‘политическое течение, направленное против того, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным’, *-итель (-тель)* – ‘вещество или устройство, направленное против того (преимущественно действия, процесса), что названо мотивирующим существительным’, *-ин* – ‘вещество, направленное против того, служащее для устранения того, что названо мотивирующим существительным’ или ‘вещество, направленное против того или заболевания того, что обладает признаком, названным мотивирующим прилагательным’ [2, с. 44–46]. Приведем примеры образованных префиксальным способом существительных: *антиагрегант, антивещество, антивоспитание, антивыставка, антидуховность, антизакон, антизападничество, антизатухание, антикафе, антикороль, антикризис, антикрыло, антикурильщик, антилидер, антиматерия, антимир, антимораль, антинаграда, антиобщественник, антипедагог, антиоперация, антиперестройка, антипословица, антипотребительство, антипочет, антипремия, антипропаганда, антиравенство, антиракета, антиреклама, антирекорд, антисовет, антитело, антифутбол, антиценность, антицель, античастица, античеловечность, антишолоховед*, а также существительных, образованных префиксально-суффиксальным способом: *антибольшевизм, антикоммунизм, антимилитаризм, антирусизм, антисоветизм, антисталинизм, антирампизм, антивоспламенитель, антизапотеваватель, антимелитель*,

антиобледенитель, антиокислитель, антистаритель, антикомарин, антинакипин, антитоксин.

Для прилагательных при префиксации значением словообразовательного типа является 'противоположный, противоречащий признаку, названному мотивирующим прилагательным, что имеет этот признак', при префиксально-суффиксальном способе прилагательные с суффиксами -н(ый), -ов(ый, ой), -ск (ий) имеют значение 'направленный против того, что названо мотивирующим существительным' [2, с. 44–46]. Например: антиабхазский, антианглийский, антибазовый, антибликовый, антиблокадный, антиболгарский, антибраконьерский, антибуллинговый, антивандалный, антивертолетный, антивоенный, антигололедный, антигосударственный, антиженский, антизабастовочный, антизаконный, антизападный, антизатратный, антизрительский, антикняжеский, антикомпьютерный, антикрепостнический, антимещанский, антимигрантский, антиморальный, антинародный, антинаучный, антиобщественный, антиобывательский, антиотмывочный, антипартизанский, антиповстанческий, антипотребительский, антиправительственный, антиправовой, антиприродный, антипростудный, антирабочий, антиправный, антисобачий, антисоветский, антисултанский, антифундаментальный, антихудожественный, античеловеческий, антишумовой, антиядерный.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что происхождение некоторых существительных и прилагательных может трактоваться как результат процесса словообразования или процесса заимствования, например, существительные: антиатом (<анти- + атом или <antiatom), антиафродизиак (<анти- + афродизиак или <antiaphrodisiac), антивирус (<анти- + вирус или <antivirus), антивитамины (<анти- + витамин или <antivitamin), антиген (<анти- + ген или <antigen), антигерой (<анти- + герой или <antihero), антигравитация (<анти- + гравитация или <antigravity), антикоммунизм (<анти- + коммунизм или <anticommunism), антистресс (<анти- + стресс или <antistress), антифанат (<анти- + фанат или <antifan), антихлор (<анти- + хлор или <antichlor), а также прилагательные: антиалкогольный (<анти- + алкогольный или <antialcohol), антиаллергенный (<анти- + аллергенный или <antiallergenic), антибактериальный (<анти- + бактериальный или <antibacterial), антивирусный (<анти- + вирусный или <antivirus), антигуманный (<анти- + гуманный или <antihuman), антигуманистический (<анти- + гуманистический или <antihumanistic), антидемократический

(<анти- + демократический или <antidemocratic), антидиабетический (<анти- + диабетический или < antidiabetic), антикоммерческий (<анти- + коммерческий или < anticommercial), антилогичный (<анти- + логичный или <antilogic), антимилитаристский (<анти- + милитаристский или <antimilitary), антимонархический (<анти- + монархический или <antimonarchical), антинациональный (<анти- + национальный или <antinational), антироковый (<анти- + роковый или <antirock).

Значительно меньше в русском языке наречий с приставкой *анти-*. Причем, они могли быть образованы как от прилагательных суффиксальным способом, например, *антиамерикански* (<антиамериканский), *антикоммунистически* (< антикоммунистический), так и от соответствующих наречий префиксальным способом, например: *антидемократично* (< демократично), *антиисторично* (<исторично), *антирыночно* (<рыночно), *антиутопично* (<утопично).

Зафиксированные глаголы также образованы разными способами, а именно, префиксальным от глаголов: *антидатировать* (< датировать), *антимонополизировать* (< монополизировать), и суффиксальным от существительных: *антисемитствовать* (<антисемит), *антисептироваться* (<антисептик).

Источником исследования новых слов с приставкой *анти-* в русском языке послужили материалы интернет-газеты Лента.ру [1].

Префиксальным способом были образованы, например, прилагательные *антиавторитарный*, *антисистемный* и существительные *антиавторитарность*, *антисистемность*, *антифейк*: «Вступление на антиимперский, антисоветский, антиавторитарный путь превращало национал-демократическое движение в очень важную силу в переходе от империи к нации» (09 июля 2015 г.), «Однако обсуждение этих вопросов с Адамом Михником оказывается одновременно диалогом с ветераном антисистемного движения, участником и свидетелем важнейших исторических событий недавнего времени, а также важным игроком на поле общественной мысли современной Польши, равнодушно относящимся к российской истории» (19 января 2012 г.), «... Я бы определила ее как антиавторитарность. Скандинавские писатели очень рано обратили внимание на распространение авторитарной идеологии.» (05 декабря 2015 г.), «Впрочем, о полной «антисистемности» нового движения и его отрыве от Республиканской партии говорить не приходится» (17 марта 2010 г.), «Дмитрий Семченко, журналист пула при президенте

Белоруссии Александре Лукашенко и ведущий программы «Антифейк» на государственном канале ОНТ, уволился с работы» (13 августа 2020 г.).

Проанализируем ряд других существительных. Отметим, что субстантив *антивакцер*, которое в данный момент активно используется носителями русского языка в устной речи, не зафиксировано в анализируемом издании. При этом, еще в 2018 году было зафиксировано слово *антивакцинатор*: «Однако не стоит забывать, что общий уровень смертности людей, включая всевозможных противников биотехнологий (от антивакцинаторов до ГМО-фобов), в конце XX – начале XXI века сильно понизился именно благодаря достижениям биологии и медицины» (26 января 2018 г.), а по отношению к людям, которые выступают против вакцинации от коронавирусной инфекции, слово начинает употребляться с 2021 года: «Ковид- и прочие диссиденты, а также антивакцинаторы играют на руку вирусам, неосознанно делая их более опасными и смертоносными» (06 января 2021 г.). Такое же значение имеет и слово *антивакцинищик*, употребление которого зафиксировано в анализируемом издании только один раз: «То, что они [медийные личности] от ковида умирают, об этом надо сообщать, потому что смерть таких людей как Меньшов, Стефанович или Лановой вызывает чувство сильного раздражения к антивакцинищикам», – заявил Жемчужов» (28 октября 2021 г.).

Производными словами являются *антивакцинаторство*, употребление которого в издании единичное, и *антивакцинный*: «Не последнюю роль сыграло антивакцинаторство, а также скептическое отношение к вакцинам как к политическому инструменту» (24 декабря 2020 г.), «В настоящее время ведется антивакцинная пропаганда, которая приводит к появлению фейков и представляет явную угрозу общественной безопасности» (01 ноября 2021 г.).

Существительное *анти-Россия* в анализируемом издании впервые зафиксировано в 2014 г.: «В 2003 году украинский президент Леонид Кучма выпустил объемную книгу с «говорящим» заголовком «Украина – не Россия». Между тем, для того чтобы состоятельность государства стала необратимым фактом, следовало написать к ней хотя бы краткие приложения «Украина – не Галиция», «Украина – не анти-Россия» и «Украина – не член НАТО» (01 сентября 2014 г.).

Префиксально-суффиксальным словом образовано слово *антигриппин*: «В основном, берут препараты, предупреждающие болезнь: от дорогих, за несколько сотен рублей, до обычных –

антигриппина, арбидола, дибазола, оксолиновой мази» (19 января 2000 г.).

Приведем примеры прилагательных, которые являются результатом заимствования слов или процесса словообразования, а также их первичное употребление в анализируемом издании: *антибуржуазный* (англ. *antibourgeois*): «Только русский человек, будучи существом антибуржуазным до кроветворного костного мозга, мог так пренебрежительно отнестись к огромной собственности ценою в многие миллиарды безусловных единиц» (21 октября 2003 г.); *антираковый* (англ. *anticancer*): «В прошлом году в США было начато производство антиракового препарата *Velcade*, в котором используется механизм разрушения белка» (07 октября 2004 г.); *анти-спамовый* (англ. *antispat*): «Несмотря на распространение анти-спамовых программ, количество спама растет, а сами спамеры активнее используют другие средства общения» (11 июля 2006 г.); *антифризный* (англ. *antifreeze*): «Обработанный папином желатином играет роль антифризного белка. Антифризные белки – группа белков, которые предотвращают замерзание плазмы крови у некоторых организмов при отрицательных температурах» (02 июля 2008 г.); *антикультурный* (англ. *anticultural*): «Мы исключили из допустимого в нашем эфире круга образов явно антикультурные, антихристианские образы, к каким относятся вампиры и перевернутые с ног на голову люди, каждый из которых – образ и подобие Божие» (08 декабря 2005 г.). Что касается первичного употребления существительного *антикультура*, то оно является результатом процесса заимствования, переводом слова: «Этой антикультуре смерти свойственны уход от реальности, иллюзии, притворное счастье, выражающееся в восприятии сексуальности как чистого удовольствия без примеси ответственности. Она процветала в Римской империи, когда на арене Колизея на потеху публике убивали христиан, она есть и в современном обществе», – сказал понтифик» (09 января 2006 г.). Как и в случае с существительным *анти-акция* и прилагательным *антиигиловский*: «Как сообщает ВВС, «консервативно настроенные индийцы» на другом конце города провели «анти-акцию»: они собрали крупную стаю собак и заставили их стоять, прижавшись друг к другу носами, что символизировало поцелуй» (14 февраля 2016 г.), «Мы этого не видим в случае с так называемой антитеррористической и антиигиловской коалицией, ведомой США», – указал Асад» (06 сентября 2015 г.).

В анализируемом издании отмечены окказиональные слова с приставкой *анти-*, употребление которых является единичным.

Прилагательные *антикреативный*, *антиастматический*, *антиэлитный*, *антиэротичный* могут являться как заимствованиями слов английского языка *anticreative*, *antiasthma*, *antielite*, *antierotic*, соответственно, так и производными словами, образованными на русской почве. Приведем некоторые примеры: «В Москве пока еще можно найти не очень дорогие варианты, – комментирует эксперт NAI Besar. – Но они чаще всего требуют серьезных капитальных вложений, поскольку либо само здание находится в плохом состоянии, либо предыдущие пользователи сделали внутри «антикреативный» офис в духе девяностых, и никакая локация сама по себе это не компенсирует» (08 июня 2017 г.), «... появление в кадре киллера, перепутавшего антиастматический препарат с пистолетом, было неизбежным» (21 ноября 2003 г.), «Избрание Трампа с его антиэлитной программой и результаты референдума в Британии – только начало процесса» (26 декабря 2016 г.).

Подобное наблюдаем и среди существительных *антимodelь*, *антицензура*, *антиэлита*, *антиафродизиак*, *анти-секта* *<antimodel, anticensorship, antielite, antiaphrodisiac, antisecta>*, соответственно. Например: «Очень скоро «худышка» стала одной из самых известных «анти-моделей», главным идолом «героиновой красоты» – всегда на грани анорексии и скандала» (25 сентября 2005 г.), «Другими словами, для перехватчика трафика в конкретном узле Сети (скажем, через систему «СОРМ-2») нет возможности узнать, кто обращается к конкретному ресурсу (анонимность), или наоборот – к какому ресурсу обращается конкретный пользователь (антицензура), а также неизвестно содержимое передаваемой информации (за исключением отрезка между выходным узлом Tor и сетевым сервером при использовании незащищенного протокола)» (26 апреля 2013 г.), «Он использует термин «антиэлита», чтобы описать те силы, которые якобы работали на распад государства, разрушая идею о превосходстве советской идеологии в умах большинства населения, которое, согласно Кургиняну, на самом деле якобы поддерживало существование СССР» (06 мая 2020 г.), «Ученые определили, что во время ухода за потомством происходит снижение сексуальной активности у самцов в результате действия антиафродизиака» (23 марта 2016 г.), «Пи-Орридж часто употреблял для описания «Храма» слово «анти-секта», подразумевая заведомое отсутствие в движении авторитарности и строгих иерархий» (15 марта 2020 г.).

Основой для образования новых существительных являются и собственные слова, например, *анти-Минск* и *анти-Порошенко*:

«Киев за последние годы реализовал «анти-Минск» путем принятия законов, которые явно противоречат реализации Минских соглашений. Об этом на брифинге заявила официальный представитель МИД России Мария Захарова ...» (16 февраля 2022 г.), «Когда Зеленского избирали, в нем хотели видеть анти-Порошенко – человека, который будет демонстрировать конкретику и сможет договориться с Россией о прекращении войны на востоке страны» (10 марта 2021 г.).

В следующем примере «Гардероб битника – это анти-fashion. В моде яркие цвета? Значит битники выбирают total-black» (04 апреля 2018 г.) автор образует слово с приставкой русского языка анти- и корнем английского языка -*fashion*, а не слово английского языка *antifashion*, хотя затем употребляет английское слово *total-black*.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что приставка *anti-* в английском языке и приставка *анти-* в русском языке характеризуются высоким словообразовательным потенциалом. В сопоставляемых языках наибольшее количество лексем с анализируемыми приставками составляют прилагательные и существительные, которые являются следствием процессов заимствования или словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лента.ру (интернет-газета) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru>
2. Лопатин, В. В., Улуханов, И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
3. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru>
4. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
5. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.etymonline.com>
6. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thefreedictionary.com>
7. Word Help [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordhelp.ru>
8. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordspy.com>

АННОТАЦИЯ

Волкова Н. В. Словообразовательный потенциал греческой приставки *anti-* в английском и русском языках

В статье рассматривается вопрос словообразовательного потенциала греческой по происхождению приставки *anti-*, зафиксированного в лексикографических источниках английского и русского языков. Исследованы и сопоставлены дериваты, классифицированы способы образования слов, описаны словообразовательные гнезда. В исследовании раскрываются особенности словообразовательных неологизмов и заимствований с анализируемой приставкой на материале газетно-публицистических текстов.

Ключевые слова: словообразовательный потенциал, приставка, дериват, способ образования, неологизм, заимствование, газетно-публицистический текст.

SUMMARY

Volkova N. V. Word-building potential of the Greek prefix *anti-* in English and Russian

The article deals with the problem of word-building potential of the Greek prefix *anti-* recorded in English and Russian Lexicography. The derivatives are analysed and contrasted, the ways of building new words are classified, word-building families are discussed. The study reveals the peculiarities of derivational neologisms and borrowings with the prefix under analysis on the basis of newspaper and journalistic texts.

Key words: word-building potential, prefix, derivative, way of word-building, neologism, borrowing, newspaper and journalistic text.

*Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

**СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОСТРАНСТВА
ИНОБЫТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА**

В современном языкознании пространство остаётся в фокусе внимания исследователей. Его рассматривают по нескольким дефиниционным моделям, в числе которых модель «пространство – категория» (см. труды Н.С. Болотновой, Т.В. Матвеевой, А.П. Боярова, М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского, Ф.Г. Гусейнова, А.И. Даниленко, Т.П. Засухиной, Л.И. Ивановой, М.В. Игнатьевой, Ю.Г. Мартиросян, М.Н. Мурзина, О.А. Радутной, Д.В. Уткина, С.Т. Саевич и др.). Отметим, что в работах ряда отечественных учёных пространство рассматривается в качестве картины мира (Л.А. Инютина, А.И. Заикина, В.В. Корнева, О.В. Масловская и Н.Е. Богданова, О.В. Золотухина и др.), фрагмента картины мира (Е.С. Яковлева, Н.Н. Казыдуб, Г.Д. Гачёв, В.Н. Топоров и др.) или модели мира (В.В. Красных, И.В. Захаренко, Г.В. Савчук, М.Н. Агапова и др.). Мы под пространственной моделью мира понимаем как представления этноса об устройстве непосредственно воспринимаемого человеком пространства, так и представления переносимые на недоступное восприятию.

Центром пространственной модели мира выступает человек. Он, согласно исследованиям Е.С. Яковлевой, присваивает себе пространство, осваивая окружающий мир, ассимилируя его в соответствии со своими нуждами. Отакой культурной ассимиляции пространства пишет и В.Н. Топоров. Учёный отмечал, что, будучи своеобразной точкой отсчёта и определения пространственных координат, человек воспринимает и описывает не само пространство, а конституирующие его объекты онтологического мира. Аналогичный тезис изложен и в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Ср.: «Способы организации и осмысления пространства в традиционной культуре носят антропоцентричный характер, т. е. отражают точку зрения человека, находящегося в центре пространства и познающего его» [7, с. 304]. Несколько иная точка зрения представлена в работе Т.В. Цивьян, в которой центр пространственной модели мира смещается с человека на дом. Ср.: «В мире человека дом является точкой отсчёта» [8, с. 76]. Основные пространственные параметры, согласно данным исследователя, в большинстве случаев определяются человеком не по отношению к себе, а по отношению к дому. Так, в произведении «Микола» лирический

субъект выступает странником, который путешествует по Руси. Сам он объясняет это так: «Я, *жилец страны нездешней*, / *Прохожу к монастырям*» [3, с. 13]. Таким образом Микола не только категоризирует окружающее в соответствии с оппозицией «свой – чужой», но и указывает на дальность и чуждость своей родины, дома.

Особенности восприятия пространства человеком как носителем определённой лингвокультуры рассматриваются в ряде работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Так, в современном есениноведении описана специфика функционирования образа города в идиостиле С. Есенина (А.В. Самодурова), детально проанализированы образы дома и/или избы (В.А. Доманский, Р.П. Дронсейка и др.), поля (В.А. Доманский, Ван Синьтун и т.д.), дерева (Ю.Л. Дмитриева, В.А. Доманский и др.), неба и небесного града (М.М. Медведева, Н.В. Михаленко, Е.П. Гребенская и т.д.), а также образы Востока, топонимика произведений поэта, особенности репрезентации художественных времени и пространства в цикле «Персидские мотивы» (Л.Ф. Алексеева, Л.В. Вахрушева, Г.И. Шипулина, Е.А. Самоделова и др.). Однако нет системного описания средств вербализации в произведениях С. Есенина пространства инобытия, или сакрального пространства. Это обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – описание вербальных средств экспликации пространства инобытия в произведениях С. Есенина. Материалом исследования являются тексты стихотворений (маленьких поэм) «Марфа Посадница», «Микола», «Ус», «Товарищ», «Отчарь», «Октоих».

Отметим, что лексема *пространство* многозначна. Она трактуется, во-первых, как «одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объёмом» [2]. Это определение соотносится с делением пространства на земное и космическое (см. [7, с. 304–305]). Каждое из выделенных пространств характеризуется своими пространственными зонами, своим центром и периферией, своими объектами и населяющими субъектами. Так, в архаичной модели мира, предложенной В.Н. Топоровым, была учтена идея динамичности пространства, его иерархичности и связи выделяемых человеком пространств друг с другом. Одним из вариантов данной модели мира является образ мирового дерева. Оно делилось на три зоны, соотносимые с небесным (верхним) миром, миром человека и нижним миром (или адом в христианской вере). Согласно нашим исследованиям, мировое дерево символизировало как вертикальную ориентацию пространства, репрезентируя взаимосвязь земного и космического,

так и горизонтальную, поскольку могло быть представлено как дорога. Кроме того, мировое дерево традиционно помещалось в центр мира, т.е. служило своеобразным центром развертывания земного пространства.

Отметим, что в представлениях славян космическое, или сакральное, пространство соотносилось с небесами, которые были недостижимы и непостижимы для наших предков. Именно там обитали сначала божества славянского пантеона, а позднее – Бог и святые христианской религии. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечается, что именно на небесах располагался у большинства славян рай. Кроме того, данное пространство рассматривалось именно как инобытие, поскольку было далеко за пределами культурно ассимилированного земного пространства и не существовало единых представлений о его устройстве. Как правило, оно моделировалось либо как аналог земного пространства, либо как его полная противоположность.

Во-вторых, лексема *пространство* функционирует в русском языковом опыте для обозначения «неограниченной протяжённости во всех измерениях, направлениях» [2]. Это обуславливает не только категоризацию пространства на «свое» и «чужое». Отметим, что такая категоризация возможна как в горизонтальной (а), так и в вертикальной (б) плоскостях. В случае (а) «своим» является культурно ассимилированное человеком пространство, а «чужим» выступает как правило природа. Отметим, что традиционная для русской лингвокультуры пространственная модель мира представлена в виде концентрических кругов: в центре человек, далее объекты и границы, отделяющие одну зону от другой, ассимилированное индивидуумом пространство от природного. Это горизонтально ориентированная пространственная модель «человек – дом – двор – село – поле – лес» [7, с. 581]. Каждый из указанных локусов отделяется от другого границей, т.е. средством идентификации пространства и объектов, его конституирующих. Так, в строке *как по больнице тропинка пролегла* [3, с. 11] лексема *тропинка* эксплицирует представление о границе между культурно ассимилированным («своим») и природным («чужим»), не освоенным человеком пространством. В другом примере *По селу до высокой околицы / провожал их огулом народ* [Там же, с. 19] такую границу обозначает лексема *околица*, т.е. «окраина селения» [2], за которой начинается следующая пространственная зона. Границы не только отделяют одну зону от другой, но и, согласно нашим исследованиям, являются местом соприкосновения и/или взаимопроникновения зон.

В случае (б) «своим» является «этот» свет, «чужим» – «тот». Ср.: «В любом варианте устройства мирового пространства выделяется земля как место жизни людей и потустороннее пространство как место обитания душ умерших, святых и мифологических существ. В более поздней картине мира, сложившейся под влиянием христианства, «тот свет» подразделяется на рай как место загробного пребывания праведников и высших сакральных сил и ад как место пребывания грешников и демонов» [7, с. 305]. Именно «тот» свет исследователи классифицируют как пространство инобытия, которое, согласно исследованию Е.С. Яковлевой, обладает следующими характеристиками: во-первых, объект описания является ментальной сущностью; во-вторых, данный объект находится либо в области чувственного контакта с говорящим, либо далеко за её пределами; в-третьих, говорящий оценивает не расстояние между собой и объектом, а степень достижимости контакта.

Так, в стихотворении (маленькой поэме) «Марфа Посадница» «тот» свет выражен вербальными знаками, называющими жителей анализируемого пространства, а также указывающими на «тот» мир лексемами. Ср.: *Услыхали ангелы голос человечесий, / Отворили наскоро окна-ставни горние* [3, с. 7]; *Царь московский антихриста вызывает* [Там же, с. 8]; *Вылез из запечья сатана гадюкой, / В пучеглазых бельмах исчаждье ада* [Там же]; *В зарукавнике Марфа Богу молилась* [Там же, с. 10]; *Приносили голуби от Бога письмо, / Золотыми письменами рубленное* [Там же].

В приведённых примерах имена существительные *ангел*, *Бог*, *антихрист*, *сатана* эксплицируют представления о существах, населяющих «тот» свет и представляющихся как раз ментальными сущностями. Ср.: «Ангел – в иудейской, христианской и мусульманской мифологии: сверхъестественное бесплотное существо, посланец Бога, покровительствующий человеку (изображается обычно в виде крылатого юноши)» [2]; «Бог – по религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой)» [Там же]; «Антихрист – в христианском вероучении: главный противник Христа, который должен явиться для последней борьбы перед концом света и вторым пришествием Христа» [Там же]; «Сатана – по религиозным представлениям: глава злых духов, воплощение злого начала; властелин ада, дьявол, чёрт» [Там же].

Кроме того, указанием на расположение вдаль от земли в пространстве инобытия является и использование лексемы *горний*, т.е. «находящийся, происходящий в вышине; небесный (противоп.: дольний, земной)» [Там же].

Отметим, что в произведении «Марфа Посадница» репрезентирована трёхчастная вертикально ориентированная пространственная модель мира. Однако три вертикальные зоны в произведении С. Есенина не изолированы, они сообщаются, т.е. лирические субъекты могут достигнуть контакта с пространством инобытия.

Земной и небесный миры связаны посредством молитвы, т.е. «установленного текста, произносимого верующим при обращении к Богу, к святым, а также при религиозных обрядах» [2]. Отметим, что при произнесении молитвы Марфа Посадница в одноимённом произведении С. Есенина находится в «своём», культурно ассимилированном пространстве и одновременно преодолевает границу между «этим» и «тем» светом. В строках *Услыхали ангелы голос чело́вечий, / Отворили наскоро окна-ставни горние* [3, с. 7] приложение *окна-ставни* выражает представление о границе между небесным и земным пространствами. Ср.: «Окно – просвет, отверстие в чем-либо» [2]; «Ставень – дощатая или металлическая створка для прикрытия окна» [Там же]. Предикат *отворили* указывает на возможность преодоления границы.

В произведении «Микола» лирический субъект также обращается к верхнему миру посредством вербальной формулировки, которая позволяет преодолеть границу и установить непосредственный контакт. В строках *ходит странник по дорогам, / Где зовут его в беде, / И с земли гужорит с Богом / В белой туче-бороде. // Говорит Господь с престола, / Приоткрыв окно за рай* [3, с. 14] лексемы *Бог, Господь, рай* выражают представления о пространстве инобытия и населяющих его сущностях. Отметим, что расположение на небе данного пространства актуализировано в тексте С. Есенина приложением *туча-борода*.

Представления о «том» свете выражаются как вербальным знаком *рай*, так и номинацией элемента здания *окно*. В статье «Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок)» Т.В. Цивьян указывает на особую функцию окна, а именно: оно предназначено для осуществления визуальной связи находящегося внутри здания (дома) с внешним миром. В нашем случае для связи представителя пространства инобытия с миром человека. Однако граница, разделяющая два пространства, не стирается, не становится полностью преодолима, на что указывает

использование в тексте гибридной атрибутивной формы глагола *приоткрыть*, т.е. «открыть немного, не до конца» [2].

В стихотворении (маленькой поэме) «Ус» к пространству инобытия лирические субъекты обращаются с помощью вербальной формулировки (*молиться Богу*) перед предметами культа (*божница, икона*), однако обратная связь отсутствует.

Напротив, в произведении «Товарищ» высшие силы, обитающие в пространстве инобытия, откликаются на призыв лирического субъекта и проникают в земное пространство. Ср.: *«Исус, Исус, ты слышишь? / Ты видишь? Я один. / Тебя зовёт и кличет / Товарищ твой Мартин! / Отец лежит убитый, / Но он не пал, как трус. / Я слышу, он зовёт нас, / О верный мой Исус...» // И, ласково приемля / Речей невинных звук, / Сошёл Исус на землю / С неколебимых рук* [3, с. 32–33].

Связь земного пространства и пространства инобытия возможна с помощью голубя. В русской лингвокультуре данная птица рассматривается как «чистая, святая. Божья птица (подобно ласточке, жаворонку, соловью, аисту и др.)» [6, с. 515]. Она противопоставляется хищным (или «чёрным») птицам, а также определённым животным и выступает символом добра и кротости. Такое представление, согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», восходит к христианской традиции. Указанное представление актуализировано и в произведениях С. Есенина «Марфа Посадница», «Микола»: Ср.: *За окошко она наклонилась, / Голубей к себе на колени сзывал. // «Уж вы, голуби, слуги Божовы, / Солетайте-ко в райский терем, / Вертайтесь в земное логово, / Стучитесь к новоградским дверям!»* [3, с. 10]; *У окошка Божья Мать / Голубей сзывает к дверям / Рожь зернистую клевать. // «Клюйте, ангельские птицы...»* [Там же, с. 16]. В приведённом примере актуализируется как особое положение голубя, который в представлении носителей русской лингвокультуры является слугой Бога, так и его способность проникать в верхний (небесный) мир (сочетание *райский терем*) и возвращаться в земное пространство (словосочетания *земное логово, новоградские двери*).

Отметим, что во многих культурах голубь символизировал миролюбие и любовь, содержался при храмах богов и считался их слугой (подробнее см. в [1, с. 57–58]). Так, в Библии голубь является вестником Бога о конце всемирного потопа. Кроме того, данная птица считается символом (воплощение) Святого Духа. «“Семь даров Святого Духа” (мудрость, разум, добрый совет, сила, знание, благочестие и страх Божий) воплощаются посредством голубей» [Там же, с. 58]. В произведении «Товарищ»

именно на данную птицу смотрит с иконы младенец Иисус. Ср.: *А Христос сидел на руках у Матери / И смотрел с иконы на голубей под крышею* [3, с. 30]. Отметим, что крыша, согласно исследованиям Т.В. Цивьян, также выполняла важную функцию в представлениях южных славян. Она квалифицируется как верхняя граница земного мира и пространства инобытия. Данный элемент здания одновременно «принадлежит внутреннему и внешнему мирам» [8, с. 68]. В силу чего крыша является местом соприкосновения «этого» и «того» миров.

Однако связь с пространством инобытия может осуществляться и непосредственно. Представители данного пространства, воспринимаемого человеком как «чужое», могут переходить границу и действовать в земном, культурно ассимилированном человеком мире. Ср.: *Царь московский антихриста вызывает: / «Ой, Виельзевуле, горе мое, горе, / Новгород мне вольный ног не лобызает!» // Вылез из запечья сатана гадюкой, / В пучеглазых бельмах исчаведье ада* [3, с. 8]. В данном примере проиллюстрирован как способ аналогичный молитве, а именно: вербальное обращение к представителям потустороннего пространства (предикат *вызывать*); так и проникновение в «этот» свет сатаны (сочетание *вылез из запечья гадюкой*).

В пространство инобытия может переходить из земного пространства и человек. Это связано с представлениями славян о том, что на «том» свете обитают души умерших. В стихотворении (маленькой поэме) «Ус» описан именно такой переход. Отметим, что пространство инобытия моделируется автором произведения по аналогии с земным пространством. Лирический субъект находится *на крутой горе* [3, с. 23]. Согласно одним из представлений славян, мифический ирий-сад, т.е. райский сад в мифологии наших предков, в котором обитали души умерших, располагался на горе. Там, под мировым деревом для усопших воинов был приготовлен пир. Аналогичная ситуация описана и в тексте С. Есенина. Ср.: *Лежит он на снегу под елью / С весела-разгула, с похмелья. // Перед ним всё знать да бояры, / В руках золотые чары* [Там же]. Отметим, что в русской лингвокультуре зафиксированы представления о ели как об одном из вариантов мирового дерева. Кроме того, данное дерево высаживали на могилах умерших родственников-мужчин. В другом произведении С. Есенин при описании пространства инобытия также обращается к мотиву пиршества под мировым деревом. Ср.: *Там дряхлое время, / Бродя по лугам, / Всё русское племя / Сзывает к столам. // И, славя отвагу / И гордый твой дух, / Сычёною брагой / Обносит их круг* [Там же, с. 39–40].

Итак, по мнению исследователей, пространственная модель мира, центром которой считается человек, воспроизводит как представления о земном, данном индивиду для непосредственного восприятия, пространстве, так и о пространстве инобытия. Последнее, согласно Е.С. Яковлевой, характеризуется удалённостью от говорящего, ментальностью репрезентации и возможностью непосредственного или опосредованного контакта. Пространство инобытия в русской лингвокультуре трактуется как сакральное пространство, или «тот» свет, т.е. место обитания душ умерших, святых и мифологических существ. В художественных текстах С. Есенина актуализированы представления о небесном (слова и сочетания *ангел, бог, господь, Иисус, Христос, Божья Мать, Матерь, окна-ставни горние, рай, райский терем*) и нижнем мирах (*сатана, антихрист Виельзевул, исчаждье ада*). Причем зоны небесного, нижнего и земного миров не изолированы, они связаны и соотносимы друг с другом. Связь осуществляется либо посредством вербальной формулы (*молитва, вызывать*), либо с помощью существа, принадлежащего к обоим мирам (голубя), либо непосредственно (проникновение в земной мир сатаны, Иисуса или переход в пространство инобытия лирического субъекта). Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; Пер с нем. / Общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – Сайт – электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 20.05.2022)
3. Есенин, С.А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 2 : Стихотворения (маленькие поэмы) / С.А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. – М. : Наука-Голос, 1997. – 464 с.
4. Захаренко, И.В. Архетипическая оппозиция «свой-чужой» в пространственном коде культуры / И.В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Редкол: М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 15-31.
5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

6. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 1 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики; [Т. А. Агапкина и др.]; Под ред. Н.И. Толстого; [Авт. предисл. Н.И. и С.М. Толстые]. – М. : Междунар. отношения, 1995. – 577 с.
7. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики; [Т. А. Агапкина и др.]; Под ред. Н.И. Толстого; [Авт. предисл. Н.И. и С.М. Толстые]. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
8. Цивьян, Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т.В. Цивьян // Семантика культуры : труды по знаковым системам / Редкол. : Б.М. Гаспаров, Б.Ф. Егоров, И. Кууль, Ю.М. Лотман ; Ред. тома А. Мальц. – Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1978. – С. 65–85.
9. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Средства объективации пространства инобытия в произведениях С. Есенина

Пространство неоднократно становилось объектом исследовательского интереса. В современной лингвистике нет единой дефиниционной модели данного феномена. Мы рассматриваем его как модель мира. Отметим, что пространственная модель мира трактуется нами как совокупность представлений о пространстве (как земном, так и сакральном). Целью данной работы является описание средств экспликации пространства инобытия в произведениях «Марфа Посадница», «Микола», «Ус», «Товарищ», «Отчарь» носителя русской лингвокультуры С. Есенина. Рассматриваемое пространство описано поэтом как аналогичное земному. В соответствии с фольклорной традицией оно расположено у горы, где растёт мировое древо, под сенью которого стоит терем и расположены пиришественные столы. Также описаны средства связи между землёй и пространством инобытия.

Ключевые слова: пространственная модель мира, пространство инобытия, «тот» свет, категория «свой – чужой», лирический субъект.

SUMMARY

Dmutrieva J. L. Means of objectification of the space of otherness in the works by S. Yesenin

The space has repeatedly become an object of research interest. There is no single definitional model of this phenomenon in modern

linguistics. We consider it as a model of the world. Note that the spatial model of the world is interpreted by us as a set of ideas about space (both earthly and sacred). The purpose of this work is to describe the means of explication of the space of otherness in the works «Marfa Posadnitsa», «Mikola», «Us», «Tovarishch», «Otchar» of the bearer of Russian linguoculture S. Yesenin. The space in question is described by the poet as analogous to the earthly one. In accordance with folklore tradition, it is located near the mountain where the world tree grows, under the shadow of which there is a tower and banquet tables are located. The means of communication between the earth and the space of otherness are also described.

Key words: space world model, space of otherness, «that» world, category of «one's own – another's», lyrical subject.

*Н. А. Жихарева
(г. Горловка, ДНР),
А. Р. Грунистая
(г. Макеевка, ДНР)*

УДК 81'367. 32

**РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ФЕМИННОГО И МАСКУЛИННОГО ТИПОВ РЕЧЕВОЙ
АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНОВ МАРИИ МЕТЛИЦКОЙ «В ТИХОМ ГОРОДКЕ
У МОРЯ» И ДИНЫ РУБИНОЙ «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ»)**

Речевая агрессия с каждым годом привлекает к себе все больше внимания. С одной стороны, это может быть связано с достаточно интенсивным ростом проявления данного явления в разных сферах жизни человека. С другой стороны, не стоит забывать о том факте, что речевая агрессия является одним из наиболее эффективных способов оказания манипулятивного влияния на человека или группу людей. В связи с этим, изучение тактик манипулятивного воздействия на человека открывает большие возможности для адресанта агрессии. Однако не стоит забывать, что использование речевой агрессии в качестве манипулятивной тактики не может расцениваться как положительное явление, но, напротив, идет в разрез с такими понятиями, как культура речи, речевой этикет, лингвоэкология, языковая норма и т.д. Очевидный вред, который способно оказать чрезмерное распространение такого явления, как речевая агрессия, для человека, общества и языка, оправдывает его изучение, в том числе и как способа избежать активного неосознанного воздействия посредством данного речевого феномена.

Термин «речевая агрессия» берет свое начало в психологии. Изначально данное понятие рассматривалось в рамках психологии как способ выражения психо-эмоционального состояния человека. Однако на данном этапе, ученых интересовал не столько вопрос изучения языковой стороны вопроса, сколько рассмотрение речевой агрессии с точки зрения выражения состояния человека. К. Ф. Седов дает следующее определение данному понятию: «Речевая агрессия – целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия» [6, с. 200].

Позже понятие речевой агрессии вызвало интерес также и ученых, которые рассматривали речевую агрессию с точки зрения языка, тем самым открыв целое направление в сфере лингвистических исследований. Т. А. Воронцова подчеркивает, что «речевая агрессия – коммуникативно-прагматическое явление, которое не может рассматриваться вне дискурсивного контекста» [1, с. 18].

Рассмотрение речевой агрессии в рамках лингвистики породило множество подходов к изучению данного явления. От рассмотрения самого понятия, его описания, выведения наиболее полного и целесообразного определения, изучения типов речевой агрессии до рассмотрения ее связи с таким понятием, как манипуляция.

Как уже указывалось нами ранее, в лингвистике речевая агрессия и манипуляция рассматриваются как достаточно тесно взаимодействующие между собой понятия. В связи с этим, нам представляется целесообразным рассмотреть формулировку определения последнего для более полного понимания его значения. И. А. Стернин говорит о том, что «манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [8, с. 67].

Как известно из психологии, женщины и мужчины, в силу различий своего анатомического строения, как и в силу различий в особенностях протеканий тех или иных психических процессов, восприятия окружающего мира и действительности, традиционных различий социальных ролей, склонны строить свою речь, оперируя разными целями. Если считается, что мужчинам в большей степени присущ дух соперничества, то женщины скорее склонны к воспитанию и созиданию. Исходя из этого, можно говорить о гендерных различиях в особенностях построения речевого взаимодействия женщинами и мужчинами.

На основании такого понятия, как гендер, выделяют два типа проявления речевой агрессии: феминный и маскулинный. В отношении понятия «гендер» у П. Ю. Смирнова находим следующее определение: «Под дефиницией «гендер» специалистами понимается пол как социокультурный феномен, который находится в противопоставлении с биологическим полом. Обращение к понятию гендера имеет цель зафиксировать не природную, а социокультурную подоплеку межполовых различий» [7, с. 191].

Л. С. Полякова отмечает, что «на современном этапе науки понятие «гендер» является междисциплинарным, хотя изначально использовалось только в языкознании применительно к грамматической категории рода. Как справедливо отмечает А.В. Кирилина, данный термин пришел в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из грамматического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в языкознание» [4, с. 44].

Что касается отличительных особенностей феминного и маскулинного типов выражения речевой агрессии, то они будут непосредственно связаны с тем, как представители той или иной гендерной принадлежности взаимодействуют с окружающей их средой, их взглядом на мир. Если мы говорим о феминном типе проявления речевой агрессии, то для него будет характерным преследование воспитательной цели, стремление оказать влияние на человека с целью его изменения в лучшую сторону, попытка достучаться до его совести. Маскулинный тип проявления речевой агрессии ставит своей целью подчеркнуть свое превосходство над оппонентом, подчеркнуть свой авторитет, запугать и т.п. Принято считать, что феминный тип проявления речевой агрессии, в большей степени, присущ женщинам, в то время как маскулинный – мужчинам.

Для анализа нами были выбраны два произведения художественной прозы современных русских авторов, а именно роман Марии Метлицкой «В тихом городке у моря» и роман Дины Рубиной «Маньяк Гуревич». Выбор данных романов обуславливается тем, что их главными героями являются мужчины, которые не совсем вписываются в современные им реалии жизни, отличает их также и способность более тонко чувствовать окружающий мир, с которым они ежедневно соприкасаются. Главный герой романа «В тихом городке у моря» – Иван Громов, художник, которому никак не удается найти свое место в жизни. В романе «Маньяк Гуревич» главным

героем выступает Семен Гуревич, который страдает от своего живого воображения. Также роднит этих персонажей и тот факт, что в романах описывается их жизнь, начиная с детских лет и заканчивая их описанием в достаточно преклонном возрасте.

Проанализировав случаи использования речевой агрессии в романе Марии Метлицкой «В тихом городке у моря», нами были сделаны следующие выводы. Феминный и маскулинный типы проявления речевой агрессии представлены практически в равном процентном соотношении. Феминный тип встречается в 46% случаев, в то время как маскулинный представлен в 54% случаев. Вместе с тем стоит отметить, что среди рассматриваемых нами случаев проявления речевой агрессии, в 37,5% случаев ее адресантом выступают мужчины, а в 61,5% случаев – женщины.

Рассмотрим использование феминного и маскулинного типов речевой агрессии мужскими и женскими персонажами романа.

Мужчины в романе Марии Метлицкой «В тихом городке у моря» в 44% случаев прибегают к использованию речевой агрессии маскулинного типа, что составляет 31% от всех случаев использования речевой агрессии маскулинного типа в романе и 16,7% от всех случаев проявления речевой агрессии. Что касается феминного типа, то к его употреблению прибегают в 56% случаев, что составляет 45% от всех случаев использования речевой агрессии феминного типа в романе и 20,8% от всех случаев проявления речевой агрессии. Данные показатели могут быть обоснованы тем, что мужские персонажи романа склонны использовать феминный тип в отношении женщин, к которым испытывают романтические или просто нежные чувства в ситуациях, когда они не могут или не хотят избегать назревающих конфликтов, демонстрируя, таким образом, желание сохранить отношения, но указать на существование проблемы, мириться с которой они не согласны. Маскулинный же тип речевой агрессии, если и применяется ими в отношении противоположного пола, то только к тем его представителям, которые вызывают их явное осуждение или по отношению к которым возникает необходимость доказать свою правоту.

В ситуациях, когда адресантами речевой агрессии выступают женщины, в 40% случаев ими используется феминный тип, что составляет 55% от общего числа использования феминного типа речевой агрессии и 25% от общего количества случаев проявления речевой агрессии. Маскулинный тип речевой агрессии используется женскими персонажами романа в 60% случаев, что составляет 69% от общего числа случаев использования маскулинного типа речевой агрессии в романе и 37,5% от всех случаев проявления речевой агрессии в романе. Такое

активное использование маскулинного типа речевой агрессии женскими образами романа, в первую очередь, обусловлено их достаточно непростым характером, а также необходимостью общения в критических ситуациях. Особый интерес вызывает образ вахтерши, которая в одной реплике от маскулинного типа переходит к феминному и, затем, возвращается обратно к маскулинному типу речевой агрессии, демонстрируя, таким образом, свое превосходство и важность, но, вместе с тем, благодаря переходу к другому типу речевой агрессии, также косвенно высказывает адресату речи свое сочувствие.

Что касается романа Дины Рубиной «Маньяк Гуревич», то следует отметить тот факт, что, как и в романе Марии Метлицкой «В тихом городке у моря», наблюдается превалирование более широкого использования маскулинного типа речевой агрессии, по сравнению с феминным. Однако если в романе Марии Метлицкой расхождение в соотношении данных типов речевой агрессии было не столь значительным, то в романе Дины Рубиной прослеживается явное преимущество в употреблении маскулинного типа речевой агрессии, на который приходится 63% от общего количества реализуемых случаев. Феминный же тип речевой агрессии встречается только в 37% случаев. Вместе с тем, стоит также обратить внимание, что 57% случаев адресантами речевой агрессии выступали мужчины, в то время как речевая агрессия со стороны женщин была проявлена в 47% в отличие от романа «В тихом городке у моря», где именно женщины в своем большинстве выступают в роли агрессора. Также, практически равное количественное отношение случаев проявления речевой агрессии как со стороны мужчин, так и женщин не дает нам повода говорить о том, что именно гендерный аспект является причиной такого явного превалирования маскулинного типа речевой агрессии.

Отдельный интерес представляют собой тенденции к использованию феминного и маскулинного типов речевой агрессии мужскими и женскими персонажами романа.

В случае с мужскими персонажами романа Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» здесь, как и в предыдущем рассматриваемом нами романе, явное предпочтение отдается именно маскулинному типу речевой агрессии. Мужчины прибегают к его использованию в 74% случаев, что составляет 64% от всех случаев использования речевой агрессии маскулинного типа в романе и 40% от всех случаев проявления речевой агрессии.

Что касается феминного типа, то к его употреблению прибегают в 26% случаев, что составляет 38% от всех случаев использования речевой агрессии феминного типа в романе и 17% от всех случаев проявления речевой агрессии.

Данные результаты могут быть обоснованы тем, что речевая агрессия в своем большинстве реализуется мужскими персонажами романа в рамках равных социальных условий и направлена на адресата-мужчину, что и определяет избираемый тип речевой агрессии. Феминный же тип речевой агрессии реализуется в отношении женщин или мужчин, которые находятся выше по социальному статусу относительно персонажа-адресанта речи, и использование маскулинного типа, таким образом, становится либо недопустимо, либо невыгодно для адресанта речи.

В случае с женскими персонажами романа Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» стоит отметить тот факт, что женщины-адресанты речевой агрессии практически в равной степени прибегают как к феминному, так и к маскулинному типу речевой агрессии. Феминный тип речевой агрессии встречается среди женских персонажей романа в 53% случаев от общего числа использования женщинами речевой агрессии, что составляет 62% от общего числа использования феминного типа речевой агрессии и 23% от общего количества случаев проявления речевой агрессии. Маскулинный тип речевой агрессии используется женскими персонажами романа в 47% случаев, что составляет 36% от общего числа случаев использования маскулинного типа речевой агрессии в романе и 20% от всех случаев проявления речевой агрессии в романе. Таким образом, можно говорить о том, что по сравнению с женскими персонажами Марии Метлицкой, женщины в романе Дины Рубиной чаще прибегают к использованию феминного типа речевой агрессии, что обусловлено стремлением не соперничать с мужчиной, но оказать на него воспитательное влияние. Вместе с тем, женщины в романе Дины Рубиной достаточно широко используют и маскулинный тип речевой агрессии, однако это, в большинстве случаев, обусловлено их стремлением показать свое социальное превосходство.

Таким образом, мы можем заключить, что в романах Марии Метлицкой «В тихом городке у моря» и Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» наиболее распространенным типом речевой агрессии является маскулинный тип. При этом стоит отметить тот факт, что если в романе «В тихом городке у моря» данный тип речевой агрессии используется в основном женщинами, в том числе прослеживается его активная адресация по отношению к главному герою произведения, Ивану Громову, то в романе «Маньяк Гуревич» маскулинный тип речевой агрессии присущ в основном мужчинам, в том числе его достаточно часто использует как прием манипулятивного воздействия и сам главный герой произведения, что является достаточно интересным с той точки зрения, что между главными героями обоих произведений

просматривается целый ряд общих черт, в том числе и временной промежуток описываемых событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Татьяна Александровна Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с.
2. Метлицкая М. В тихом городке у моря / М. Метлицкая. – Москва : Эксмо, 2018. – 416 с.
3. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дисс. ... кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Лариса Гагиковна Навасартян. – Саратов, 2017 – 172 с.
4. Полякова Л. С. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики / Л. С. Полякова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – № 11 / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2016. – С. 44–50.
5. Рубина Д. Маньяк Гуревич / Д. Рубина. – Москва : Эксмо, 2022. – 512 с.
6. Седов К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 2003. – С. 196–212.
7. Смирнов П. Ю. Гендерная дифференциация в проявлении речевой агрессии мужчин и женщин / П. Ю. Смирнов // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 6. – 2017. – № 4 (21). – С. 191–193.
8. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 252 с.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Грунистая А. Р. Распространенность использования феминного и маскулинного типов речевой агрессии в современной прозе (на примере романов Марии Метлицкой «В тихом городке у моря» и Дины Рубиной «Маньяк Гуревич»)

В данной статье рассматривается понятие речевой агрессии с точки зрения лингвистики, а также ее связь с такими понятиями, как манипуляция и типы речевой агрессии, выделяемые на основе понятия гендера. Дается анализ использования маскулинного и феминного типов речевой агрессии, представленного в произведениях современной русской художественной прозы, а

именно романов Марии Метлицкой «В тихом городке у моря» и Дины Рубиной «Маньяк Гуревич».

Ключевые слова: речевая агрессия, манипуляция, гендер, современная проза, маскулинный тип речевой агрессии, феминный тип речевой агрессии.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Grunistaya A. R. The prevalence of the use of feminine and masculine types of verbal aggression in modern prose (on the example of the novels «In a Quiet Town by the Sea» by Maria Metlitskaya and «Maniac Gurevich» by Dina Rubina)

This article discusses the concept of speech aggression from the point of view of linguistics, as well as its connection with such concepts as manipulation and types of speech aggression, identified on the basis of the concept of gender. Special attention is paid to the analysis of the use of masculine and feminine types of verbal aggression, presented in the works of modern Russian fiction, namely the novels «In a Quiet Town by the Sea» by Maria Metlitskaya and «Maniac Gurevich» by Dina Rubina.

Key words: verbal aggression, manipulation, gender, modern prose, masculine type of verbal aggression, feminine type of verbal aggression.

*Н. А. Жихарева
(г. Горловка, ДНР),
К. С. Зогова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Испокон веков культура являлась важнейшим аспектом человеческого бытия как в индивидуальном, так и в социальном измерениях, благодаря чему представляет собой один из основных предметов дискурсных теорий. В последние десятилетия дискурсивный подход к исследованию языковых явлений получил широкое распространение в лингвистике. Проанализировав различные подходы к пониманию дискурса, в своей статье под дискурсом мы понимаем совокупность текстов, которые объединены одной общей темой, поскольку текст находится в неразрывной связи с ситуативным контекстом, то есть в совокупности с социокультурными, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой

коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом (экстралингвистические факторы).

Одним из видов дискурса является искусствоведческий дискурс, который представляет собой характерное языковое пространство с особой ситуацией общения и набором лексики на определенную тематику. Несмотря на то, что многие исследователи сходятся во мнении, что тематическим ядром искусствоведческого дискурса является изобразительное искусство, мы склонны расширить данное понятие до описания любого вида искусства.

Рассматривая различные типы дискурса, В. И. Карасик выделяет персональный (личностно-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) типы дискурсов. Данная типология проводится по предназначенности дискурса, т.е. по тому, на кого он ориентирован. И если, характеризуя личностно-ориентированное общение, профессор В. И. Карасик связывает его с ситуациями, «когда участники общения раскрывают друг другу все богатство своего внутреннего мира и воспринимают друг друга как личности», то статусно-ориентированный тип дискурса, или иначе институциональный, присущ тому или иному социальному институту. Таким образом, институциональный дискурс – это общение, «в рамках которого противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения, отражающие специфику соответствующего социального института» [6, с. 80].

Ввиду вышеизложенного, мы считаем целесообразным выделить из ряда искусствоведческого дискурса отдельные категории, связанные с тем или иным видом искусства. В нашей статье внимание будет обращено на искусство хореографии.

Изучение особенностей хореографического дискурса предполагает проведение теоретического анализа его структурообразующих характеристик. Исходя из того, что хореографический дискурс относится к институциональному типу дискурса, целесообразно рассмотреть его компоненты, выделенные проф. В. И. Карасиком для конкретного типа институционального дискурса, а именно: участники, хронотоп, цели, ценности (в том числе и ключевой концепт), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы [5, с. 14].

В ходе анализа хореографического дискурса нами были выявлены его отличительные характеристики:

1) наличие специального получателя информации, который имеет интерес к культурной и искусствоведческой областям хореографии;

2) специфическая номенология участников хореографического дискурса;

3) невербальная составляющая данного вида искусства (описание кинестетики танца);

4) разнообразие жанров хореографического дискурса, которое определяется стиливыми характеристиками конкретного танца, невербальными сценариями, особенностями кинестетической репрезентации хореографического произведения;

5) эмотивная, культуuroобразующая и аксиологическая составляющие дискурса;

6) система танцевальной терминологии;

7) система выразительных средств, передающих смысловую ось танца его эмоции, динамизм, экспрессию.

На основе дискурсивных признаков, предложенных Е. В. Романовой, следует дополнить структурообразующие признаки хореографического дискурса:

1) сопряжение с той или иной коммуникативной стратегией или интенцией;

2) репрезентация смыслов, идей, образов, ценностных ориентаций и т.д., что позволяет говорить о наличии некоего интерфейса данного дискурса;

3) видимый и невидимый план, к которому относятся контексты, аллюзии и пр.;

4) эмоционально-энергетический заряд, обладающий социальной, психологической и эстетической силой;

5) широкое поле культурно-исторической коммуникации, включающее диалог различных поколений, этносов, конфессий [7, с. 112].

Данные характеристики подтверждают, что хореографический дискурс – это сложный коммуникативно-когнитивный феномен, имеющий собственную специфику средств для реализации интенций, аспектов и факторов интеракции.

В связи с отсутствием четкой дефиниции термина «хореографический дискурс», изучив его особенности, мы можем определить его как процесс общения, специфической чертой которого является танцевальный контекст, в рамках которого осуществляется коммуникативное действие, которое характеризуется вовлеченностью автора и адресата. Данный тип дискурса, как и многих других арт-дискурсов, представляет собой знаково-символическую деятельность, что осуществляется в публичном коммуникативном пространстве и обладает обязательными свойствами: целостностью, связностью, информативностью, коммуникативно-прагматической направленностью, а также медийностью (например, трансляция информации о танцевальном представлении через СМИ).

Поскольку хореографический дискурс представляет собой определенную целенаправленную коммуникативную деятельность, которая связана с интерпретацией того или иного танцевального перформанса, и осуществляется участниками в формах устной и письменной речи, то это подводит к заключению, что указанный тип дискурса представляет собой полноценную коммуникацию со своей спецификой и неповторимостью.

Таковым является двойственный характер хореографического дискурса, поскольку коммуникация в сфере искусства может проходить как невербально, так и вербально. В случае невербальной коммуникации в искусстве хореограф как создатель отправляет информацию, которая зашифрована с помощью образов, символов и др., адресату в лице зрителя. В данном типе коммуникации темой и формой выступает непосредственно произведение искусства, а точнее вид его материализации (шоу, перформанс, представление, танец и др.). Основным смысл при этом передается при помощи движений, перемещений, символов, образов, эмоций. В силу того, что процесс коммуникации в данном хореографическом дискурсе носит невербальный характер, на наш взгляд, единственно возможным каналом связи выступает зрительное восприятие информации. Слуховой канал связи не принимается во внимание, поскольку танец как пластика тела может существовать отдельно и независимо от музыки.

На этапе вербальной коммуникации в сфере искусства зритель или же критик, пытаясь понять посыл автора, интерпретирует его с помощью языковых знаков, то есть текста, домысливая то, что пытался сказать мастер. Таким образом, адресант в лице критика/зрителя отправляет уже декодированную информацию адресату, в качестве которого выступает читатель, и вербально воздействуя на его психическое и эмоциональное состояние [4, с. 159].

А. Б. Ерохина считает, что ключевым моментом для представленных типов дискурса является оценка того или иного явления или предмета, однако различная по типам коммуникации. Если на этапе невербального общения оценка сводится лишь к зрительному восприятию (красиво/некрасиво; нравится/не нравится), то оценка, передаваемая языковыми средствами в рамках вербального общения в сфере искусства, носит более рациональный характер. Так, Александра Борисовна находит в книге О. А. Алимурadowой и М. А. Каратышовой, посвященной анализу комплиментарного речевого поведения мужчин и женщин, некую модель относительно природы оценки, подтверждающую данную мысль: «в первом случае она носит неосознанный характер, проявляя себя в чувстве удовлетворения и неудовлетворения, во втором – осознанный, так как подробно

осмысливается и оценивается значимость, полезность, важность или, наоборот, бесполезность предмета, поступка, события» [1, с. 47].

Таким образом, рассматривая природу современного хореографического дискурса, нельзя не затронуть проблему его жанровой вариативности. На наш взгляд, справедливым представляется утверждение о том, что в рамках вербального искусствоведческого дискурса существуют определенные жанры тематических текстов, понимаемые нами как определенные формы речевого взаимодействия коммуникантов, которые реализуются в конкретной ситуации.

Как нами было упомянуто выше, хореографический дискурс может быть выражен вербально как в письменной форме, так и в устной. Однако традиционно данный тип дискурса выражается письменно в текстах разного рода, например, научных, научно-популярных, художественных. Таким образом, основными письменными жанрами хореографического дискурса являются газетные статьи, рецензии, интервью, обзоры и анонсы. Однако для полного анализа обратимся к более подробным классификациям исследователей-искусствоведов.

А. П. Булатова дает следующую функционально-стилевую типологию жанров искусствоведческого дискурса:

1) жанры научной разновидности искусствоведческого дискурса: научная статья, энциклопедическая статья, учебное пособие, обзор, монография, диссертация, каталог выставки;

2) жанры публицистического искусствоведения: статья, очерк, обзор, рецензия, анонс, заметка, письмо в газету, беседа, речь, путеводитель, проспект, популярная монография, интервью. Сюда также включаются устные жанры – научно-популярная радиопередача, телепередача, речь гида-экскурсовода;

3) прозаические художественные жанры: мемуары, воспоминания, эссе, повести, романы, рассказы, записки, путевые заметки, впечатления, жизнеописания. Тематической доминантой в такого рода текстах является сам человек – будь то автор текста или герой художественного произведения, тогда как произведение искусства становится лишь «аккомпанементом» главной темы. Чаще всего это описания произведения искусства в тексте прозы [2, с. 149].

М. Г. Смолина приводит классификацию жанров художественной критики как составляющей искусствоведческого дискурса, которая включает в себя три основные группы жанров:

1) «информационные жанры: заметка, информационный отчет, информационное интервью, блицопрос, вопрос-ответ, репортаж. Данные жанры содержат минимум художественной критики в чистом виде, являясь скорее критическим материалом;

2) аналитическая группа жанров: рецензия, статья;
3) художественно-публицистические жанры: очерк, путешествие, фельетон, памфлет, пародия, легенда, игра, эссе, письмо, исповедь, художественные заметки» [8, с. 55].

Помимо данных классификаций мы выделили жанры хореографического дискурса с точки зрения коммуникативных задач:

1) письменный академический хореографический дискурс, к которому относится научная литература, посвященная обучению хореографическому искусству;

2) исторический хореографический дискурс, в котором можно проследить в диахронии историю зарождения и развития танца или же одного из его видов;

3) конкурсный хореографический дискурс, в котором оценивается выступления танцоров на конкурсах и происходит судейство;

4) танцевально-педагогический дискурс, в котором отражается коммуникация участников образовательного процесса на занятиях, посвященных обучению хореографии;

5) журналистский хореографический дискурс, который освещает события мира танца в СМИ.

Таким образом, проанализировав различные подходы к жанровой классификации хореографического дискурса, стоит выделить, что особенностью данного типа дискурса является жанровое разнообразие. Строгие рамки настоящей статьи позволяют нам рассмотреть лишь некоторые аспекты феномена хореографического дискурса, однако очевидно, что хореографический дискурс как уникальный тип коммуникации, имеющий свою специфику и неповторимость, требует более детального и глубокого анализа. В дальнейшем внимание будет сфокусировано на публицистической разновидности хореографического дискурса, а именно на жанре критической рецензии, поскольку в ее рамках осуществляется оперативная оценка произведений современного искусства, а также ярко представлены интересующие нас явления прагматического воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов, О. А. Красота в языке: гендерный и прагматический анализ комплиментарного речевого поведения / О. А. Алимуратов, М. А. Каратышова. – Пятигорск : СНЕГ, 2010. – 140 с.
2. Булатова, А. П. Лингво-когнитивный анализ искусствоведческого дискурса : Тематические разновидности – музыка, архитектура : диссертация ...

- кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. П. Булатова. – Москва, 1999. – 276 с.
3. Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства : Номинативно-коммуникативный аспект : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Елина. – Волгоград, 2003. – 352 с.
 4. Ерохина, А. Б. Прагмалингвистические аспекты современного искусствоведческого дискурса : на материале англоязычных текстов, посвященных изобразительному искусству : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. Б. Ерохина. – Москва, 2018. – 184 с.
 5. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
 6. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
 7. Романова, Е. В. Театр в эстетико-семиотическом дискурсе : на примере отечественной и западноевропейской театральной практики второй половины XX века : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.04 / Е. В. Романова. – Москва, 2004. – 147 с.
 8. Смолина, М. Г. Теория и история художественной критики : учебное пособие / М. Г. Смолина. – Красноярск : ИПК СФУ, 2009 (Красноярск : ИПК СФУ). – 126 с.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Зогова К. С. К вопросу о жанровой стратификации хореографического дискурса

Данная статья посвящена изучению жанров в хореографическом дискурсе. В статье раскрывается содержание понятия «дискурс», исследуется характер одного из институциональных типов дискурса, а именно искусствоведческого, выделяются основные признаки и характеристики хореографического дискурса. Авторами была отмечена двойственность природы данного типа дискурса и изучена жанровая вариативность вербального хореографического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, институциональный тип дискурса, искусствоведческий дискурс, вербальный и невербальный хореографический дискурс, жанровая классификация.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Zogova K. S. On the issue of genre stratification of choreographic discourse

This article is devoted to the study of genres in choreographic discourse. The article reveals the content of the concept of «discourse», explores the nature of one of the institutional types of discourse, namely art criticism, highlights the main features and characteristics of choreographic discourse. The authors noted the duality of the nature of this type of discourse and studied the genre variability of verbal choreographic discourse.

Key words: discourse, an institutional type of discourse, art criticism discourse, verbal and nonverbal choreographic discourse, genre classification.

*Н. А. Жихарева
(г. Горловка, ДНР),
Д. С. Мухина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВОВ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРЯМЫХ НОМИНАЦИЙ И АВТОРСКИХ РЕМАРОК (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ДРАМ ХХІ ВЕКА)

Дискурс – это термин, который охватывает широкий спектр различных понятий, которые были рассмотрены во многих дисциплинах с разных точек зрения. Его значение развивалось с самых далеких времен риторики, благодаря трудам Аристотеля, до самой тщательно разработанной формы в трудах Мишеля Фуко. В настоящее время принято считать, что дискурс – это текстовое явление социокультурного характера и текст является особой реализацией определенного дискурса (коммуникации).

Драматургический дискурс представляет собой стилизованную разговорную речь, письменное проявление которой предполагает наличие диалогов персонажей, поясняемых ремарками автора произведения. Авторские включения являются сообщениями, призванными комментировать разные уровни коммуникации. В авторских ремарках проявляются не только невербальные аспекты ситуации общения, но и содержатся комментарии по организации пространства действия, а также эмоциональной составляющей ситуации речевого общения. Наибольший интерес представляют собой ремарки, призванные обозначить

эмоциональное состояние персонажа, а также направленные на читателя драматургического произведения.

С течением времени изменяется тематика пьес – в центре внимания оказывается не череда событий, действий, как это было в «шекспировском театре» и в «комедиях ошибок» XVIII века, но эмоциональное состояние персонажа. Начиная с XIX века, драматурга и зрителя интересует психологическая драма, раскрывающая внутренний мир человека. Драматургу необходимо правильно охарактеризовать действующее лицо и подобрать адекватные языковые средства для отображения его эмоционального статуса [2, с. 83].

Именно дискурсивный уровень драмы – диалогический обмен несущими информацию высказываниями, который в то же время представляет собой форму взаимодействия сам по себе, – наиболее непосредственно присутствует для читателя/зрителя. Таким образом, диалог в драматическом дискурсе следует рассматривать как сложное устройство, которое создаёт новый эмоционально-окрашенный мир, а не отражает уже существующий.

Драматическое произведение является «полотном» для изображения интеракций действующих лиц мужского и женского пола, помещенных в определенный контекст, посредством использования речевых актов и блоков дискурсивных актов. Данные речевые высказывания в драматическом произведении являются ни чем иным как средствами характеристики персонажей, раскрытия их образа, проявления их эмоционального состояния, развития сюжета и хода событий.

Эмоциональные состояния в драме – это искусное применение языковых и речевых средств, с помощью которых создаются персонажи (так называемая драматическая направленность и ее развертывание в сюжете формулируются в терминах эмоциональных качеств героев драматического произведения).

Драматурги все чаще стремятся создать эмоциональный портрет персонажа посредством использования авторской ремарки и речевой характеристики персонажей. Во многом такая возможность обусловлена социальными изменениями (разговорная речь становится все более раскрепощенной и выражение эмоций более доступным).

План автора эксплицитно представлен в виде сценического комментария: интродукции, характеристики действующих лиц и сценических ремарок. План персонажей представлен речевыми формами диалога и монолога и занимает доминирующую часть пространства в драматическом произведении. Для ремарок характерно включение лексики двух типов – описывающей

и номинирующей эмоции. Лексика, описывающая эмоции, включает описание состояния героев, их жестов, мимики, действий, громкости произносимого и т. п. Такое описание в сценическом комментарии представлено чаще в форме наречий в односложных ремарках или предложениях. Глаголы и глагольные сочетания, причастие, прилагательные и наречия в ремарках представляют лексику, номинирующую эмоции [4, с. 340]:

ОЛЯ. Алёша...

АЛЁША. У...

ОЛЯ. Ты что делаешь?

АЛЁША. Что надо.

ОЛЯ. (*Понимающе*). А-а... (*Не сдаваясь*). А если поконкретней?

АЛЁША. Это удочка.

ОЛЯ. Ты на рыбалку идёшь?

АЛЁША. У...

ОЛЯ. Возьми меня с собой.

АЛЁША. Тебе что – делать нечего?

ОЛЯ. Нечего. Я же тут ещё ничего не знаю.

АЛЁША. А чего знать-то? Иди да купайся.

ОЛЯ. Я не люблю одна. Одной как-то грустно. Тётя Катя сказала, что ты зовёшь меня с собой на рыбалку [1].

В данном дискурсивном акте план автора выражен посредством наречия «понимающе» и деепричастием «не сдаваясь», что указывает на эмоциональное состояние собеседника и готовность продолжать процесс коммуникации (несмотря на возникающие трудности).

В тексте реплик для прямого выражения эмоций используются экспрессивные восклицания и инвективы. Обращения определяют эмоциональное отношение к собеседнику, а также отражают эмоциональное состояние говорящего. Особенно ярко это проявляется при переживании негативных эмоций, поскольку в таких случаях в обращения часто включаются инвективы [4, с. 340]:

Roger. "So have you got Mark sorted out"?

Anne. (Angrily.) "Sorted out? If you mean have I given my son the support he needs, the answer is "Yes"!!!

Roger. "Sorry, I was only asking how things were going, no need to get so tetchy"!

Anne. "Why do people think my son needs "sorting out" as you put it? He just needs the love and attention I am giving him"! (*She storms away from Roger and sits down heavily.*) [6].

Данный пример дискурсивного акта выражен посредством повтора фразового глагола "sorted out", риторического вопроса "Why do people think my son needs "sorting out" as you put it?", а также экспрессивного восклицания "He just needs the love and attention

I am giving him!”, которые передают состояние эмоционального напряжения, стресса и выражают возмущение. Кроме того, такие интерпозитивные авторские ремарки, как (*Angrily.*), (*She storms away from Roger and sits down heavily.*), усиливают передачу эмоционального состояния собеседников.

В драме присутствуют и невербальные маркеры эмотивности (эмотивные кинемы) – это жесты, мимика и т.д. Данные невербальные единицы активно используются авторами для характеристики и описания поведения героев (описание голоса, выражения лица, походки и т. п.):

ЛИЛИ. О-ох!... О-о!...

ДЭВИ. Что?! Что случилось?.. (*Перестает хрустеть морковью, поднимается, никого не обнаруживает, снова садится, опять со звоном мешает чай в чашке и принимается за морковь.*) Ужасно чешется спина. Ой! (*Ежится, ерзает, подскакивает, приближается к развешанному над камином набору.*) Что же выбрать? Остановлюсь-ка на «Путтере». Он короче других! (*Берет короткую клюшку, с помощью которой чешет спину.*)

ЛИЛИ. (*приподнимается, видит Дэви.*) Что ты делаешь?

ДЭВИ. Я? Ничего! Точней, пью чай с морковочкой! (*Откусывает морковь.*)

ЛИЛИ. Стыдись!

ДЭВИ. Чего? Морковочки? В ней ведь целый воз витаминов!

ЛИЛИ. Я, слабое и нежное создание, упала от страха без чувств, не в силах подняться, валяюсь тут, а ты и думать не думаешь помочь мне и преспокойно ужинаешь! Тоже мне, джентльмен!

ДЭВИ (*вскакивает и поднимает ее*). Я думал, ты просто прилегла. А вот и твоя кисть!

ЛИЛИ. Посади меня, будь добр, за стол!

ДЭВИ. Как? Поднять на руки?

ЛИЛИ. Истинный джентльмен никогда бы не задал такого вопроса...

ДЭВИ. Ах, да! (*Кряхтя поднимает ее, подтаскивает к столу и усаживает.*) Ну, вот! А вот и твой беретик! (*Подает ей.*)

ЛИЛИ. Спасибо! У тебя вроде свербело в спине?

ДЭВИ. Нет-нет. Ничуть!

ЛИЛИ. А чего ты водил по ней каминною кочергою?

ДЭВИ. (*с обидой*). Это не кочерга. Это клюшка для гольфа! Видишь, над камином написано: «Путтер»!

ЛИЛИ. А мне, глядя на тебя, кажется, что это чесалка!

ДЭВИ. Я прибег к одному из приемов гольфа...

ЛИЛИ. Ах, вот оно что! Одолжи и мне, я попробую!

ДЭВИ. Изволь! Ты любишь гольф?

ЛИЛИ (*почесывает клюшкой спину*). У-у, очень! Оч-чень! [3]

Таким образом, можно констатировать тот факт, что появление эмотива или эмотивной кинемы в ремарке автора повлечет за собой эмотивное окрашивание всей реплики в целом:

SEAN KEENAN: (*WHISPERING TO HIMSELF*) Oh, my God! It's stopping outside our house! Something's happened!

(*SEAN BREAKS INTO A RUN. THE FOOTSEPS NOW SOUND LOUD AND FAST*)

SEAN KEENAN: What's happened Mam? Why are they taking Brendan away?

ANN KEENAN: (*SOBBING*) They've arrested Brendan.

SEAN KEENAN: What for?

ANN KEENAN: He...he stole a car, and they also found that he was in possession of heroin. (*SOBBING*) Sean, what....what are we going to do, Sean? How am I going to tell your father this?

SEAN KEENAN: It's okay, Mam. Mary and I will help you.

ANN KEENAN: (*SOBBING*) Your father is just going to be so upset. This is what he thought would always happen to Brendan, and now it has. Oh, what am I going to say to him?

SEAN KEENAN: Come on, Mam. Let's go indoors. I'll make you a nice strong cup of tea, and then we'll wait for Mary and Dad to come home [5].

Следует заметить, что невербальное подкрепление характерно не только для негативных эмоций. Вербальное выражение положительных эмоций также может сопровождаться невербальными средствами, что будет свидетельствовать об интенсивности переживаемого эмоционального состояния.

Эмоции в драме должны учитываться не только в целях получения реалистичных сюжетов и правдоподобных персонажей, но и для того, чтобы они составляли специфический предмет самой драмы, заложенный и переданный через формальную структуру пьесы. Каждая драма, как и любой предмет искусства, имеет особый характер, настроение, общее чувство, связанное с аудиторией, на которую направлено произведение.

Подводя итог, необходимо отметить, что роль эмотивности современного англоязычного и русскоязычного драматургического дискурса возросла. Эмоциональные состояния героев пьесы выражаются с помощью языковых маркеров в виде эмотивов или эмотивных кинем. Расположение таких маркеров стремительно смещается с авторской ремарки в сторону диалогического пространства текста. В то же время, вербализация эмоции сопровождается структурными и лексическими изменениями реплики персонажа.

Проведенное исследование, однако, не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективы развития

проблематики настоящего исследования могут быть связаны с дальнейшим изучением проявления эмотивности персонажей на материале драматических произведений других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева Е. В. Третьеклассник Алеша [Электронный ресурс] / Е. В. Исаева. – Режим доступа : <http://www.isaeva.ru/plays/alex.html> (дата обращения: 06.05.2022).
2. Кривченко И. Б. Особенности выражения эмоциональных состояний персонажей в драматургическом дискурсе (на материале англоязычных пьес XXI века) / И. Б. Кривченко // Филологические науки. – 2015. – С. 83–85.
3. Мосулишвили М. А. Танец с мертвецами [Электронный ресурс] / М. А. Мосулишвили. – Режим доступа : http://samlib.ru/m/mosulishwili_m_a/tanecsmertwecamidoc.shtml (дата обращения: 06.05.2022).
4. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие / О. Е. Филимонова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.
5. Keiller P. A pony for Sean / P. Keiler. – 2011. – 41 p. – URL : <https://australianshortfilms.com/a-pony-for-sean.html> (accessed: 06.05.2022).
6. Lowe A. The Rehearsal Room / A. Lowe. – 2012. – 65 p. – URL : <https://www.simplyscripts.com/scripts/RehearsalRoom.pdf> (accessed: 06.05.2022).

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Мухина Д. С. Репрезентация эмотивов в драматическом дискурсе посредством прямых номинаций и авторских ремарок (на материале русских и английских драм XXI века)

В статье рассматриваются вопросы репрезентации эмотивов в драматическом дискурсе посредством прямых номинаций и авторских ремарок. Предпринята попытка проанализировать способы выражения эмоциональных состояний персонажей на материале англоязычных и русскоязычных пьес XXI века. Диалог, будучи формой коммуникации, передает данную эмоционально-экспрессивную окраску. Авторские ремарки, в свою очередь, влекут за собой эмотивное окрашивание всей цепи коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, драма, диалог, эмотив, авторская ремарка.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Mukhina D. S. Representation of emotives in dramatic discourse through direct nominations and author's remarks (based on the material of Russian and English dramas of the XXI century)

The article deals with the issues of representation of emotives in dramatic discourse through direct nominations and author's remarks. It presents an attempt to analyse the ways of expressing the emotional states of the characters on the material of English-language and Russian-language plays of the 21st century. Dialogue, being a form of communication, conveys this emotionally expressive colouring. The author's remarks, in turn, entail emotive colouring of the entire chain of communication.

Key words: discourse, drama, dialogue, emotive, author's remark.

*Н. А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

ОЦЕНИВАНИЕ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КРИТИКИ ПЕРЕВОДА

В период бурных общественных, политических и научных конфликтов, которые приводят к взаимным обвинениям и претензиям, умение провести надлежащую и справедливую оценку, при этом быть точным и беспристрастным в своих суждениях, требует немалых усилий и основательных знаний. Чаще всего причиной таких недоразумений становится разная, иногда совершенно противоположная, трактовка одних и тех же понятий и явлений. Решение этой проблемы наблюдается в выяснении терминов и основных категорий, неправильное или неподходящее использование которых становится препятствием на пути к пониманию.

В данной статье речь пойдет о термине оценка и некоторых других связанных с ним понятиях в критике перевода как дисциплине, главная задача которой – обеспечивать оценку и характеризовать поступление в сферу литературы оригинальных и переводных произведений. Объектом нашего исследования являются понятия оценивание и оценка, выраженные средствами русского и английского языков. Критика перевода, как отдельная область переводоведческой науки, которая «занимается анализом конкретных переводов и их оценкой в сопоставлении с оригиналами» [2, с. 203], также использует эти термины в своих работах. Целью нашего исследования является попытка систематизации основного понятийного материала, связанного с термином оценка в критике перевода. В своей работе мы будем пытаться, в частности, систематизировать понятия английского

литературоведения *assessment, evaluation, judgement, measurement* и прокомментировать их соответствия (при наличии), найти и предложить им заменители в случае их отсутствия в русском языке.

Теоретические и методологические аспекты оценки перевода отражены в многочисленных трудах известных ученых с точки зрения практического наблюдения за переводческой методикой или с точки зрения идейно-эстетической ценности перевода как нового литературного явления в культуре. Так, П. Ньюмарк рассматривает оценку перевода как составляющую критики наряду с анализом оригинала, интерпретацией переводческих методов и сравнением оригинала с переводом [8, с. 186]. С. Гервей и Й. Хиггинс называют оценку перевода завершающей стадией стилистического редактирования, объектом которого становится текст как продукт перевода [5, с. 137-139].

Вопрос о разграничении основных понятий критики перевода следует начинать с выяснения языковых соответствий/несоответствий, то есть с перспективы лексикографии, ведь речь прежде всего отражает объективное состояние существования того или иного явления образованием и закреплением за словами новых понятий, которые в дальнейшем приобретают специфические характеристики для их описания [4, с. 16-24]. Общим и исходным для оценки и критики является понятие суждения – логическая категория, обозначающая мнение, в которой утверждается или отрицается что-то о предметах и явлениях объективной действительности. В русском языке этот термин в основном используется в научных трудах и, как правило, редко употребляется в ежедневной лексике, хотя толковый словарь представляет суждение как 1) мнение о чем-либо, взгляд на что-то; изложение своих мыслей, взглядов; 2) логическую мысль, в которой утверждается или отрицается что-либо в отношении предметов и явлений [1, с. 425], а также связанные с ним такие понятия, как высказывание, мысль, точка зрения, взгляд. В английском языке суждение имеет три своих соответствия *opinion* (мнение), *judgment* (приговор, судебное решение) и *statement* (в смысле логической категории), и круг их применения значительно шире, включая разговорный язык. Первостепенное значение английского *judgment* – приговор, решение суда; 2) наказание; 3) мысль; 4) рассудительность [7, с. 282]. Для критики перевода этот термин чаще всего применяется со значением ‘суждения’. Так, высказывая свое мнение о современном состоянии оценки качества переводов и несогласованности в работе между переводчиками, клиентами и издателями, профессор Гайн, в частности, отметил: «Издатель может иметь субъективные суждения относительно переводов, особенно если у него мало опыта в переводческой практике и знании наших индивидуальных стилей и словарного запаса и он, таким образом, будет искать способ критически оценить перевод» [5, с. 114].

Литературная критика больше всего пользуется термином *evaluation* – оценка, который соотносится с основным понятием в

аксиологии – *value* и обозначает категорию ценности. Оценивать (*to evaluate*) – внимательно размышлять над чем-либо перед тем, как высказать суждение о его стоимости, важности, качестве [7, с. 471].

Критика, как любая деятельность, связанная с оценкой, пользуется достижениями теории стоимости, а именно ее утверждением о различении понятий факта и ценности, объективности и субъективности, что позволяет критике, в свою очередь, объяснить вопросы литературных и читательских предпочтений, а также симпатий.

Англоязычный словарь литературных и тематических терминов предлагает в связи с этим такое понятие, как *value judgment* (суждение стоимости) – суждение, основанное на личностных принципах или культурных вкусах. В литературоведческих студиях проблема ценностей сосредотачивается на двух аспектах: взаимосвязи интерпретации и понимания ценностей, то есть связи, если таковой существует, между пониманием текста читателем и его ощущением прекрасного, с одной стороны, а с другой – на обоснованности понятия суждения стоимости, вообще [6, с. 337].

Специфичный для критики перевода термин *assessment* существует в рамках составляющей концепта *translation quality assessment* (оценка качества перевода) для обозначения, по словам И. Бурханова, двух типов деятельности: а) оценки (*evaluation*) и б) критики (*criticism*) [5, с. 108]. Осуществление оценки перевода предполагает выработку системы критериев для сопоставления текстов оригинала и перевода с целью определения их соответствий. Кроме того, оценка качества перевода порождает модели для формирования теоретической основы системы оценочных критериев, которые должны не только отражать состояние науки о теории перевода, но и способствовать совершенствованию переводческой практики.

Джулиан Хауз описывает три основных модели оценки переведенного произведения, сформулированные на основании толкования перевода как операции, при которой значения (*meaning*) лингвистических единиц сохраняются эквивалентными. Так, *mentalistic view of meaning* (личностный или субъективный взгляд на значение) создает интуитивное или интерпретационное оценивание перевода, которое зависит исключительно от собственной субъективной интерпретации оценщика. В противоположность субъективно-интуитивным подходам к оценке, *response-based approach* (теория читательского отклика) имеет более научный способ трактовки оценки перевода и принимает во внимание реакцию читателей как результат восприятия смыслового материала при

прочтении производного текста. Авторы этой теории считают, что хороший перевод должен вызвать у читателей отклик равнозначный тому отклику, который продуцируют реципиенты оригинала. *Text and discourse based approach* (текстуальный и дискурсивный подход) к оценке ориентирован на трактовку значения в более широком аспекте, чем текстуальный уровень. Значение текста не ограничивается пониманием, продиктованным лингвистическими единицами, а зависит также от ситуативного и культурного контекста. Перевод текста нельзя оценивать обособленно и оторвать его от среды, в которой он возник [8, с. 43].

В течение XX века теория перевода пополнилась новыми достижениями, исследованиями, которые, в свою очередь, оказали влияние и на оценку перевода как составляющей критики. Наиболее результативными оказались труды, предлагающие считать оригинал произведения, а также культурные и литературные традиции его создания краеугольным камнем, центром, точкой опоры при оценке качества переведенного текста. Такую теорию называют «моделью, ориентированной на оригинал» [8, с. 48].

К сожалению, в русском языке мы не можем найти эквивалент понятию *assessment* ни на лексическом, ни на терминологическом уровне. Англо-русский словарь, например, представляет это слово в переводе как 1) обложение; 2) сумма налогообложения; 3) оценка имущества для налогообложения [1, с. 52]. В английском языке *assessment* трактуется как 1) процесс выработки суждения или формирования мысли после тщательного размышления над чем-либо; 2) подсчет средств или стоимости чего-либо, сумма средств или стоимости [7, с. 70] и является синонимом к слову *evaluation*. Отличие в их применении связано с происхождением этих слов: *evaluation* от слова *value* (ценность), *assessment* – *asset* (положительное качество; преимущество плюс). Это, очевидно, и объясняет употребление *assessment* наряду со словом *quality*, которое в английском языке обозначает понятие высокого качества.

Развитие научно-технического прогресса и внедрение компьютерных технологий в таких традиционно гуманитарных сферах, как литературоведение и языкознание заставило критику перевода разработать еще один специфический термин для описания процесса оценки перевода. Этот термин *translation quality measurement* отражает особенности количественной оценки, а его создатели, практикующие переводчики, считают, что нельзя оценить то, что не подлежит точному измерению [7, с. 714]. Процесс оценки, т.е. *translation quality measurement*, традиционно начинается с определения понятия *quality*, которое чаще всего указывает на удовлетворение потребностей и ожиданий клиентов или заказчиков перевода. Правильный перевод – это перевод, который не содержит

ошибок или их количество не превышает допустимого предела. В этой связи предложено еще одно понятие *translation quality index* (индекс качества перевода) – точно установленный предел – определенное количество ошибок, превышение которого указывает на недостоверный, неправильный перевод. Критериями для успешной оценки качества перевода считаются:

- повторяемость (когда два оценивания одного и того же текста перевода дают схожие результаты);
- воспроизводимость (разные оценщики переводов должны приходиться к подобным выводам, оценивая одни и те же переводы);
- объективность (избегание субъективных предубеждений).

Отсутствие прямого соответствия термину *translation quality measurement* не означает, что российские оценщики перевода не совершают таких операций, как, например, подсчет количества допущенных ошибок, чтобы убедиться в полноте и точности выражения перевода. Следовательно, оценивание перевода можно рассматривать, с одной стороны, как работу непосредственно над текстом перевода, то есть литературную проработку рукописи, улучшение речи, стиля и композиции произведения. Это предполагает сотрудничество с автором перевода, помощь в усовершенствовании содержания и формы изложения, литературных и языковых качеств рукописи (грамматическая правильность, точность словоупотребления, выразительность и т.д.). Такая деятельность невозможна без обращения к оригиналу и ассоциируется скорее со стилистической спецификой функционирования перевода. С другой стороны, оценка производного текста – это исследование произведения перевода, с присущей ему художественно-презентационной ролью в принимающей литературе. Оно направлено на исследование мотивов выбора переводчиком того или иного произведения, культурной среды возникновения оригинала, соотношения контекстов оригинала и перевода. Этот метод оценки перевода пробует установить художественную ценность литературного произведения.

Ввиду того, что перевод терминов – одна из самых сложных проблем терминоведения как синтетической междотраслевой дисциплины [3, с. 319], мы попробуем описать некоторые возможные способы введения новых дефиниций, а именно:

- путем подбора национального соответствия: *evaluation (value)* – оценка (ценность) для определения художественной ценности произведения;
- с помощью перевода: *translation quality assessment* – оценка качества перевода через концепт «эквивалентности» оригинала в социолингвистическом измерении;

- с помощью частичного толкования и перевода: *translation quality measurement* – количественная оценка качества перевода для указания на измерительный способ оценки перевода.

Сравнительный анализ русской и английской терминологий требует дальнейшего исследования и должен принят во внимание термины других языков для обозначения понятия оценивания с целью получения исчерпывающих результатов возможности внедрения новых наименований в системе национального терминоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян А. А. Англо-русский словарь / А. А. Акопян. – М. : Проспект, 2013. – 640 с.
2. Коптілов В. В. Першотвір і переклад. Роздуми і спостереження / В. В. Коптілов. – К. : Дніпро, 1972. – 215 с.
3. Казакова Т. А. Художественный перевод : теория и практика : учебник / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург : ИнЪязиздат, 2006. – 535 с.
4. Мельников Г. П. Основы терминоведения / Г. П. Мельников. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. – 116 с.
5. Burkhanov I. Translation: Theoretical Prerequisites / I. Burkhanov. Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2003. – 222 s.
6. A Dictionary of Literary Terms. – New York, 1986. – 280 p.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / Ed. by Mundell M. – L. : Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p.
8. Newmark P. A textbook of translation / P. Newmark. – Longman, 2003. – 290 p.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Оценивание в терминосистеме критики перевода

В статье рассмотрен термин «оценка» как ключевое понятие литературной критики и критики перевода. Предпринята попытка анализа этого понятия в системе двух языков (русского и английского) с целью определения терминологических соответствий.

Ключевые слова: оценка, критика перевода, эквивалентность.

SUMMARY

Ivanova N. A. Evaluation in the terminological system of translation criticism

The article deals with the term evaluation as a key concept of literary and translation criticism. An attempt was made to analyze this

concept in the system of two languages (Russian and English) in order to determine terminological correspondences.

Key words: evaluation, translation criticism, equivalence.

С. В. Карний
(г. Донецк, ДНР)

УДК 070; 81; 82
ЖУРНАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДОНБАССА В ПЕРИОД
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, РЕВОЛЮЦИИ, УССР:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Частью развитой системы печати Донбасса становились не только газетные, но и журнальные издания. В XIX в. популярный массовый еженедельный иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни «Нива» стал первым изданием такого типа, распространение которого началось на Донбассе в 1894 г. В этом году читательской аудитории стали доступны 25 номеров данного издания (с 27-го по 52-й). В 1900 г. распространено 23 выпуска из 51, а в 1902 г. – 2, о чём свидетельствуют сохранные подшивки журнала в Государственном архиве Донецкой Народной Республики.

Издание печаталось в Санкт-Петербурге (издательство А. Ф. Маркса) с 1869 г. в течение почти 50 лет вплоть до 28 сентября 1918 г. Оттуда, как и многие Всероссийские газеты, доставлялось на Донбасс, где пользовалось спросом особенно в период отсутствия печати. В XX в. дистрибуция издания осуществлялась уже с приложением.

Интерес у жителей Донбасса журнал литературы, политики и современной жизни завоевал тем, что распространял идеалы и ценности русской цивилизации, что выражалось в публикации исторических и научно-популярных произведений, а также очерков. Издание выступало в качестве информационной площадки для художников, размещавших в нём свои произведения.

Журнал культивировал и общественно-политическую коммуникацию. Мировоззрение и воображение аудитории в различные периоды усиливались иллюстрациями, гравюрами, фотографиями. Им заложена и традиция издания приложений. Специфической особенностью «Нивы» являлась сквозная нумерация для брошюрирования выпусков.

Русские идеалы и ценности на Донбассе посредством данного журнала закладывались распространением произведений русских и зарубежных писателей, модных выкроек, календарей и

т. д. При своей дороговизне «Нива» имела самый большой тираж (от 9 до 275 тыс. экз.) из-за того, что была рассчитана на широкий круг читателей (подписчиков).

Большую русскую нацию на Донбассе формировало и поддерживало ещё одно журнальное издание – *«Южнорусский горный листок»* (1880–1918). С 1888 по 1903 г. он сменил своё название на «Горно-заводской листок», а с 1910 г. – «Горно-заводское дело». В Российской империи харьковский журнал являлся профессиональным отраслевым научно-техническим изданием Совета съезда горнопромышленников Юга России, печатавшимся инженерами по его инициативе.

Функция данного журнала – служение интересам горной промышленности не только огромной страны, но и Донбасса, где шло активное освоение угольного промышленного региона, что требовало изложения инженерной мысли и решения различных технических задач.

Цензурируемое полицмейстером издание для студентов-горняков продавалось со скидкой. Журнал охватывал интересы широкого круга аудитории, так как сбор, обработка и распространение информации журналистами осуществлялись в правительственном, техническом, экономическом отделах.

В «Горно-заводском деле» размещались научно-технические статьи, сообщения по различным отраслям горного дела, заметки, коммерческая и статистическая информация горной промышленности, правительственные распоряжения, библиография, торговые и промышленные объявления. Ценность журнала и в публикации на его страницах приложений, чертежей, схем, карт, отчётов о работе съездов горнопромышленников Юга России. Издательство длилось до начала Гражданской войны и национализации предприятий.

На Донбассе «Горно-заводское дело» распространялось в течение 13 лет, с 1905 по 1918 г.

С 1911 по 1914 г., пока на реке Северский Донец строилась система гидротехнических сооружений, на Донбассе распространялось издание *«Бюллетень управления работ по иллюзованию реки Северного Донца»*. До сегодняшнего дня сохранены некоторые его выпуски. В них сообщается об особенностях благоустройства и преобразования крупной водной системы, способствующей судоходному экспорту каменного угля.

Информационную среду Донбасса образовывал ещё один еженедельный общественно-политический и одновременно литературно-художественный иллюстрированный журнал *«Огонёк»* (1879 – 2020 г.). Издание доставлялось из Москвы и

состояло из 22 страниц, на которых размещались различные рассказы и тематические фотографии.

Данный период на рубеже XIX–XX веков В. Ю. Даренский описывает в своём исследовании о природе ментальных конфликтов, отмечая, что эпоха промышленных гигантов, возникающих в «скифской» степи, мистически вдохновляла и поэтов. В качестве примера приводится А. Блок, который видел в индустриальных процессах образ некой новой Руси, неумолимо приходящей на смену прежней, в результате чего его стихотворение «Новая Америка» (12 декабря 1913 г.) отображает мистический образ угля как «подземного мессии», имеющий глубокие культурные коннотации. Даренский продолжает: *«он непосредственно соотносится с «золотом Рейна» из трагедии «Кольцо нибелунгов» Р. Вагнера, «культового» произведения эпохи символизма. Это – символ вынужденного нисхождения во тьму, чтобы добыть оружие для победы и новую историческую жизнь»* [2, с. 41].

В одном из своих исследований события, на фоне которых в промышленном регионе развивалось печатное дело, описывает Н. Н. Разумная, указывая, что к 1914 г. Донбасс имел в своём распоряжении эффективную транспортную инфраструктуру, посредством железной дороги соединяющую его с промышленными центрами и с центральной Россией [3, с. 38]. Каждый этап создания данной логистики также находил своё отражение на страницах журналов, считавшихся, в отличие от газет, более качественными изданиями. На особой роли прессы в данный период акцентирует своё внимание П. А. Шариков, рассуждая на тему о российском векторе американской информационной политики. В качестве примера он приводит высказывания В. И. Ленина, который возводил печать в ранг органа экономической реорганизации и перевоспитания масс [8, с. 29].

В апреле 1917 года в Павлограде, являвшимся, как и Донбасс, частью Екатеринославской губернии, вышел в свет ещё один украиноязычный журнал «*Степь*».

Таким образом, можно сделать вывод, что в период с 1821 по 1917 г. в информационном пространстве Донбасса функционировали всего пять журналов: «*Нива*», «*Горно-заводское дело*», «*Бюллетень управления работ по илюзованию реки Северного Донца*», «*Огонёк*», «*Степь*». Каждый из них закладывал фундамент и основные принципы массовых коммуникаций в обществе того времени.

Период СССР. В постреволюционный период дистрибуция журнальной продукции на Донбассе происходит на фоне, как

отмечает А. В. Бредихин, когда в Приазовье начинают возникать национальные районы греков (Сартанский, Мангушский и Велико-Янисольский) [1, с. 73], а также реализации большевиками национальной политики с целью укрепления власти, в связи с чем посредством прессы, по словам Ю. Г. Тамбиянц, началась осуществляться политика пресечения великодержавного русского шовинизма, а также украинизма, но при этом, считает исследователь, украинизация не была радикальной по причине того, что полный переход государственных органов на украинский язык не был возможен [4, с. 79]. Однако, по утверждениям А. В. Бредихина, к 1925 г. украинский язык таки стал языком делопроизводства и печати Донбасса. По его данным, в период с 1923 по 1924 г. были открыты 122 украинские школы. Еще через 4 года в общей сложности заработало 181 украиноязычное учебное заведение. В Мариуполе к 1932 г. так и вовсе не останется ни одной русской школы. При этом вопросами украинизации только в Артёмовске занимались 54 комиссии [1, с. 71].

В данных языковых условиях происходило функционирование журналов, издаваемых и распространяемых на территории Донбасса, потому что, отмечает В. Н. Чернега, как только в ноябре 1917 г. Центральной радой была провозглашена УНР, а уже в январе 1918 г. объявлено о её государственной независимости, данное геополитическое образование стало претендовать на господство над территориями со смешанным населением, навязывая ему свой язык. Исследователь продолжает, именно поэтому в феврале этого же года и было объявлено о создании Донецко-Криворожской республики как составной части РСФСР, после чего через месяц она была передана УССР [7, с. 46]. В те годы, утверждают С. А. Кислицын и А. А. Смирнов: *«В. И. Ленин требовал соблюдения суверенитета формирующейся Советской Украины, невмешательства в деятельность ЦИК Советов Украины, тактичности в национальном вопросе, заботы об укреплении сотрудничества Украинской и Российской Советских республик»* [6, с. 63].

В данный период Опродкомгуб начал издательство *«Бюллетеня Донецкой губернской особой военно-продовольственной комиссии»* (1920 г.). В 1921 г. в информационном пространстве возник *«Бюллетень Всеукраинского ЦИК советов РК и КД»*. Донецкий губотдел ВСГ и центральное правление каменноугольной промышленности Донецкого бассейна организовали деятельность печатного органа *«Донецкий шахтёр»*, в первом номере журнала, отмечает группа авторов-исследователей, содержалось описание приезда ЦПКП из Харькова в Бахмут,

когда: «к началу фактической работы по восстановлению Донбасса, Донецкая губерния являла собой картину полного развала. Власти на деле не было, точнее, некоторое подобие советского аппарата существовало лишь в городах и крупных поселениях. Деревня была отдана бандитам и анархии. По всей губернии и в сопредельных уездах соседних губерний рыскали банды, встречающие полную поддержку крестьянского населения, разрушая телеграфную и телефонную связь, взрывая железнодорожные пути, убивая отдельных советских работников и устраивая налёты не только на рудники и мелкие поселения, но и уездные города. С конца 1920 г. и до середины мая 1921 г. в губернии оперировал Махно, силы которого доходили до 2000 конницы и 500 чел. Пехоты при 4 орудиях и 70 пулемётах. Правильного железнодорожного сообщения не было. Редкий поезд благополучно заканчивал свой рейс. Под самим Бахмутом на пути к Харькову существовало бандитское гнездо, и спуск под откос поездов на перегоне был почти нормальным явлением...» [5, с. 341].

В 1921 г. на Донбасс был доставлен один из немногочисленных выпусков издания «Бюллетень центральной комиссии помощи голодающим ВУЦИК». Задачей журнала, созданного в июле этого же года, было оказание помощи в борьбе с голодом, возникшем, в том числе, на значительной части территории России. В тот год в пищу нуждались более 30 миллионов человек. В течение 1921 – 1922 г. было издано всего 4 выпуска, содержащих на своих страницах различные материалы, инструкции, постановления, декреты, циркуляры.

Также в 1921 г. на Донбассе был распространён всего один выпуск журнала «Организация труда» (№ 1), предназначенный для учёных и повествующий о научной жизни. В нём печатались различные теоретические и прикладные положения об организации труда в научном аспекте. Журнал культивировал процесс интеракции в академическом сообществе Донбасса, члены которого участвовали в дискуссиях. Споры были настолько острыми, что некоторые из участников потом подвергались политическим репрессиям.

Периодический журнал «Хозяйство Донбасса» функционировал на территории региона в течение четырёх лет, с 1921 по 1924 г.

«Про комітети незаможних селян» – ещё один журнал, который в 1921 г. на Донбассе являлся частью информационной среды. Его задачей было освещение деятельности органа Советской власти, созданного большевиками и наделённого широкими полномочиями. В частности, комитеты занимались

распределением среди бедных земель, скота, зерна, раскулаченных, помогали обрабатывать землю.

Одним из старейших журналов информационного пространства является *«Просвещение Донбасса»*, предназначенный для освещения проблем образования, вопросов педагогики и просвещения, анализа опыта воспитательной и учебной работы. В выпусках издания поднимались текущие вопросы, касающиеся образования, а также выделялась особая роль учителя в системе образования промышленного региона. Наиболее широкое распространение издание получило с 1922 по 1924 г.

Не меньшей популярностью пользовался журнал *«Спутник Донецкого пропагандиста»*. Издание являлось печатным органом Донецкого губернского комитета КП(б)У. Его дистрибуция в регионе активно осуществлялась в течение нескольких лет, с 1922 по 1923 г.

В информационной среде Донбасса функционировал и двухнедельный харьковский юридический журнал *«Вестник советской юстиции на Украине»*, издаваемый Народным комиссариатом юстиции. До наших дней сохранился лишь один из его выпусков за 1922 г. Статьи издания охватывали государственно-политическую тематику, вопросы, касающиеся различных областей права, деятельность правоохранительных органов, судебной власти, предоставлялась правовая информация.

В течение двух лет, с 1923 по 1924 г., частью журнального сектора являлось издание *«Статистика Донбасса»*. Журнал являлось ежемесячным бюллетенем Донецкого губернского статистического бюро в Бахмуте.

На Донбассе в 1927 г. функционировало такое периодическое издание, как *«Сборник приказов высшего совета народного хозяйства»*.

Интерес для читательской аудитории индустриального региона представлял журнал *«Спутник партийного работника Донбасса»*. Периодическое агитационное и пропагандистское издание с идеологической направленностью освещало деятельность органов местной власти, а также комитетов.

Давая оценку искусственному билингвизму, организованному в данный период националистически настроенными представителями власти, оказавшимися в большевистских рядах, Ю. Г. Тамбиянц отмечала, что в годы масштабного промышленного развития к рабочим выставлялось требование по владению государственным языком, благодаря чему украинский отходил на второй план, но это стало следствием возникновения в речевой среде Донбасса смешения языков и образования так называемого «суржика» [4, с. 79].

Специфика планирования и руководства сельскохозяйственным производством освещалась в журнале *«Бюллетень народного комиссариата земледелия УССР»*. На Донбассе информационный ресурс доставлялся в течение 1924 г. Периодическое печатное издание создавалось с целью организации эффективного планирования и руководства сельхозпроизводством в одной из союзных республик. Наркомзем с поставленными задачами не справился.

Президиум Верховного Совета УССР посредством периодического харьковского двухнедельного журнала *«Радянська Україна»* пытался продвигать общественно-политические и националистические взгляды в период насильственной украинизации на Донбассе в течение 1925 г. Издание начало свою деятельность в 1921 г. под русскоязычным названием *«Бюллетень Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов»*. Он освещал деятельность правительственных органов. Украинизации журнал подвергся в 1924 г.

В числе качественных журнальных изданий являлся двухнедельник торгового представительства СССР в Чехословацкой Республике *«Экономический бюллетень»*.

В истории прессы Донбасса существует упоминание о существовании в период с 1926 по 1929 г. журнала *«Вестник продвижения Украины»*.

В 1926 г. своё распространение на Донбассе получил *«VIII Всесоюзный съезд профессиональных союзов»* – бюллетень центрального органа профсоюзов, освещающий организацию отдыха трудящихся, туристическо-экскурсионного и санаторно-курортного обслуживания.

На Юге Донбасса в 1926 г. издаётся *«Статистичний бюлетень Маріупольщини»* – ежемесячное издание Мариупольского статистического бюро.

В 1931 г. в информационной среде Донбасса реализовывал свою деятельность *«Сільсько-господарський інформаційний бюлетень наркомзему, укрколгоспу»*.

С 1931 по 1952 г. информационное поле Донбасса с периодичностью один раз в две недели формировал теоретический и политический журнал *«Большевик»*, печатаемый московским издательством. Среди аудитории он пользовался популярностью тем, что в нём поднимались вопросы философии, литературы, марксистско-ленинской теории, искусства, строительства коммунистического общества, экономики. С 1952 г. популярное издание сменило своё название на *«Коммунист»* –

теоретический и политический журнал Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Периодичность печати – раз в 20 дней.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что параллельно с газетным производством на Донбассе активно развивалось и журнальное, со свойственной ему спецификой и особенностями. Что же касается идейно-тематической и лингвистической составляющих, то их формирование зависело от политической конъюнктуры и административно-территориального устройства промышленного региона. Количество журналов, по сравнению с газетами, является немногочисленным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин А. В. Национальные и религиозные проблемы в Донецкой и Луганской народных республиках / А. В. Бредихин // Россия и новые государства Евразии. – 2017. – № 2(35). – С. 69-82.
2. Даренский В. Ю. Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов / В. Ю. Даренский // Историческая психология и социология истории. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 38-55.
3. Разумная Н. Н. К вопросу о продовольственном кризисе в Донбассе в 1917 году / Н. Н. Разумная // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 35-42.
4. Тамбиянц Ю. Г. Проблематика Донбасса на современном этапе: социально-философское осмысление / Ю. Г. Тамбиянц // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2019. – № 3(70). – С. 76-83.
5. История (история Донбасса от древности до современности) / под общей редакцией Л. Г. Шепко, В. Н. Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 693.
6. Кислицын С. А. Военный конфликт на Донбассе 2014-2020 гг. в контексте Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / С. А. Кислицын, А. А. Смирнов // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2019. – № 4(71). – С. 62-68.
7. Чернега В. Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования / В. Н. Чернега // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2(106). – С. 42-67.
8. Шариков П. А. Российский вектор американской информационной политики / П. А. Шариков // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – № 9(549). – С. 23-36.

АННОТАЦИЯ

Карпий С. В. Журнальное производство Донбасса в период Российской империи, революции, СССР: лингвистический аспект

В статье предпринята попытка посредством современных категорий справочно представить краткий научный взгляд на журналистские процессы, стандарты, а также на междисциплинарном уровне обсудить исторический, теоретико-методологический, прикладной и лингвистический аспекты развития журнального производства Донбасса в период до 1931 г. Под последним подразумевается лингвокультурный языковой образ региона в журналах. В контексте геополитических процессов и административно-территориального обустройства рассматриваются причинно-следственные связи зарождения журнальных изданий, формирование информационного пространства, роль языка журналов на этапах образования той или иной государственности, функционирование журналов в условиях самоидентификации, специфика дистрибуции периодических изданий. Также обращается внимание на становление и развитие журнализма, массовых коммуникаций в крупнейшем полиэтническом промышленном регионе.

Ключевые слова: язык, лингвистика, билингвизм, СМИ, печать, журнал, журналистика, украинизация, дистрибуция, информационное пространство.

SUMMARY

Karpiy S. V. Journal production of Donbass in the period of the Russian empire, revolution, USSR: linguistic aspect

The article attempts to present a brief scientific view of journalistic processes, standards by means of modern categories, as well as to discuss at the interdisciplinary level the historical, theoretical, methodological, applied and linguistic aspects of the development of journal production in the Donbass in the period up to 1931. The latter refers to the linguocultural language image of the region in magazines. In the context of geopolitical processes and administrative-territorial arrangement, the cause-and-effect relationships of the emergence of journal publications, the formation of the information space, the role of the language of journals at the stages of formation of a particular state, the functioning of journals in conditions of self-identification, and the specifics of the distribution of periodicals are considered. Attention is also drawn to the formation and development of journalism, mass communications in the largest multi-ethnic industrial region.

Key words: language, linguistics, bilingualism, mass media, press, journal, journalism, Ukrainianization, distribution, information space.

Н. В. Лешкова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА

В теоретических основах исследования проповеди как жанра православного дискурса следует выделить основные понятия коммуникативно-дискурсивного анализа современной православной проповеди. В статье исследуются основные стратегии как базовые понятия коммуникативно-дискурсивного анализа, основные подходы к определению этих понятий и их классификации.

Понятия коммуникативных стратегий исследовали такие лингвисты, как А.Л. Факторович, Е.И. Шейгал, И.В. Труфанова, Е.В. Клюев, Г.Г.Матвеева, М.М. Добрякова, О.С. Иссерс, Т.А. ван Дайк (1989) и др.

Коммуникативная лингвистика определяет стратегию «как сверхзадачу, идущую от адресанта, направленную на достижение коммуникативной или практической цели и рассчитанную на определенный перлокутивный эффект» [1, с. 276]. Стратегия заключается в умении моделировать ситуацию с помощью доступных средств и методов с целью достижения необходимого результата. Она сознательно ограничивает возможный объем информации и отбор языковых средств, которые должны быть предоставлены адресату с целью влияния на его «интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы» [2, с. 21]. Конечная цель любой коммуникативной стратегии – коррекция модели мира адресата, поэтому в рамках «стратегии говорящим выбираются определенные психологические параметры, определяются необходимые изменения в их значениях и способы достижения этих изменений» [3, с. 101].

Дискурсивная стратегия наррации выделяется лингвистами как одна из основных, потому что в том или ином виде она присутствует во всех образцах жанра проповеди. Для лучшего понимания сути этой дискурсивной стратегии приведем определение термина «наррация» у Ж. Женетта, по которому она является порождающим повествовательным актом, ситуацией или рассказом, создающим инстанцию нарративного дискурса, «изложение истории» [4]. В проповедях наррация необходима для полной или лаконичной передачи фрагмента Евангелия, в зависимости от его сложности, длительности, языка, на котором он читался священником. Наррация представляет собой вводный элемент к проповеди, с которого и начинается

логически разворачиваться пространство дискурса. Наррация также используется во время пересказа исторических событий, рассказов из патериков, собственной жизни. После наррации всегда следует интерпретация, разъяснение, информирование, аргументация, призывы.

В основном повествование после прочитанной проповеди из Евангелия звучат так: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Сегодня мы слышали Евангелие об исцелении расслабленного (Мк. 2:1-12) (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 2-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя).*

В некоторых случаях священник начинает проповедь, ссылаясь на свои предыдущие проповеди и вспоминая темы, которые уже были предварительно раскрыты: *Мы видим, как актуализируется в нашей истории рассказ о парализованном, которого люди принесли к Спасителю. Во всех этих исторических сюжетах, на которых я сегодня остановился, несомненно присутствовала благодать Божия. Но ведь присутствовали и конкретные люди, чьи имена мы уже когда-то вспоминали (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 2-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя).*

Этот прием срабатывает в случаях, когда прихожане постоянно участвуют в церковной жизни и присутствуют на каждой литургии, с другой стороны, таким образом священник предоставляет возможность новым реципиентам прослушать ту информацию, которая была сообщена без их участия. Кроме того, таким способом священник акцентирует внимание на взаимосвязи между различными евангельскими событиями и праздниками, посылая импульс людям к повышению собственного уровня богословского образования.

Наррация строится по аллюзивной схеме «жизненный опыт – сегодняшнее Евангелие – описание события – параллель с настоящим временем»: *Вот в чем смысл сегодняшнего празднования. Царица Небесная не просто принесла победу русскому оружию, но явила милость Божию, и народ наш, объединившись перед лицом общего врага, действительно став единым, оказался способным его победить. Поэтому сегодня мы празднуем не военную победу, но удивительное событие единения нашего народа, до того разделенного на непримиримые, казалось бы, враждующие группы. Народа, который, осознав свою ответственность за судьбу Отечества, стал единым и явил грозную силу, так что противник, почувствовав эту силу, покинул и стольный град, а через достаточно короткое время – и пределы нашего Отечества.*

Замечательно, что именно этот день был объявлен и гражданским праздником, поскольку события, связанные

с освобождением Москвы по молитвам Пречистой Преблагословенной Царицы Небесной, явили народу силу того, что есть единение и согласие. И вот сегодняшний день напоминает о величайшей ценности единения и любви, о способности быть всем вместе для того, чтобы решать задачи, которые стоят перед личностью, перед семьей, перед обществом и перед государством (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Казанской иконы Божией Матери после Литургии в Александро-Невском скиту).

Дискурсивная стратегия наррации реализуется такими тактиками:

- тактикой описания запланированных действий: *Если Господь юродством проповеди, как сказал апостол, принес спасение (см. 1 Кор. 1:21), то это значит, что всякая человеческая сила, всякая власть не имеют никакого отношения к нашему счастью, к нашему спасению, – к этому имеет отношение только сила Божия. Упоная на эту силу, привлекая эту силу своими молитвами, мы обретаем реальную возможность войти в Божие Царство, коснуться рая уже здесь, на земле, и надеяться на то, что милостью Божией обретем этот рай и это счастье – абсолютное, без всяких оговорок, – в Царствии Небесном* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя);

- тактикой просьбы разрешения для рассказа определенной истории или описания события, например: *Я напомню Вам о благочестивых родителях, отдавших на воспитание в храм Пресвятую Деву Марию, это должно помочь и современным родителям понять, что, когда ребенок ходит в храм Божий, когда он учится при храме в воскресных школах, а сейчас существует еще и много православных гимназий, тогда он обретает замечательное воспитание, которое поможет ему в жизни остаться сильным, несокрушимым, справиться не только со стрессами повседневного бытия, но и со многими и многими искушениями, которые встречаются на нашем жизненном пути* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Рождества Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в Храме пророка Божия Илии);

- тактикой апелляции к эмоциональным переживаниям, для которой характерны инверсия, специальные союзы: «не только..., но...»: *... Он предлагает нам взойти на наш маленький крест не только для того, чтобы мы погибли, но для того чтобы мы, по образу распятого Спасителя, искупили свои собственные грехи...* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 3-ю Великого

поста после Литургии в храме великомученика Димитрия Солунского в Хоросе).

Проповедь как жанр православного дискурса выполняет коммуникативную функцию, т.к. рассчитана на восприятие прихожанами. Главной задачей контактирующей дискурсивной стратегии является установление контакта с реципиентом проповеди. Это достигается с помощью:

- тактики обращения к адресатам или к высшим силам, например: *Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Всех вас, мои дорогие владыки, отцы, братья и сестры, сердечно поздравляю с сегодняшним воскресным днем, с Прощеным воскресеньем, с последним воскресным днем перед началом поприща Святой Четыредесятницы – Великого поста!* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю сыропустную после Литургии в Храме Христа Спасителя);

- тактики ведения диалога – чаще всего контактирующая дискурсивная стратегия реализуется с помощью риторических вопросов, на которые священник отвечает сам: *Что же тогда? Неужели напрасно нам дана сегодняшняя притча, напрасно Господь предложил ее Своим ученикам, а через учеников – всему миру?* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о блудном сыне после Литургии в Александро-Невском скиту).

Задавая вопрос, говорящий желает не получить конкретный ответ, а «преследует вполне определенную цель – он влияет на поведение собеседника» [5, с. 303].

В проповеди можно также найти случаи, когда с помощью риторического вопроса автор пытается сделать более деятельной мысленную активность адресата, заставляет его задуматься над проблемой, попытаться самому найти ее решение и дать ответ на вопрос. И только с течением времени (после того, как ответ уже вроде появился или хотя бы начинает формироваться в сознании адресата), автор сам предлагает ответ и толкование проблемы, пытаясь с помощью аргументов убедить адресата или утвердить мнение, которое у него уже сформировалось: *Кто из нас не проходил через жизненные испытания? Люди в возрасте могут перечислить множество событий в своей жизни, от которых буквально зависело их будущее; молодые еще не имеют такого опыта, но и они через него пройдут* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Рождества Пресвятой Богородицы в храме пророка Илии).

Риторический вопрос, без сомнения, имеет большее эмоциональное и психологическое воздействие на адресата, однако выражает тот же смысл, который реализован в форме обычного императива. К.В. Бобырева справедливо отмечает,

что в проповеди риторические вопросы выполняют фатическую функцию, устанавливая контакт с аудиторией, также представляют тематику, которая получает отражение и развертывание в тексте проповеди и подкрепляются комментариями из текста Священного Писания и предания [6, с. 146].

На некоторые вопросы священник не дает ответа, когда ответ очевиден, или, когда человек должен сам потратить время для постижения определенных истин: *Если много званных в Царство Небесное, а мало избранных, что это означает? Предопределение? То, что Бог заранее определил, кто будет избран? Ведь не сказано, что человек сам себя избирает. Много званных, но мало избранных – кем? Богом мало избранных?* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 14-ю по Пятидесятнице в храме Введения во храм Пресвятой Богородицы).

Контакт с прихожанами устанавливается с первых слов священника. Поэтому после первой традиционной молитвы следующей идет тактика обращения к мирянам. Обычно, обращение предусматривает использование эмоционально-возвышенной лексики, формируя чувство особого отношения к мирянам как к близким сердцу братьев и сестер, духовных детей: *Возлюбленные во Христе братия и сестры!; Дорогие во Христе братия и сестры; Всех вас, возлюбленная моя паства, братия и сестры...*

Такая лексика используется не только в начале проповеди, а и по всему тексту, таким образом закрепляя искреннее и доброе отношение со стороны священнослужителя и, кроме того, тактика обращения подразумевает контроль над вниманием мирян, чтобы они не отвлекались: *Этой простой истине мы научаемся сегодня, дорогие братья и сестры, в преддверии Великого поста, через дивный евангельский текст* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о мытаре и фарисее после Литургии в Александро-Невском скиту).

Тактику объяснения проповедник применяет для обоснования информации, которая была озвучена, например: *История о мытаре и фарисее учит нас тому, что никакие добродетели, связанные с нашей религиозной жизнью, не должны восприниматься нами как нечто, что спасает нас автоматически. Ходим в храм, постимся, пытаемся исполнять заповеди – ну что же еще? Но если мы так считаем, то это означает застой в духовной жизни* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о мытаре и фарисее после Литургии в Александро-Невском скиту).

Таким образом устанавливается контакт с прихожанами, потому что, когда человек понимает, что информация касается его напрямую, а тем более может быть полезной, тогда он пытается сосредоточить на ней максимум внимания и осмыслить ее.

Тактика «чтение мыслей», которая является одной из основных при реализации контактирующей стратегии. Священник выступает от «Мы»-сообщества, открывая те проблемы или сокровенные мысли, грехи, упование, страдания, которые человек носит в себе. Тем самым человек чувствует себя живой частью коммуникативного процесса, ибо согласен реципиент с тем, что было подтверждено адресантом или нет, а невербальный ответ невольно предоставляется слушателем: *Поэтому сегодняшнее Евангельское чтение должно помочь нам понять: от Господа зависит, пустить нас на пир или не пустить, пригласить или не пригласить; а вот в какую одежду нам одеться – зависит от нас. Давайте выберем чистые и светлые одежды, которые и откроют нам путь в Царствие Небесное!* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю 14-ю по Пятидесятнице после Литургии в храме Введения во храм Пресвятой Богородицы).

Информирующая дискурсивная стратегия представляет собой «последовательность интенций, ориентированных на информирование человека, сообщения ему знаний и мыслей о мире» [5, с. 256]. Знание – это сложная система информации, которая признается в обществе как коллективное объективное достояние, а мнения – это индивидуальные и субъективные представления. Стратегия информирования в проповеди определяется целью проповеднического выступления – разъяснить слушателям суть религиозного вероучения, содержание слов Учителя, принципы религиозной морали и др. К коммуникативным тактикам этой стратегии относятся разъяснение, дефиниция и нарратив. Характерными для рассуждения маркерами являются причинно-следственные высказывания, модальные лексические единицы, многочисленные риторические вопросы, структурирующие рассказ и облегчающие для слушателей понимание сказанного проповедником.

Успешная реализация коммуникативного намерения проповедника зависит в основном от уровня образовательной подготовки адресата, его мировоззрения, знаний как теологических, так и исторических. Степень глубины восприятия адресатом послания варьируется в зависимости от его интеллектуального базиса. В некоторых случаях необходимо донести информацию до реципиента в развернутом или, наоборот, в лаконичном виде. Для предоставления полной картины какого-то явления, проповедник прибегает к использованию информирующей дискурсивной стратегии. Особенно это касается той части проповеди, которая идет по преданию евангельского фрагмента, когда проповедник объясняет, например, устаревшие

слова, особенности мировосприятия древних иудеев и христиан, их традиции, исторические условия жизни и т. п.: *Вот какие удивительные слова! В храме Божием чистый, светлый, безгрешный Младенец в сопровождении Матери, и Она слышит эти непонятные и даже страшные слова, что Сей будет и на падение, и на восстание многих, и в предмет пререканий. Может быть, Пресвятая Дева в то время еще не могла понять в полной мере, что означает это пророчество. Но в течение всей жизни это пророчество отзывалось в Ее сердце, и мысленно Она возвращалась к словам Симеона, ведь стоило только Сыну Ее выйти на проповедь, как Он сразу стал предметом пререканий, на восстание и падение многих.*

Возникает вопрос: что же все-таки означает падение? Восстание – это возрождение и обновление человека, его путь к совершенству. Но что означает падение? А падение – это обратный процесс, это отказ человека от самых великих ценностей, от истинной веры, впадение в заблуждение, принесение скорби и болезней другим (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Сретения Господня после Литургии в Храме Христа Спасителя).

Православный священник может ознакомить паству с новыми ветхозаветными событиями и сюжетами, он дает ссылки на авторитетные для верующего человека источники, используя тактику апелляции к сакральным текстам: *Сегодня воскресенье посвящено воспоминанию о притче (Лк. 15:11-32), которую поведал Господь. Это рассказ о блудном сыне, о том, как он возвращается к отцу и отец его прощает* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Неделю о блудном сыне после Литургии в Александро-Невском скиту).

Священник может предоставлять обзор исторических книг и использовать ссылки на известные исторические фигуры, авторитетные среди церковного круга, а также писателей, философов, выдающихся творческих личностей образования и науки и др.: *День отдания праздника Крещения Господня совпал с праздником святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Это женщина, которая совершила труд не меньший, чем святые апостолы. Она пришла на Кавказ, где в то время жили язычники, малопросвещенные народы, и в этой тревожной, опасной обстановке смело проповедовала язычникам христианскую веру. А это значит, что она проповедью своей требовала от них отказаться от своих обычаев, своих нравов, от заведенных порядков* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день отдания праздника Богоявления после Литургии в Александро-Невском скиту).

При реализации информирующей стратегии чаще всего используют тактику объяснения, например: *Хотел бы присовокупить, что в этот день произошло событие большого исторического значения. Особенно хотел бы сказать о нем как человек, родившийся в Ленинграде, – именно в этот день была снята 900-дневная Ленинградская блокада* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день отдания праздника Богоявления после Литургии в Александро-Невском скиту).

Другим способом реализации стратегии выступает тактика ведения диалога, когда священник задает вопрос и сразу же отвечает на него в виде исторической справки: *И кто пришел к этому горячему и сильному народу с таким радикальным призывом, со словами, призывающими к покаянию? Женщина!* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день отдания праздника Богоявления после Литургии в Александро-Невском скиту).

Очень часто священник предоставляет информацию в аксиоматической форме, ее безоговорочность подчеркивается традиционными для проповеди наречиями несомненно, известно, верно, часто и т. д. Например: *Для Девы Марии это было начало пути – как мы знаем, скорбного пути, исполненного многих страданий и болезней* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы после Литургии в Храме Христа Спасителя в Москве).

Во время проповеди часто используется тактика обобщения с помощью употребления специальных конструкций пассивного состояния, инверсии для достижения эмфатического эффекта: *Очень хотел бы надеяться, что мои сегодняшние слова достигнут сердец и отцов, и матерей, и бабушек, и дедушек, и педагогов* (Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Рождества Пресвятой Богородицы после Литургии в Илиинском храме).

Коммуникативное взаимодействие в православном дискурсе получает адекватную реализацию в дискурсивной стратегии, которую понимаем как глобальное коммуникативное намерение говорящего в пределах определенного дискурса и речевую объективизацию этого намерения. Дискурсивная тактика – это одно или несколько речевых действий, обеспечивающих реализацию выбранной дискурсивной стратегии говорящего и развертывание определенного речевого жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 276–288.

2. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге. Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой, И. Н. Борисова. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 21–48.
3. Койт М. Э. Понятие коммуникативной стратегии в модели общения // Труды по искусственному интеллекту: Учен. зап. Тартус. ун-та. – Тарту, 1988. – Вып. 793. – С. 97–110.
4. Georgakopoulou A. Discourse Analysis. – Edinburgh Univ. Press, 2004. – 215 p.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики : моногр. / Е. В. Бобырева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 385 с.
7. Бугаева И. В. Религиозная языковая личность в современном обществе. Личность в межкультурном пространстве: материалы межвуз. науч. конф. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – С. 53–55.
8. Куклев В. В. Проповедь в гомилетике и лингвистике // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2012. – № 27. – С. 27–31.
9. Салахова А. Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики : моногр. – Челябинск : Энциклопедия, 2013. – 166 с.
10. Православные проповеди [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/patriarch/38019>.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Коммуникативно-дискурсивный анализ стратегий православного дискурса

Статья посвящена анализу реализации основных дискурсивных стратегий. Внимание уделено дискурсивной стратегии наррации, а также контактирующей и информирующей стратегиям, которые являются основными для православной проповеди и присутствуют во всех её жанрах. В исследовании рассматриваются основные стратегии, которые являются базовыми понятиями коммуникативно-дискурсивного анализа. Целью любой коммуникативной стратегии является коррекция модели мира адресата, поэтому в рамках стратегии адресантом выбираются определенные психологические параметры, обозначаются необходимые изменения в их значениях и способы достижения этих целей.

Ключевые слова: адресант, анализ, повествование, проповедь, стратегия, тактика.

SUMMARY

Leshkova N. V. Communicative and discursive analysis of Orthodox discourse strategies

The article is devoted to the analysis of the implementation of the main discursive strategies. Attention is paid to the discursive strategy of narrative, as well as to the contacting and informing strategies that are basic for Orthodox preaching and are present in all its genres. The study examines the main strategies that are the basic concepts of communicative and discursive analysis. The goal of any communicative strategy is to correct the addressee's world model, therefore, within the framework of the strategy, the addressee selects certain psychological parameters, identifies the necessary changes in their values and ways to achieve these goals.

Key words: addressee, analysis, narrative, sermon, strategy, tactics.

*В. Г. Павленко
(г. Ставрополь, РФ)*

УДК 811.11.112 КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ МЕТАФОР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В масс-медийном дискурсе находит отражение изменений в языке. Интерес представляет употребление метафор в дискурсе СМИ. Именно метафора воздействует на адресата речи в данном дискурсе. В настоящее время, метафора рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, как предмет познания и формирования языковой картины мира.

Актуальность работы заключается в том, что функционирование метафоры в структуре английского масс-медийного дискурса анализируется в рамках лексико-семантического и когнитивно-прагматического подходов. Новизна работы обусловлена тем, что недостаточно изучено функционирование соматической метафоры в масс-медийном дискурсе.

Гипотезой работы является то, что анализ функционирования соматических метафор в дискурсе СМИ позволит понять культуру и ментальность английского этноса в настоящее время.

Цель исследования – выявить свойства соматических метафор, способствующих реализации коммуникативных интенций адресанта и определяющих эффективность использования данного феномена в масс-медийном дискурсе.

Задача работы – изучение семантических и прагматических особенностей соматических метафор, анализ их употребления в масс-медийном дискурсе.

Многие выдающиеся отечественные и зарубежные лингвисты исследовали метафору в русле когнитивного подхода: Р. Гиббс, Дж. Лакофф и М. Джонсон, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Г.Н. Складарская, В.К. Харченко и др. Масс-медийный дискурс был рассмотрен учеными: С.Н. Бородин, В.А. Бураковская, Е.В. Воробьева, В.В. Дешева, Н.А. Корнилова, А.С. Пучнина, Е.С. Солнцева, О.В. Ширяева и др.

С точки зрения когнитивного подхода, метафора формирует новые понятия [1, с. 55]. Ее назначение в осознании и переживании сущности одного понятия в понимании сущности другого [2, с. 27].

В работе применены методы исследования: контекстуально-семантический метод, дефиниционный метод, этимологический, количественный анализ. Материал исследования – публикации англоязычных статей за период с 2004 по 2022 гг. Корпус исследуемых единиц включает 75 контекстов публицистических англоязычных статей (the Times, the Guardian, the Independent) [6- 9].

В СМИ широко распространено использование соматических метафор, в частности таких, как: heart, head.

Применение данных лексем в переносных значениях объясняется тем, что каждый человек знает названия частей человеческого тела, и авторам медиатекстов легко с их помощью актуализировать те или иные образы при описании сложных ситуаций.

Проведем этимологический и дефиниционный анализ лексических единиц, что позволит понять мировосприятие, присущее английскому народу.

В английском этимологическом словаре (Etymology Dictionary. Douglas Harper) [5] дается следующее объяснение слову head: chief person, top of the body, leader, ruler.

Этимологически слово head содержит значение субъекта, начальника, вождя, правителя.

В английском этимологическом словаре (Etymology Dictionary. Douglas Harper) дается следующее объяснение слову heart [5]: breast, soul, spirit, will, desire; courage; mind, intellect.

Существительное heart произошло от древнеанглийского языка heorte «сердце (полый мышечный орган, в котором циркулирует кровь); душа, дух, воля, желание; мужество; разум, интеллект».

Слово heart этимологически связано с когнитивным процессом, а именно запоминанием. Под словом heart понималось

вместилище всех умственных способностей, место сокровенных чувств; воля; место эмоций, особенно любви и привязанности.

В словаре Collins Dictionary представлены значения сушительного heart(n) [3]:

1. the central, innermost, or vital part (центральная, важная часть);
2. a person's feeling of or capacity for love or compassion (чувство или способность человека любить или сострадать);
3. mood or feeling (настроение или чувство).

Анализ словарного определения слова heart в английском языке позволяет сделать вывод, что оно имеет следующие определения: орган человека, чувство, настроение.

В настоящее время существует несколько значений лексемы «head» [3]:

1. the upper part of the human body, or the front or upper part of the body of an animal, containing the brain, mouth, and sense organs (верхняя часть человеческого тела или верхняя часть тела животного, содержащая мозг, рот и органы чувств);
2. a person in charge; a director or leader (ответственное лицо, директор, руководитель).

Анализ словарного определения слова head в английском языке позволяет сделать вывод, что оно имеет следующие определения: орган человека, лицо, начальник.

Рассмотрим, каким образом происходит процесс метафорического переосмысления лексем heart, head в масс-медийном дискурсе.

Показатели выборки из словарей свидетельствуют о том, что наиболее частотными в английском языке соматическими компонентами являются «head» (15 единиц) и «heart» (56 единиц) [4].

Употребляясь вкупе с разными предикатами, лексемы heart и head образуют метафоры с разными значениями. Это зависит от семантики предиката и контекстного окружения.

Они выражают как положительную, так и отрицательную коннотацию.

Было установлено, что метафоры с компонентом heart составляют примерно 65% и head примерно 35% от общего числа анализируемых примеров. Семами, мотивирующими метафорический перенос значения, являются «чувство любви», «чувство вины», «чувство радости», «чувство горя». В ходе исследования выделены для данных лексических единиц метафорические модели переноса значения: «объект» – «субъект», «объект» – «действие человека», «объект» – «чувство».

Далее приведем примеры метафорического использования лексем heart, head в масс-медийном дискурсе:

В результате обработки полученного материала были выявлены положительные оценочные значения:

Пример: «*Head over heels in love: Marc and Bella Chagall's spectacular romance*». – «Влюбленные по уши: захватывающий роман Марка и Беллы Шагал» [7, с. 37]. В данном текстовом фрагменте перенос значения осуществляется в любовные отношения. Метафора *head over heels in love* указывает на чувства двух влюбленных людей, их душевное состояние. Метафорический перенос в данном случае происходит с неодушевленного объекта на субъект.

Пример: «*But I fell head over heels in love with her*» – «Но я влюбился в нее» [8, с. 65]. С помощью метафоры *head over heels in love* автор переносит объект на состояние персонажа. Автор также использует соответствующую лексическую единицу: *fell*, что указывает чувства человека.

Пример: «*Matildas win hearts of nation with heady mix of fight, grit, heart, skill and passion*». – «Матильды завоевывают сердца нации сочетанием борьбы, выдержки, сердца, мастерства и страсти» [6, с. 78]. Метафора с лексемой *heart* употребляется в медиатексте, посвященной теме «спорт». В данном контексте автор подчеркивает, что спортсмены восхищают и поражают свой народ своими спортивными способностями и победами. Использование метафоры является интенционально обусловленной. Автор объединяет на ассоциативном уровне два вида понятий: сердце и чувства. Приятные чувства, испытываемые человеком, приписываются любви. Лексема *win* усиливает значение метафоры и передает образ победы. Данная метафора воздействует на адресата и заставляет его понять положительную оценку. Перенос значения осуществляется с объекта на действие человека.

Пример: «*My heart goes out to these families and no words can begin to describe the depth of pain they must be feeling, the sheer agony of losing children and loved ones in such senseless acts*» [9, с. 37]. – «Мое сердце обращено к этим семьям, и никакие слова не могут описать глубину боли, которую они, должно быть, испытывают, чистую агонию потери детей и близких в таких бессмысленных действиях». В данном отрывке метафора с лексемой *heart* употребляется в текстах, относящихся к теме «семейные ценности». Автор указывает на сострадание персонажа. Данная метафора влияет на адресата и позволяет понять положительную оценку героя. Перенос значения выполняется с объекта на чувство субъекта.

В нижеприведенных примерах также наблюдается метафорический перенос с объекта на чувственное восприятие субъекта.

Пример: «*What was the last kind-hearted thing you did? Everything I do is done with a kind heart – believe it or not, I'm not Ian Beale*» – «Какой последний добрый поступок вы сделали? Все, что я делаю, я делаю с добрым сердцем – хотите верить, хотите нет, но я не Ян Бил» [9, с. 45]. Метафора *a kind heart* передает нравственную позицию героя, выражает его чувства сострадания, его готовность прийти на помощь.

А также были определены отрицательные оценочные значения.

Пример: «*It looks to many as if what the US and UK have wrought in Iraq continues the excesses of the former regime. One can only hang one's head in shame*» – «Многим кажется, что то, что США и Великобритания сделали в Ираке, является продолжением эксцессов прежнего режима. Можно только испытать чувство стыда» [7]. Согласно приведенному примеру, метафора с лексемой *heart* употребляется в медиатекстах, посвященных теме «политика», где автор подчеркивает нравственное чувство стыда, следствие предосудительного поступка.

Пример: «*It breaks my heart to send my homeless patient back to the street. There must be a better way*». – «Мое сердце разбивается, когда я возвращаю своего бездомного пациента на улицу. Должен быть лучший способ» [7]. В этом примере предикат *break* содержит негативную коннотацию и передает разочарование персонажа.

Пример: «*Howard Hodgkin: 'I do lose heart, I always have'*» – «Ховард Ходжкин: «Я действительно падаю духом, как всегда» [8]. Метафора *heart* в данном контексте создает эффект иронии. Человек, попавший в данное положение, приходит в уныние. Употребляя метафору, автор подчеркивает негативное впечатление.

Исследованные метафоры в английском языке *heart* и / *head* передают как положительные, так и отрицательные эмоции, выступают в качестве вместилища души, средоточия чувств.

Анализ метафор в английском языке *head, heart* позволил выявить их семантические и прагматические особенности, что способствовало пониманию языковой картины мира английского народа.

Самой репрезентативной прагматической интенцией этих метафор является субъективная интенция. В результате прагматического анализа метафоры в английском масс-медийном дискурсе были выявлены основные особенности употребления метафор, а также их цели и характер воздействия на аудиторию.

В работе выполнен анализ метафорического применения существительных *head* и *heart*. Метафорический перенос значения мотивирован как положительными значениями, «чувство любви»,

«чувство вины», «чувство радости», «чувство горя». Были выделены следующие метафорические переносы: с объекта на субъект, с объекта на действие, с объекта на чувство человека.

Кроме этого, отмечено, что метафоры с данными лексемами чаще всего употребляются в медиатекстах, посвященных темам: «политика», «спорт» и «семейные ценности».

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что анализ функционирования соматических метафор в дискурсе СМИ позволил понять культуру и ментальность английского этноса в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов // Под редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва, 1996. – 245 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Перевод с английского. Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Collins Dictionary. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 04.02.2022).
4. English terms dictionary. – URL: https://terms_en.En-academic.com/19806/head (дата обращения: 04.02.2022).
5. Harper D. Etymology Dictionary/ D. Harper. – URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 04.02.2022).
6. Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics> (дата обращения: 04.02.2022).
7. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010> (дата обращения: 04.02.2022).
8. The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019> (дата обращения: 04.02.2022).
9. The Times. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/lewis-hamilton-i-wont-leave-mercedes-2021> (дата обращения: 04.02.2022).

АННОТАЦИЯ

Павленко В. Г. Когнитивно-прагматические особенности функционирования соматических метафор в английском языке

Данная работа посвящена исследованию когнитивно-прагматических особенностей функционирования соматических метафор в английском масс-медийном дискурсе. Целью настоящей статьи является анализ соматических метафор, способствующих реализации коммуникативных интенций адресанта и определяющих эффективность использования данного феномена в масс-медийном дискурсе английского языка.

Задача работы – рассмотреть функционирование соматических метафор в масс-медийном дискурсе, выявить их прагматические особенности.

Ключевые слова: когнитивный подход, соматические метафоры, масс-медийный дискурс, английский язык.

SUMMARY

Pavlenko V. G. Cognitive-pragmatic features of the functioning of English somatic metaphors

The article reveals the study of the cognitive-pragmatic features of the functioning of somatic metaphors in the English mass media discourse. The relevance of this work is due to the increased interest of modern linguistics in the study of the functioning of metaphors in line with the cognitive approach. The purpose of this article is to analyze somatic metaphors that contribute to the implementation of the communicative intentions of the addresser and determine the effectiveness of using this phenomenon in the mass media discourse of the English language. The task of the work is to consider the functioning of somatic metaphors in the mass media discourse, to identify their pragmatic features.

Key words: cognitive approach, somatic metaphors, mass media discourse, English.

*Е. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 008.2:81'42=16=11=13(045)

ПОНЯТИЕ «БУДУЩЕЕ» В БАЗОВЫХ ЯЗЫКАХ СЛАВЯНСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ И РОМАНСКОЙ ГРУПП

С начала двадцатого века проблема времени вообще и будущего в частности приобретает характер магистральной темы в науке и культуре. Термин «будущее» используется в различных областях человекознания: в философии, психологии, культурологии, социологии, политологии. С точки зрения П. А. Сорокина, данный факт обусловлен тем, «что обсуждение будущего – необходимый элемент познания, переживания, понимания, творческо-созидательной деятельности вообще» [12, с. 147]. А ряд отечественных авторов (И. В. Бестужев-Лада, Э. А. Витол, Т. А. Иванова, В. И. Моисеев, С. В. Кричевский, А. С. Панарин, Ю. А. Шушкевич) даже выдвигает предположение, что для современной эпохи желание предвидеть, предугадать будущее характерно в большей степени, чем какой-либо из предшествующих.

Актуальность данной статьи обусловлена проблемой осмысления понятия «будущее» как ментальной категории, которая отражена в языке вообще и в сознании носителей конкретных языков в частности.

Цель статьи: проанализировать и определить внутреннее содержание понятие «будущее» в базовых языках славянской, германской и романской групп.

На сегодняшний день мы имеем множество определений данного понятия и видений этой проблемы. Действительно, будущее принадлежит к числу гиперинтерпретированных понятий, которые функционируют в самых разнообразных смысловых контекстах. Содержание понятия ситуативно наполняется в зависимости от научной ориентации автора, цели и задач исследования.

С точки зрения лингвистики «будущее» буквально означает то, что будет, наступит, грянет после настоящего, т. е. наступающее, грядущее, предстоящее. Такое, классическое, трактование будущего содержится во многих справочных изданиях. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова будущее интерпретируется как «период времени, который последует за настоящим; предстоящие события; (противоп.: прошлое)» [3, с. 101]. В «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко под будущим понимается «время, не совпадающее с моментом речи, такое, которое еще не наступило и отдалено от того, что происходит сейчас; период времени, который последует за настоящим; предстоящие события» [2]. В «Толковом словаре русского языка» Д. В. Дмитриева дается следующее определение: «Будущим является период времени, который наступит после настоящего» [13, с. 114]. Идентичное определение с небольшим уточнением приводится в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «2. будущее, -его, ср. Время и события, следующие за настоящим» [7, с. 182]. В четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой будущее – это «время, следующее за настоящим, совокупность предстоящих событий» [9, с. 121]. Согласно «Идеографическому словарю русского языка» будущее представляет собой «предстоящее время, существование; время, связанное с теми процессами, которые еще не начинались; характеризует процессы, которые должны или могут произойти» [5]. А в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой термин «будущее» трактуется как «наступающее время и события, к-рые последуют за настоящим» [8, с. 79].

В украинском языке термин, обозначающий будущее – «майбутнє» – толкуется как «время, которое наступит» (перевод наш. – Е. В. Р.) [4, с. 340] и этимологически представляет собой

производное от словосочетания «мае бути», т.е. «должно быть». Однако в этом случае присутствует элемент неуверенности в том, что произойдет. Если же рассматривать глагол «мае» («должно») как вспомогательный, то в этом контексте сложное слово «майбутне» раскладывается на словосочетание «йме бути» («будиме») и означает в этом случае не возможность или вероятность, а факт реализации действия в дальнейшем. В качестве синонимов используются однокоренные слова «будучність», «будучина», «будущина», производноеприлагательное «будущий» [10, с. 249], а также «майбутність», «майбуття» [11, с. 597].

С точки зрения этимологии, в русском языке слово «будущее» является производным от праславянского глагола индоевропейского происхождения «быть», в значении «существовать», «являться», «иметься», который в форме будущего времени имел форму «буд». От данной формы в числе прочего произошли: старослав. «бѣдѣ», русск. повел. накл. «буди», «будьте» и прич. «будучи», укр. «буду», чешск. «budu», верхне- и нижнелужицкий «budu», болг. «бъда», польск. «będę», сербохорв. «бу'дѐм», словенск. «bōdem» [14, с. 231].

По форме своего словообразования «будущее» близко к латинскому слову «-bundus» (становящийся, имеющий быть), родственному отыменному глаголу «*bōdъ» (пребывающий в состоянии). Во втором случае наглядна связь с праиндоевропейским «*bhū-», от которого в славянских языках произошел глагол «быть» (укр. «бути», чеш. «býti», польск. «być», верхне- и нижнелуж. «byś», старослав. «быти», сербохорв. «бити», словен. «biti»).

Изначально праиндоевропейский корень «*bhū-» имел значение «расти, произрастать, пухнуть, разбухать», а в качестве существительного обозначал землю-мать, производящую на свет и дающую основу для роста. В более позднем санскрите (само название данного языка означает «обработанный, совершенный» древнеиндийский) глагол «*भवति* /бхавати/» получил значение «становиться», «быть», «бытовать». Этот же корень «*bhū-» в древнегреческом языке был преобразован на «φύω» (фуо) со значением «рождаю, произвожу». А в латинском он стал первого лица – «fui» (фуи), т.е. «я был». И уже от этой формы были образованы глаголы «futurus» («иметь намерение быть») и «fieri» («стать», «свершиться»), а также существительные «futurum», обозначающее непосредственно будущее как отрезок времени, предполагающий дальнейшие действия, и «fatums» – то, что будет; фатум, дальнейшая неотвратимая (не от того ли, что она уже прописана, существует?) судьба; сила, управляющая миром.

В английском языке будущее время как грамматическая категория также обозначается термином «future» от латинского «futurum», а для философского и темпорального понимания будущего употребляется термин «futura», т.е. «будущность», время дальнейших действий. В качестве синонима используется также многозначное слово «coming» («предстоящий», «грядущий», «приближающийся», «наступающий»). В религиозном смысле «future» – это потусторонний, загробный, а также «история того, что еще наступит», «движение к кульминационным событиям, знаменующим исполнение конечных Божественных целей» [6, с. 57].

Для обозначения категориальной формы времени действия или процесса, последующего по отношению к моменту речи, в грамматике многих европейских языков используются термины, однокоренные с латинским «futurum»: уже упомянутый английский термин «future», французский «futur», испанский «futuro», немецкий «Futurum» [1, с. 65].

В немецком языке слово «будущее» как философскую, а не грамматическую категорию («Zukunft») этимологически связывают не с рассматриваемым выше праиндоевропейским корнем «*bhū-», а с праиндоевропейским глаголом «*g^wem-» («идти, приходить»), хотя на первый взгляд корни «*bhū-» и «kunt» более сходны между собой. Происхождение слова «Zukunft» рассматривалось нами на базе анализа статей в авторитетных этимологических словарях немецкого языка под редакциями Ф. Клуге (Friedrich Kluge), В. Мицка (Walther Mitzka), Э. Зеебольда (Elmar Seebold), В. Пфайфера (Wolfgang Pfeifer), а также выпущенные издательствами Дуден (Duden) и Вариг (Wahrig). Дословное, первоначальное значение слова «Zukunft» – «приходящее время», т.к. происходит от древневерхненемецкого «zuokunft» («приход», «прибытие» (X в.), образованного от глагола «queman» («идти», «прибывать», «появляться», «достигать места») (VIII в.), который в средневерхненемецком через слияние «и» и «е» и их преобразования в «о» получил более знакомую для современного немецкого языка форму «kommen». Средневерхненемецкая форма «zuokunft» (IX в.), преобразованная в дальнейшем в «Zukunft», вплоть до начала XVII в. употреблялась также в пространственном смысле как «приход», «прибытие». Во временном смысле обозначало не просто темпоральный отрезок, следующий за настоящим, а событие, «неизбежное во времени, происходящее в будущем» (перевод наш. – Е. В. Р.) [15]. Кроме того, начиная со средневерхненемецкого периода слово имело еще и религиозное измерение в смысле приближающегося, надвигающегося «нисхождения бога», «второго пришествия», что также нашло отражение в идентичном словообразовании латинского происхождения «ad-ventus» («приход, будущее»).

Французское существительное «avenir» («будущее», «будущность», «грядущее») и однокоренное с ним существительное «devenir» («будущее», «становление», «развитие»), как и испанские прилагательные-синонимы «venidero» и «por venir» («грядущий», «будущий»), существительное «porvenir» («будущее», «будущность», «грядущее») и глагол «venir» (в значениях 1) «приходить, приезжать, прибывать»; 2) «приходить, приезжать, прибывать»; 3) «происходить, вести своё происхождение»; 4) (о времени) «подходить, приближаться, наступать»), а также итальянское прилагательное «venturo» («будущий», «грядущий», «наступающий») и слово «avvenire», которое в качестве существительного имеет значение «будущее», «будущность», «грядущее», а в качестве глагола – «происходить», «произойти», «случиться», «случаться», «твориться», являются производными от латинского глагола «venire» («приходить, приезжать, прибывать»), который, в свою очередь, восходит к уже упомянутому выше праиндоевропейскому глаголу «*g^wem- » («идти, приходить»).

Таким образом, исходя из происхождения слова в различных языках, можно сказать, что будущее – это нечто, имеющее место быть, уже существующее, представляющее собой реальность в наличии, которая, однако, находится на этапе становления, изменения, роста, формирования. Данная связь настоящего и будущего особенно наглядна в языках славянской группы, а также в древнегреческом и латыни. Понимание будущего невозможно без восприятия категории движения (часто с оттенком приближения), дальнейшего действия, что этимологически особенно подчеркнуто в языках германской и романской групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Книга по Требованию, 2013. – 608 с.
2. Большой толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/noun/fc/slovar-193-6.htm#zag-1070>
3. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Великий тлумачний словник української мови / укл. О. Єрошенко. – Донецьк: ТОВ «Глорія Трейд, 2012. – 864 с.
5. Идеографический словарь русского языка / Баранов О. С. – М. : Изд-во ЭТС, 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/293-%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5>.
6. Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов: Пер. с англ. – М.: Республика, 2004. – 503 с.
 7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : Изд-во АСТ, 2018. – 1360 с.
 8. Русский семантический словарь в 6 тт.. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.
 9. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. : Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1081. – Т. 1. А – Й. – 1981. – 698 с.
 10. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970–1980. – Т. 1 : А-В / ред. тому: П. Й. Горещкий [та ін.]. – 1970. – 799 с.
 11. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970–1980. – Т. 4 : І-М / ред. тому: А. А. Бурячок, П. П. Доценко. – 1973. – 839 с.
 12. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
 13. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст., свыше 35 000 значений / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 1582 с.
 14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А – Д): пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 576 с.
 15. Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Zukunft#etymwb-1> (дата обращения – 28.01.2022).

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В. Понятие «будущее» в базовых языках славянской, германской и романской групп

Статья посвящена сравнительному анализу внутреннего содержания понятия «будущее» как ментальной категории, которая отражена в базовых языках славянской, германской и романской групп. В результате исследования происхождения слова в различных языках делается вывод о том, что будущее –

это нечто уже существующее, реальность в наличии, которая, однако, находится на этапе становления, изменения, роста, формирования. Данная связь настоящего и будущего особенно наглядна в языках славянской группы, а также в древнегреческом и латыни. В языках же германской и романской групп акцент в понимании будущего делается на категорию движения с оттенком приближения, а также на дальнейшем действии.

Ключевые слова: будущее, понятие «будущее», ментальная категория, славянские языки, германские языки, романские языки.

SUMMARY

Rochnyak E. V. The concept of «Future» in the basic languages of the Slavic, Germanic and Romance groups

The article is devoted to the comparative analysis of the internal content of the concept of «future» as a mental category, which is reflected in the basic languages of the Slavic, Germanic and Romance groups. As a result of the study of the origin of the word in various languages, it is concluded that the future is something already existing, a reality in existence, which, however, is at the stage of formation, change, growth, formation. This connection between the present and the future is especially evident in the languages of the Slavic group, as well as in ancient Greek and Latin. In the languages of the Germanic and Romance groups, the emphasis in understanding the future is on the category of movement with a touch of approximation, as well as on further action.

Key words: future, the concept of «future», mental category, Slavic languages, Germanic languages, Romance languages.

*И. В. Рудковская
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 372.881.111.1

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ ОБУЧАЮЩИХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ

Современные реалии требуют изменения систем обучения, которые в прошлом были достаточно эффективны. Если раньше целью образования являлись готовые знания, то сейчас они становятся лишь вспомогательными средствами интеллектуального развития человека. Из-за этого изменяются требования и подходы к изучению иностранных языков. Уникальную возможность получать новые знания, самостоятельно планируя место и время, даёт дистанционное обучение.

Дистанционное обучение – это новая форма, которая способна дополнять любую из видов подготовки на расстоянии. Система дистанционного обучения дает возможность учащимся с помощью ПК осваивать в удобное для них время новые знания, изучая соответствующий материал; получать онлайн-консультации преподавателей, выполнять индивидуальные, контрольные и экзаменационные задания [1].

В отличие от традиционного обучения, при дистанционном всю образовательную деятельность выполняет специально созданная структура (программисты, системные администраторы, дизайнеры, администраторы отдельных систем и др.). Дистанционная форма обучения, как аналог формы заочного обучения, постепенно увеличивала комплекс используемых технологий. Основной её принцип – непосредственное интерактивное взаимодействие ученика с преподавателем. Выполнение заданий и использование новых информационных технологий позволяет учащимся погружаться в реальную языковую среду через непосредственное телекоммуникационное общение напрямую с носителями языка. Также это открывает для них доступ к электронным, дидактическим и справочным материалам.

Важно отметить то, что дистанционное обучение не подменяет, а эффективно дополняет традиционную систему образования, давая возможность учить то, что нужно ученику, когда и где ему удобно. Другими словами, дистанционное обучение направлено на организацию продуктивной самостоятельной, учебно-познавательной деятельности студента [1].

Интернет-система наилучшим образом благоприятствует изучению иностранного языка дистанционно, так как при помощи обучающих интернет-платформ, социальных сетей и всевозможных чатов, мы можем общаться с носителями языка в любое время суток, тем самым практикуя не только разговорную речь, но и грамматику. По мнению Е.С. Полат, Интернет позволяет получить знание функционирования отдельных лексических и идиоматических единиц в другой культуре [4, с. 512].

В данной статье нами будут рассмотрены возможности обучения английскому языку на основе обучающей интернет-платформы Vimbox, которая может быть использована в качестве единой интернет-платформы для дополнительного изучения английского языка. На данной платформе проходит обучение одной из крупнейших школ иностранного языка «Skyeng». Данная платформа расположена в сети Интернет по адресу <https://vimbox.skyeng.ru/>.

Возникает абсолютно правомерный вопрос, могут ли все учащиеся изучать иностранный язык на предлагаемой интернет-

платформе Vimbox. Для начала необходимо определить уровень знаний обучающихся и цель изучения иностранного языка. Система сама подбирает преподавателя и предлагает оптимальный курс обучения иностранному языку.

Предлагаемая интернет-платформа дает возможность не только прослушивание англоязычной речи, чтение аутентичных статей, но и изучение грамматических правил и выполнение упражнений, выполнения письменных и устных работ. Обучение на Vimbox организует процесс познавательной и творческой деятельности обучающихся. Занятия на платформе дают возможность преподавателю подобрать материал к уроку, учитывая индивидуальные особенности учащихся и помочь им в овладении иностранным языком.

В своей работе преподаватель может использовать современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), традиционные и нетрадиционные методы и формы работы, включающие уже хорошо известные – проектную методику, кейс-технологии и проблемный метод обучения.

Давайте рассмотрим преимущества обучения иностранному языку при помощи онлайн-платформы Vimbox:

- 1) преподаватель имеет возможность выбирать форму занятий, которая будет понятна и удобна конкретному обучающемуся;
- 2) преподаватель и учащийся сами формируют свое расписание и не зависят от других учащихся;
- 3) при онлайн-обучении иностранным языкам становится возможным уделить время сложным вопросам, и есть возможность проработать их с одним учеником;
- 4) преподаватель и учащийся могут работать из любой точки земного шара, то есть они не ограничены местом и временем [3].

Обучающая платформа Vimbox располагает большим количеством курсов, которые нацелены на формирование у обучающихся коммуникативной компетенции. Стоит отметить, что умения, приобретаемые во время работы с интернет-технологиями, могут быть универсальными для нескольких видов деятельности одновременно, умение высказывать и аргументировать свою точку зрения может относиться к устной и письменной речи (говорение и письмо). Предлагаемые курсы охватывают все возрастные категории обучающихся, а обучающие программы включают обучение разговорному английскому, английскому языку для бизнеса и путешествий, подготовку к ЕГЭ, международным экзаменам, изучению английского языка для жизни за границей, а также для различных сфер профессиональной деятельности.

Все курсы основаны на оксфордской методике изучения английского языка. Обучение на платформе проходит 2-4 раза в неделю, каждый урок длится 50 минут. Продолжительность обучения – 2-8 месяцев.

В дополнении к основным программам на платформе есть экспресс-курсы английского языка. Такие курсы предназначены для подготовки к собеседованию на английском языке, интенсивному изучению английского языка в короткие сроки, написанию делового письма, а также для подготовки к общению в самолете. Все занятия на платформе происходят с использованием коммуникативной методики.

Все уроки имеют коммуникативный характер, и это помогает учащимся быстро адаптироваться к языковой среде. Кроме того, обучение нацелено на самоорганизацию и самоконтроль. Для этого у каждого обучающегося есть свой личный кабинет, в котором отображается вся необходимая информация: расписание уроков, имя преподавателя, с которым он работает, количество пройденных и предстоящих занятий, домашние задания и материалы уроков. Если у обучающегося возникает необходимость повторить лексику с прошлых уроков, он может вернуться к пройденным материалам. Каждую неделю учащемуся приходит отчет о прогрессе в изучении. В личном кабинете учащиеся могут выполнять домашние задания, подобранные преподавателем индивидуально. Система оценивания позволяет отображать количество баллов, набранных за выполнение

Следует обратить внимание на наличие специального приложения на платформе Vimbox. Данное приложение разработано для обучения лексике английского языка. С помощью существующих в приложении алгоритмов обучение иноязычной лексике проходит легко и эффективно, задействуя активно оперативную память. Лексические единицы с помощью обучающих упражнений достаточно быстро откладываются в долгосрочную память.

В личном кабинете обучающегося есть возможность выполнять домашние задания, которые преподаватель подбирает индивидуально. Также отображается количество баллов, набранных за выполнение каждого предложенного задания, и время, которое необходимо потратить на работу.

Некоторые домашние задания служат для развития навыков письма и говорения. Одним из вариантов домашнего задания может быть написание эссе. Для этого будет отображен набор слов, которые могут понадобиться для написания. Например, если учащемуся нужно написать тематическое эссе, тогда в предложенном задании дается 20 лексических единиц по

теме, которые надо использовать при написании эссе, а также дополнительные лексические единицы по теме, которые могут быть включены в текст. В личном кабинете обучающийся видит свои достижения и конечный результат каждого усвоенного тематического блока.

Изучение курса завершается экзаменом и получением сертификата, подтверждающим уровень знаний учащегося. Можно продолжить дальнейшее обучение с целью повышения своего уровня английского языка.

Следует также обратить внимание на наличие на платформе методической поддержки преподавателей. С этой целью для преподавателей ежедневно организуются вебинары, в которых небольшими группами принимают участие преподаватели, методисты и носители языка.

Ежегодно на образовательной платформе Vimbox для преподавателей проходит конкурс «Teacher's award», который состоит из нескольких этапов. Присоединиться к конкурсу можно на любом этапе. Организуется работа в команде (Working in a team), которая состоит обычно из 2-4 преподавателей. Они выполняют творческие задания и проводят тематические вебинары на русском или английском языке.

Подобная организация работы является важным этапом в повышении квалификации преподавателей.

Таким образом, обучение иностранному языку, в частности английскому, на образовательной онлайн-платформе Vimbox предоставляет всем участникам образовательного процесса неоспоримые преимущества:

- повышение эффективности преподавания за счет помощи и подсказок;
- переход к высокотехнологичному обучению;
- экономия времени преподавателя и методиста за счет передачи рутинной работы компьютеру;
- создание уникальных материалов, недоступных ранее;
- постоянный компьютерный анализ и статистика.

Таким образом, образовательная интернет-платформа Vimbox является одной из самых эффективных платформ для изучения английского языка и не имеет других аналогов на рынке. Использование данной платформы позволяет развивать все навыки речевой деятельности на иностранном языке: аудирование, говорение, чтение, письмо и лексико-грамматические навыки. Для учащихся всегда выбирается курс, который соответствует их цели изучения английского языка. Единственным недостатком платформы является отсутствие ее в открытом доступе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А.А. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация / А.А. Андреев, В.И. Солдаткин. – Москва : МЭСИ, 1999. – 196 с.
2. Борщева, В.В. Особенности использования массовых открытых онлайн-курсов в обучении иностранному языку для специальных целей / В.В. Борщева // Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 1. – С. 86–94.
3. Верхотурова, В.В. Дидактический потенциал использования электронных и дистанционных образовательных ресурсов в обучении иностранному (английскому) языку / В.В. Верхотурова // Молодой ученый. – 2015. – №14. – С. 447 – 449.
4. Кириленко, С.В. Перспективная модель применения информационно-коммуникационных технологий в обучении английскому языку в вузе / С.В. Кириленко // Создание виртуального межкультурного образовательного пространства средствами технологий электронного обучения : сборник статей. – М. : Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 95-100.
5. Полат, Е.С. Интернет на уроках иностранного языка / Е.С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2–3. – С. 5 – 12.
6. Сагиндыкова, А.С. Актуальность дистанционного образования / А.С. Сагиндыкова, М.А. Тугамбекова // Молодой ученый. – 2015. – № 20. – С. 495 – 498.

АННОТАЦИЯ**Рудковская И. В. Организация дистанционного обучения иностранному языку с помощью обучающих интернет-платформ**

Возможность получения образования через Интернет или посредством дистанционного образования с каждым днем становится все более популярной. В данной статье представлено описание интернет-платформы Vimbox, используемой для изучения английского языка. Актуальность темы данной статьи связана со значительным распространением информационных ресурсов для изучения иностранного языка и заключается в необходимости внедрения интернет-технологий в образовательный процесс. При работе на онлайн-платформе преподаватель может управлять процессом обучения, увеличивать эффективность и повышать мотивацию учащихся. В зависимости от цели, он может выбирать материалы, по которым будет производиться работа не только во время онлайн-урока, но и на протяжении всего курса.

Ключевые слова: дистанционное обучение, интернет-технологии, английский язык, платформа Vimbox.

SUMMARY

Rudkovskaya I. V. Organization of distance learning of a foreign language with the help of online learning platforms

The article deals with the description of learning English on the platform Vimbox. Nowadays the opportunities of getting education through the Internet or distance education become more and more popular. Relevance of the topic of this article is connected with a significant spread of information resources for learning English. It surely needs to be involved in the educational process. While working on the platform the teacher can control the process of learning, increase the efficiency and the motivation of students. Depending on a student's goals the teacher can choose the materials on which they will work not only during an online lesson but for the whole course.

Key words: distance learning, Internet technologies, the English language, the platform Vimbox.

*В. В. Фефелова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.133.1'36

**ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ ИНЦИДЕНЦИИ Г. ГИЙОМА
НА КЛАССИФИКАЦИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Антропоцентрический подход к классификации слов на части речи является основополагающим во французском языке. В трудах многих лингвистов важная роль отводится так называемому «человеческому фактору в грамматике», который базируется на соотношении «мышление – язык – речь».

В статье анализируется влияние положения теории инцидентии, разработанной Г. Гийомом и его последователями, на проблему делимитации слов на части речи.

В теории психосистематики французского языка (Г. Гийом, Ж. Стефанини, Р. Лафон, Р. Вален, Ж. Муанье, Р. Вагнер) классификацию частей речи связывают с решением проблемы взаимоотношения языка и речи в процессе речевой деятельности.

Если Ф. де Соссюр рассматривал речевую деятельность как систему «язык + речь» [14, с. 112], то Г. Гийом акцентировал внимание на динамическом подходе к дихотомии «язык/речь», которые постоянно взаимодействуют в процессе речевой деятельности [10]. Схематически Г. Гийом это представляет следующим образом:

Речевая деятельность (language)	речь (discours)	реализованная речь (parole effective) предварительная мысленная речь (psychisme sous-jacent)
	язык (langue)	мысленная речь (parole-idée) нефизическая речь (parole aphysique) предшествующая мысль (psychisme sous-jacent)

В актах речевой деятельности создаются языковые элементы (слова и их сочетания), в которых отображается уже существующий в данном языке так называемый «инвариант лингвистических операций». Ключевым в этих схемах есть соединение психического (мышления) и семиологического (плана выражения):

АКТ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	РЕЧЬ сформированная идея (акт выражения)
	ЯЗЫК представление об идее (акт представления)

Подобное представление о языке и речи предполагает признание того, что мысль может остаться образом и не приобрести семиологической формы. Г. Гийом предлагает различать качественные характеристики «думания» и «говорения» в зависимости от уровня наполнения этих процессов понятиями, представлениями, образами или словами. Учёный предлагает последовательную градацию перехода от мышления понятийного к мышлению-говорению, когда человек думает «про себя» и думает, проговаривая свои мысли. В то же время, признавая говорение (discours) как переход от внутренней семиологии к внешней, Г. Гийом нивелирует постулат о возможности мыслить без слов.

Предложенные Г. Гийомом этапы речевого акта предполагают понятие «кинетизма», то есть движение речевой деятельности

как в её потенции, так и в реализации. Это положение важно не только для общей концепции языка у Г. Гийома, но и для понимания теории частей речи.

Система языка теоретически отображается в результате синхронического либо диахронического наблюдения за её проявлениями в речи. Анализ языковых систем в диахронии и синхронии является, по мнению учёного, вершиной наблюдений в лингвистической науке, поскольку даёт представление об истинной природе речевой деятельности [8, с. 220-222]. Изучение языковой системы, особенно в исторической перспективе, раскрывает её организующую основу. Это внутренняя систематизирующая экономия, состоящая в том, что в языке концентрируется минимум означаемого при множественных речевых реализациях. Это обязательное условие теории психосистематики.

Части речи во французском языке Г. Гийом определяет согласно изложенной концепции взаимодействия языка и речи в речевой деятельности. Сам процесс речевой деятельности рассматривается в двух ракурсах: генетическом (последовательном) и дискурсивном (кратковременном). Согласно теории Г. Гийома, включение языковых единиц в речь (актуализация их в процессе говорения) происходит во времени, которое (каким бы коротким оно ни было) обеспечивает повторение системных операций оформления представлений и понятий в слове. Эти операции осуществлялись в процессе создания языка как такового, когда человек познавал окружающий мир.

Г. Гийом предлагает своё понимание классификации слов на части речи как процесса отображения в индивидуальном и общественном сознании предметов и явлений реального мира в их взаимодействии и движении. Основополагающим в концепции Г. Гийома является предположение о том, что объективная пространственно-временная сущность материи нашла своё отображение в языке, который формировался не только по линии номинации, но и категоризации. Другими словами, лексическое и грамматическое значения в слове формировались спиралеобразным движением мысли от общего к частному и наоборот. Слово оформлялось как часть речи в результате этих мыслительных операций (обособления, включения), когда из огромного количества наблюдаемых фактов отделяется что-то одно, что затем представляется в обобщённом виде. Конечный результат последовательных движений между общим и частным оформляется в словесном знаке в виде значения и грамматической формы (существительное, глагол и др.). Мир, который отображается

в словах, является миром-пространством (*univers-espace*) и миром-временем (*univers-temps*) [15, с. 486-487].

Отображение пространственно-временного континуума в лексических и грамматических единицах языка происходит с помощью частей речи. Многие лингвисты в индоевропейских языках соотносили время с процессом, пространство – с субстанцией, что позволяло разделить слова на две большие группы: существительные и глаголы. В то же время, идея семантико-грамматической основы разделения слов на части речи часто поддаётся сомнению. Например, наряду с существительными, обозначающими время, процесс, а не субстанцию, пространство «*temps, espace*», можно поставить глаголы, семантика которых отображает пространство «*espacer*», качество «*blanchir*». Один и тот же денотат может получить разные лексико-грамматические обозначения. Могут использоваться как номинативные, так и предикативные знаки с именными и глагольными формами от одной лексической основы: *la pluie* (дождь), *il pleut* (идёт дождь). Такие способы номинации называют гиперлексемами [5, с. 58]. Использование гиперлексем процессуальности, качества (для обозначения одного денотата) свидетельствует о богатстве и разнообразии способов выражения мысли, когда одна лексическая основа с разными грамматическими классификаторами позволяет «представить в языке одно и то же значение в разных аспектах: субстанционально, адъективно, вербально, адverbially» [3, с. 253]. Следовательно, несоответствие лексического значения слов предметности или процессуальности лежит в основе противопоставления имени существительного и глагола. Г. Гийом предлагает идею инцидентности (*incidence*), попадания, проекции как семантического механизма, который лежит в основе грамматического оформления слов в рамках определённой части речи. Противопоставление имени глаголу задаётся языком и реализуется в речи согласно определённой системе операций лексико-грамматического оформления означающего. Эта система операций создавалась в процессе длительного исторического развития языка и речи и повторяется каждый раз в речевых актах, которые обеспечивают актуализацию языковых единиц в речи.

Существительное определяется как часть речи согласно своей семантической структуре. В языке совершается операция соотнесения (инцидентность) сигнификата и денотата. Формальное оформление существительного происходит в речи. Именно в речевой актуализации существительное, благодаря своей дискурсивной инцидентности, получает окончательное выражение в соответствии с речевыми установками

говорящего: имя существительное употребляется с одним из артиклей, это позволяет показать определённый объём понятия. Во французском языке артикль дополняет семантику существительного следующими значениями: 1) экстенсивным «le»; 2) антиэкстенсивным «un»; 3) артиклем, инвертирующим движение расширения «du, dela, des»; 4) нулевым артиклем.

Возможность выбора в процессе построения предложения является следствием потенциального, пермиссивного характера языка. Например, в предложении *L'homme est mortel* определённый артикль отображает движение от единичного к общему.

Теория инцидентности отражена в глагольных формах следующим образом. Категориально глагол является таковым, когда он соотносится (инцидентен) с категорией лица. Категория лица часто инкорпорирована в глагольную форму, составляя одно целое с глаголом и приобретая глагольную функцию предикативности. В этом случае как языковая единица глагол обладает внешней инцидентностью. В отличие от прилагательного глагол несёт в себе понятие времени. В предложениях: *Un homme jeune. Cet homme est jeune* первое имеет вневременной характер, а второе указывает на определённый момент на временной оси. Сказуемое *est jeune* состоит из десемантизированного глагола и прилагательного, характеризуя подлежащее по признаку молодости. Сочетание *est jeune* рассматривается Г. Гийомом как глагольное целое, подобно *Je pense, Pierre est = Pierre existe*. Глагольное единство *est jeune* создано путём заполнения прилагательным *jeune* семантической пустоты глагола *être*, по причине его десемантизации. В речевой реализации устанавливается соотношение между *Pierre* и *est jeune* как между двумя языковыми единицами.

Категория лица исторически наделена несколькими функциями. В латинском языке форма *venit* включает грамматические категории третьего лица, единственного числа и придаёт этому лицу предикативную функцию.

В речи, если *venit* употребляется без подлежащего, эта глагольная словоформа реализует заложенную в ней субъективную функцию и означает то же, что и французский вариант *il vient*. Если *venit* употребляется с существительным: *Petrus venit*, то глагол реализует только предикативную функцию, выступая сказуемым к подлежащему *Petrus*. Соответствующий эквивалент во французском языке: *Pierre vient*. Систему операций, которые оформляет глагол, Г. Гийом назвал хроногенезом [9], а для актуализации имени предлагается термин топогенез [11]. Оформление глагола соотносится с временем, а оформление имени – с пространством. Однако, перед тем как вся система

языка начинает функционировать, перед тем как совершается актуализация глагола или имени, должен быть выбран класс слов, которому предшествует актуализация в речи. Другими словами, актуализация слова, согласно хроногенезу, совершается после того, как выбор языковой системы завершён и то или иное понятие оформляется как глагол или как имя. Это означает, что процессу категоризации предшествует дополнительная, как бы надкатегориальная операция, которая и определяет актуализацию значения в рамках определённого грамматического класса слов.

Инциденция рассматривается как семантический механизм референции, как соотношение понятия с логическим лицом, выступающим опорой для значения. Б. Потье определяет инциденцию как место присоединения элемента А к элементу В (*lieu d'application d'un élément A sur un élément B*), подчёркивая семантический характер этого действия и применяя понятие инциденции за пределы теории частей речи [13, с. 325]. Ж. Муанье подчёркивал системный характер инциденции, которая относится к языку и которая определяет части речи в языковой системе до того, как они реализуются в речи [12].

Поэтому термин «части речи» не всегда удачен для элементов языка, поскольку имя существительное, глагол, прилагательное, наречие и другие части речи существуют в языке уже до того, как они актуализуются в речи. Они существуют в образном мышлении до своего языкового выражения. В процессе языкового оформления эти элементы могут быть наделены несвойственными им категориальными функциями: существительное может употребляться как прилагательное; прилагательное – как существительное или как наречие и т.п. Ж. Муанье согласно традиции «гийомизма» разграничивает «части языка *parties de langue*» и «части речи *parties du discours*». Учёный определяет первые как условно-ментальные (*conditions de mentalisme*) [12, с. 141]. Эта идея находит отклик в работах современных лингвистов. Например, Е. Курилович различает первичные и вторичные функции языковых элементов, в том числе и частей речи [4, с. 13].

Рассматривая системный характер образования лингвистических единиц, Г. Гийом различает три группы «частей языка – *parties de langue*»: предикативные, к которым относит существительные, глагол, прилагательные и наречие; апредикативные – предлог, союз; транспредикативные – местоимение, артикль.

Предикативные «части языка» определяются на основе понятия инциденции, то есть соотносённости с опорой. Существительное имеет только внутреннюю инциденцию, когда

оно как знак соотносится со своим понятийным содержанием. Существительное определяет только то, что оно означает: *homme* означает только человека (внутренняя инцидентность).

Остальные предикативные «части языка», кроме того, что они называют понятия, имеют внешнюю инцидентность на другие «части языка», которые ими определяются. Прилагательное обязательно инцидентно существительному, поскольку оно определяет то, что находится за пределами его обозначения. В субстантивированном прилагательном значение и обозначение совпадают: *Le beau est un second visage du vrai*.

Глагол в личной форме всегда соотносится с существительным, которое в речи выступает подлежащим. В предложении *L'homme chanta* глагол внешне инцидентен существительному. Аналогично наречие внешне инцидентно глаголу или прилагательному и определяет что-то за пределами его семантического поля.

Языковая деятельность соединяет в себе язык и речь. Переход от потенциальной виртуальности языка к актуализации в речи происходит в определённый временной отрезок. Каким бы кратким ни было время совершения системных операций порождения слова и предложения, это оперативное время можно сравнить с пружиной, которая раскручивается в заданном направлении. Слово как единство лексического и грамматического значений оформляется при говорении как та или иная часть речи; это результат генезиса в общем глотогенетическом процессе [7, с. 90].

Инцидентность может быть внутренней и внешней. Это зависит от того, где мысленно определяется опора сигнификата – в середине слова или за его пределами [6, с. 69-73]. Опорой (support) для сигнификата Г. Гийом называет логическое лицо (форма третьего лица местоимений и глаголов), а также форму определённого артикля «le». Логическое лицо создаётся в результате мыслительных операций, которые определяют в коммуникации первое лицо (локатив) и второе лицо (аллокатив) как действующие лица в процессе речевой деятельности. Лицо, существующее вне речевого акта, в этом процессе названо третьим.

Если первое и второе лицо объединяют в своей семантике понятие субъекта и объекта речи, то третье лицо вмещает только объект, существующий вне референции с реальным коммуникантом. Однако, «il», кто не говорит и к которому не обращаются, постоянно присутствует в семантике первых двух форм, обозначающих реальных действующих лиц коммуникации. Константность значения лица, о котором идёт речь, является фактором, на котором базируется внутренняя экономия системы лица и

системы местоимения. Всегда присутствует понятие «объекта речи» и является основой «объективного логического лица».

Г. Гийом считал, что генезис любого слова, который определяет его грамматический класс, состоит из двух операций: а) наименования (*apport de signification*) и б) перенесения наименования на опору (*transport de la signification apporté à un support*), где опорой выступает лицо [8, с. 92].

Только в существительном логическое лицо задано заранее, в то время как все остальные части речи определяются в связи с поиском референта-лица. Этот поиск завершается в речи. Ж. Муанье определил следующую схему референтной связи с логическим лицом [12, с. 142]:

внутренняя инциденция		существительное	инфинитив	
внешняя инциденция	1-й степени	прилагательное	деепричастие	глагол в личной форме
	2-й степени	наречие		

По мнению учёного, противопоставляются имя существительное и глагол. Между ними есть переходные формы, которые Р. Лафон называет «внеглаголом» и «внесуществительным», где первая субкатегория включает именные формы глагола, а вторая – личные местоимения [11, с. 138]. Эти формы (включая имя и финитный глагол) соединяют в себе лексическое и грамматическое значения, что предполагает речевую актуализацию то ли одного, то ли другого класса слов.

Например, инфинитив *marcher* несёт значение действия, процесса во времени. Понятие, выраженное инфинитивом, является составляющим грамматической категории времени, тогда как понятие, выраженное именем, остаётся вне этой категории.

Инциденция в обоих случаях – внутренняя. Отсюда и способность инфинитива называть действие, а также функциональные роли подлежащего, дополнения. В то же время, инфинитив не может выполнять роль предиката.

Ж. Муанье подчёркивает, что, несмотря на грамматическую схожесть с существительным, инфинитив ведёт себя как прилагательное в случаях, когда он выступает объектом детерминации, поскольку он, как и прилагательное, определяется наречием. Такая аномалия объясняется тем, что место инфинитива в системе глагола делает его эквивалентом субстантивированного прилагательного, когда любое понятие

может быть инцидентным огромному количеству возможных референтов. По убеждению Г. Гийома, отличие между субстантивированным прилагательным и инфинитивом состоит в том, что субстантивация прилагательного происходит в речи, а субстантивация инфинитива обеспечивается его позицией в системе языка: на границе, мысленно разделяющей имя и глагол.

Проблема лица в психосистематике Г. Гийома является всеобъемлемой. Б. де Куртене установил закон эгоцентризма, согласно которому предметы и явления действительно соизмеряются с помощью языковых форм, «относительно того места, на котором мы находимся или на котором себя чувствуем; разница между предметами становится всё меньше...» [2, с. 79-80]. На этом основании учёный выводит семантику личных местоимений. Описывая систему глагола, он отмечает, что «усиленное настоящее время охватывает не только момент речи, но и прошлое и будущее, то есть оно равносильно вечности и безгранично» [там же]. В этом Б. де Куртене видит влияние субъективного эгоцентризма.

Э. Бенвенист рассматривает категорию лица и личные местоимения как фактор, разделяющий все языковые элементы между «двумя видами текста» или «модусами существования языка», между языком и речью. Речь имеет в своём распоряжении такие единицы, как: я, ты, тут, сейчас; настоящее время глагола и другие элементы, которые говорящий использует в речи. Остальные элементы «ориентированы не на самих себя, а на объективную ситуацию. Эту сферу называют третьим лицом» [1, с. 285-286].

Термин местоимение (*pronom*) предполагает субституцию имени. По мнению Г. Гийома, это неудачный термин, поскольку он подходит для речевых ситуаций с третьим лицом: *Il vient* = *Pierre vient*. А в случаях: *je viens*, *tu viens* его использовать нельзя. С другой стороны, во многих случаях местоимение заменяет не только существительное, а существительное с предлогом: *Pierre lui parle* = *Pierre parle à Paul*. В такой реализации можно говорить о местоимении (*pro-nom*) и о предлоге (*pro-préposition*), хотя с точки зрения психосистематики фиксируются формы языкового плана (*lui*) и речевого (*à Paul*).

Приведённые выше положения и примеры представляют картину порождения речевой единицы (предложения), механизм и организация которого заложены в языковой единице (слове). Инцидентия, запрограммированная в языке, реализуется в речи. Образование номинативных и предикативных знаков тождественно. В процессе номинации наблюдаются те же элементы, что и в предикации. Есть объект,

есть имя этого объекта, есть операция соединения этого объекта и имени, названная Г. Гийомом инцидентией (попаданием). Учёный считал, что инцидентия – это постоянно действующий механизм, который порождается в ходе глотогенеза (построения языка) и повторяется каждый раз в праксеогенезе (построение речи). Теория психосистематики рассматривает язык как динамичное построение, объединяющее процесс и результат этого процесса.

Механизм инцидентии находится в основании формирования слова как части речи в системе языка. Этот механизм лежит в основе категоризации любого значения в речи, когда происходит транспозиция частей речи (конверсия). Это также основа для конструирования предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М. : Эдиториал, 2002. – 447 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
3. Кармушин, И.В. О критериях частей речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л. : Наука, 1968. – С. 250-253.
4. Курилович, Е. Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.
5. Медникова, Э.М. К вопросу о лексико-морфологических критериях // Вопросы языкознания. – 1971. – №5. – С. 57-68.
6. Скредина, Л.М. Об одном направлении во французской лингвистике // НДВШ. Филологические науки. – 1971. – №2. – С. 60-75.
7. Скредина, Л.М. Систематика языка и речевой деятельности (школа Гийома) : Учеб. пособие по теорет. грамматике для самостоят. работы студентов (на материале фр. яз.) / Л.М. Скредина, Г.М. Костюшкина, Т.Г. Игнатьева. – Красноярск : КГПИ, 1989. – 120 с.
8. Guillaume, G. Langage et science du langage. – Paris : Librairie A. Niret; Québec : Presses de l'université Laval, 1969. – 286 p.
9. Guillaume, G. Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. – Paris : Champion, 1970. – 134 p.
10. Guillaume, G. Principes de linguistique théorique. – Paris-Québec, 1973. – 276 p.
11. Lafont, R. La phrase occitane. Essai d'analyse systématique. – Paris : François Duchesneau, 2008. – 413 p.
12. Moignet, G. Études de psychosystématique française. – Paris : Klincksieck, 1974. – 273 p.

13. Pottier, B. Linguistique générale. Théorie et description. – Paris : Klincksieck, 1974. – 338 p.
14. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale. – Paris : Payot, 1967. – 331 p.
15. Valin, R. D'une difficulté inhérente à l'analyse du présent français // Travaux de Linguistique et de Littérature. – Strasbourg, 1966. – P. 485-493.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В. Влияние теории инцидентности Г. Гийома на классификацию частей речи во французском языке

В статье рассматривается влияние теории инцидентности, разработанной французским лингвистом Гюставом Гийомом, на проблему делимитации слов на части речи. Анализируется дихотомия языка и речи в процессе речевой деятельности, находящейся в основе теории психосистематики французского языка. Принцип классификации слов на части речи понимается как процесс отображения в индивидуальном и общественном сознании предметов и явлений реального мира в их взаимодействии и движении. Проявление пространственно-временного континуума в лексических и грамматических единицах языка происходит с помощью частей речи.

Ключевые слова: теория инцидентности, дихотомия язык / речь, части речи.

SUMMARY

Fefelova V. V. Influence of G. Guillaume's theory of incidence on the classification of parts of speech in the French language

The article deals with the influence of the theory of incidence, developed by the French linguist Gustave Guillaume, on the problem of delimitation of words into parts of speech. The dichotomy of language and speech in the process of speech activity is analyzed as a basis of the theory of psycho-systematics of the French language. The principle of classifying words into parts of speech is considered as the process of displaying objects and phenomena of the real world in their interaction and movement in the individual and public consciousness. The manifestation of the space-time continuum in the lexical and grammatical units of the language occurs by means of parts of speech.

Key words: theory of incidence, language/speech dichotomy, parts of speech.

Л. А. Штакина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'344 811.111

ПАУЗАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ МАСС-МЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Современной лингвистической науке свойственно разнообразие подходов к изучению особенностей вербализации коммуникативного замысла в различных форматах общения. Это обстоятельство сигнализирует более глубокое изучение механизмов порождения и актуализации дискурса как смысловой динамической системы, которая связана со стратегическим планированием межличностной коммуникации. К тому же следует отметить возросший интерес исследователей к просодической проблематике, что, на наш взгляд, обусловлено теоретическим и практическим интересом к особенностям функционирования фонетических подсистем. Особое внимание к просодической аранжировке дискурса объясняется тесным взаимодействием просодии с другими уровнями языковой системы. Вполне обоснованным является предположение, что просодия как важный компонент презентации дискурса сигнализирует динамику «двух планов реализации – моделей дискурсивной и тематической ситуации» [2, с. 225].

В последнее время просодическая актуализация масс-медиального дискурса находится в центре внимания многих лингвистов. На наш взгляд, это связано с тем, что «узус средств массовой информации – это динамичная система, которая отражает движение языковой материи, новые тенденции развития речевой ситуации, реагируя на изменения социальных пропорций в обществе» [5]. Ключевыми проблемами исследования масс-медиального дискурса являются условия и средства формирования содержания, роль просодических средств в процессе смыслового развёртывания вербального континуума, система просодических приёмов эффективного воздействия масс-медиальной репрезентации на адресата.

В нашем понимании, просодическая аранжировка дискурса средств массовой информации обусловлена спецификой речевой деятельности в масс-медиальном пространстве. Медиадискурс можно интерпретировать как тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речевую деятельность в масс-медиальном пространстве [3].

Реализация интенции адресанта, решение задачи адекватного изложения информации усложняется специфической формой

коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата, поскольку в ней активная связь отправителя информации с аудиторией имеет односторонний характер. При этом коммуникативные роли, к примеру, участников телевизионной интеракции достаточно условны. Медиальные средства, прежде всего, ориентированы на массовую аудиторию, поэтому вербальная оболочка дискурса должна быть доступной, максимально приближенной к языковому узусу массового адресата. Это связано с «усреднением», «массовизацией» языкового стандарта средств массовой информации, подбором «общедоступных» языковых средств. Следует отметить, что вербальное обеспечение медиальных средств тесно связано с их целевой установкой: используя каналы коммуникативной связи, не только изложить (по возможности без потерь) информацию максимально широкой аудитории, но и прогнозировать желаемый перлокутивный эффект благодаря психо-эмоциональному воздействию на потенциального адресата. Для успешной реализации этого коммуникативного намерения необходимо, чтобы информация была адресной. Это означает, что коммуникативные стратегии адресанта должны коррелировать с личностью адресата, его готовностью воспринимать тональность общения. Не следует забывать, что реакция адресата является дистантной, а коммуникация со стороны адресата предусматривает не только декодирование семантики языковых знаков, но и раскрытие глубинных значений дискурса.

Коммуникативная интенция адресанта базируется на социальном запросе адресата, что обуславливает коммуникативную стратегию, которая отражает выбор глобального речевого намерения, выбор компонентов семантики высказывания и экстралингвальной конситуации, соответствующие коммуникативным модификациям, объёму информации, соотношению квантов информации с уровнем осведомлённости коммуникантов и ориентацией на определённый коммуникативный режим.

Вполне очевидно, что в реальной ситуации важное значение в процессе декодирования информации имеет просодия, структурирующая звуковой поток, который несёт социально значимую информацию. Следовательно, изучение системы приёмов просодической реализации медиадискурса, что способствует усилению эффективности передачи информации, является актуальным, поскольку просодия обеспечивает необходимую стратегию восприятия, адекватную интерпретацию сообщения с точки зрения отправителя

информации. Очевидно, что эффективность общения – это не просто вопрос совпадения коммуникативных имплицатур отправителя и получателя информации, а прежде всего проблема речевого воздействия, поэтому речь индивидуума должна быть адекватно квантирована.

Порождение дискурса определённой жанровой специфики осуществляется в направлении от семантических структур к структурам фонетического (просодического) комплекса, что позволяет констатировать доминирующую роль семантики, прогнозирующей жанровую специфику семантико-временной партитуры квантирования замысла адресанта и риторическую целесообразность его коммуникативной роли. Исходя из этого мы вправе предположить, что функция сегментации речевого континуума на смысловые кванты принадлежит, главным образом, паузации, сигнализирующей когнитивную деятельность коммуниканта. Отметим, что исследование временной организации дискурса способствует выявлению приоритетных признаков паузации как составляющей темпоральной подсистемы просодии, определённым образом коррелирующей с семантическим развёртыванием информационного поля дискурса. В нашем понимании, пауза выступает в роли своеобразного синтезатора лингвистических и нелингвистических факторов порождения дискурса. Указанное обстоятельство помогает объяснить разнообразие подходов к решению проблемы паузации и многочисленные классификации, среди которых различают четыре основных категоризации, исходя из темпорального, физиологического, психологического и лингвистического аспектов.

Чаще всего пауза интерпретируется как перерыв звукового взаимодействия в речевом потоке, своего рода «интрасигнальный сегмент» [1]. Разделяя речевой континуум на структурно-семантические единицы, паузы одновременно способствуют актуализации высказывания. Таким образом, паузация речи – это не механически действующий фактор сегментации высказывания, а один из приёмов речи, коррелирующий со смыслом высказывания. Не вызывает сомнения тот факт, что пауза – это сложный феномен, объединяющий длительность перерыва в фонации, комплекс тональных модификаций предпаузальных сегментов и их временные характеристики.

Паузация как феномен временной подсистемы просодии рассматривается в лингвистических исследованиях с учётом различных подходов и классификаций. Так, лингвистами установлены синтаксические, запланированные паузы,

которые являются обязательными, появление которых в тексте закономерно и наиболее вероятно; несинтаксические (вероятные, незапланированные) паузы, наличие которых в речи также является закономерным, но которые в значительной степени обусловлены стилем речи, темпом, экспрессивностью; вариативные (прагматические) паузы, которые являются семантически обоснованными, хотя в конкретных контекстуальных условиях не являются закономерными. Среди вариативных пауз можно, в частности, выделить актуализирующую паузу, которая коррелирует с логико-смысловым членением высказывания. Дистрибуция актуализирующей паузы определяется, как правило, коммуникативными установками говорящего. Изменение семантических отношений в высказывании обуславливает перераспределение коммуникативной значимости отдельных отрезков высказывания, что предопределяет специфику паузации. Реализация прагматических пауз обусловлена коммуникативной интенцией адресанта с целью достижения желаемого перлокутивного эффекта. Следует отметить, что функциональное предназначение прагматических пауз заключается не в структуризации речевого потока, а в создании особых значений, которые ослабляют или усиливают прагматическую доминанту, а также способствуют модификации коммуникативной направленности речевого акта [4]. К тому же следует подчеркнуть, что пауза выступает своеобразным регулятором порождения риторически эффективного дискурса.

В нашем исследовании, что является фрагментом комплексного анализа ритмической организации масс-медиального дискурса «прогноз погоды», в фокусе внимания специфика делимитации речевого континуума с учётом жанровых особенностей вербального контекста. В качестве материала исследования использованы телевизионные англоязычные образцы «прогноза погоды», продуцированные в программе BBC World News 2008, 2010. Время звучания экспериментального материала – 30 минут. Корпус исследования представлен носителями произносительного стандарта британского варианта английского языка. Аудитивный анализ перцептивных характеристик пауз был соотнесён с оцифрованными акустическими показателями с учётом «длительности» как базового параметра. С этой целью была использована специальная компьютерная программа акустического анализа звукового сигнала WaveSurfer 1.8.5.

Таблица показателей частотности

Тип паузы	Количественные характеристики дистрибуции пауз (%)		
	ВФП	МФП	СФЕП
«Тональный перепад»	26	42	18
Сверхкраткая	19	3	10
Краткая	50	36	36
Средняя	5	16	36
Длительная	-	3	-

В ходе исследования все разновидности пауз рассматривались с учётом частотности использования на стыке ритмических единиц разных рангов, что позволило классифицировать паузы как внутрифразовые (ВФП), межфразовые (МФП), а также паузы, которые разделяют сверхфразовые единства (СФЕП). Анализируя оцифрованные с помощью компьютерной программы показатели длительности, мы придерживались концепции профессора Дубовского Ю.А., который предлагает соотносить паузу с длительностью терминальной ритмогруппы, что «мотивировано неравнозначностью ритмогрупп даже при стабильном темпе – терминальная ритмогруппа, как правило, наиболее длительная во фразе. К тому же, терминальная ритмогруппа обладает наибольшим психолингвистическим эффектом на перцептивную память как адресанта, так и адресата, и тем самым подавляет темпоральные «портреты» других ритмогрупп во фразе» [1, с. 79]. Паузы, как правило, сегментируют пространственно-временной (фонетический) континуум на речевые отрезки путём образования временных интервалов между ними, формально воспринимаемых как таковые и объективно измеряемых по длительности. Но эффект паузы может создаваться маркированной структурой без временного перерыва речевого сигнала за счёт «энергетических или тональных перепадов», а также без темпорального перерыва за счёт различного рода психолингвистических ассоциаций [1, с. 73].

Учитывая то, что терминальная ритмогруппа в дискурсе «прогноз погоды» составляет 387 мсек, сверхкраткой считается пауза до 195 мсек, краткой – до 380 мсек, средней – до 760 мсек, длительной – до 1170 мсек. Однако следует отметить, что частотным феноменом в «прогнозе погоды», о чём свидетельствуют статистические данные, является «тональный перепад», что означает паузы без временного интервала в фонации, которые образуются благодаря маркированной структуре

просодических подсистем для разграничения фоносинтагм. Статистические данные таблицы показателей частотности отражают предпочтительность краткой паузы как перерыва речевого сигнала. Эта разновидность физической паузы превалирует в дискурсе «прогноза погоды». Большое количество кратких пауз позволяет предположить, что темпоральная специфика исследуемого жанра, с одной стороны, соответствует временному регламенту, поскольку временные рамки «прогноза погоды» – 47 – 118 секунд, с другой – это подчёркивает компактность смыслового единства и специфику смыслового квантирования. Таким образом, статистическая предпочтительность кратких пауз является показателем семантико-временной компрессии, динамики развёртывания информационно-смыслового поля, что определяется общей тенденцией к конденсации, стремлением передать больший объём информации в определённом, регламентированном промежутке времени.

Делимитация дискурса на смысловые кванты осуществляется благодаря паузам, которые коррелируют с ранговыми характеристиками смысловых конститuentов и особенностями их взаимосвязи. В силу того, что «прогноз погоды» является образцом подготовленного дискурса, наряду с синтаксическими паузами, обусловленными нормативностью семантико-синтаксической синтагматики, в «прогнозе погоды» есть лингвистически релевантные прагматические паузы, которые подчёркивают определённую коммуникативно-прагматическую нагрузку и выделяют смысловые конститuentы информационно-смыслового поля дискурса. Уменьшение длительности пауз, которые отделяют сферхфразовые единства, частотность «тонального перепада» вместо перерыва в фонации между фразами, свидетельствует об особенностях риторики, целесообразности презентации «прогноза погоды». Например:

1) *We do have airy tropical storm* <> 2) *to carry and bring us very wet conditions* (355) 3) *across much of the* <> *Philippines* (235). 4) *That storm will have its way North which may temporarily* (228) 5) *become a Typhoon.* <> 6) *The winds're* (343) 7) *not* <> *especially strong at the moment* <> 8) *but they will strengthen some North and certainly that storm may well track North* (310) 9) *and bring some heavy rain* (313) 10) *towards Japan* (145) 11) *about Monday, obviously* (420) 12) *we'll be keeping a close eye on that* (183).

1) *Very wet weather's* <> 2) *brewing up across the Philipines too* (310). 3) *Tokyo's also looking fairly showery* (250) 4) *along with Singapore* (255). 5) *Temperature's close to thirty degrees* (300). 6) *Near forty-seven degrees* <> 7) *the expectations for Muscat by Sunday* (285). 8) *Hong Kong Beijing* <> 9) *have a dry*

story through this coming weekend (310). 10) One or two showers (380) 11) in Aden (135).

1) Well Scandinavia's <> 2) enjoying some warm and settled spells (180) 3) of sunshine (299). 4) The same cannot be said (265) 5) elsewhere across Europe (310). 6) Still some heavy and intense downburst <> 7) come through Wednesday (300) 8) and again it looks as it passes into Balkans (285) 9) and towards the centre of Europe <> 10) really being a brand of those (170).

Образцы вербального контекста с указанием абсолютных показателей длительности пауз (мсек) и номером синтагм иллюстрируют особенности паузации «прогноза погоды» с характерным использованием кратких пауз и «тонального перепада» (<>) в межфразовой и внутрифразовой позиции. Увеличение длительности внутрифразовых пауз перед семантически важными лексическими единицами, которые являются сигнальными точками топикально-комментивной структуры вербального контекста, обеспечивают восприятие важной информации. Прагматические паузы помогают адресанту чётко выразить свою мысль и заострить внимание на информационном сегменте, значимом для адресата.

Таким образом, изложенное позволяет констатировать, что пауза является тонким индикатором семантико-временной стратификации дискурса и риторической стратегии адресанта. Как значимый приём просодической маркировки информационно-смыслового поля дискурса, паузация коррелирует со стратегиями и тактиками адресанта и способствует оптимальной реализации коммуникативного замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовский, Ю. А. Анализ интонации устного текста и его составляющих / Ю. А. Дубовский. – Минск: Высшая школа, 1978. – 140 с.
2. Жданов, Ю. Н. Динамическое смысловое представление текста / Ю. Н. Жданов // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 1. – Режим доступа: <http://tp11999.Narod.Ru/WebLSE2001/Zhdana/.htm>.
3. Кожемякин, Е. А. Медиадискурс [Электронный ресурс] / Е. А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. – 2010. – Том 1. – Вып. 2. – С. 72-80. // http://www/discourseanalysis.org/ada2_1.pdf
4. Михасенко, Г. В. Функциональный аспект речевых пауз в современном английском языке (экспериментально-фонетическое исследование): 10.02.04: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Михасенко Галина Владимировна. – Минск, 1986. – 21 с.

5. Нешименко, Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития / Г. П. Нешименко // Вопросы языкознания. – 2001. – №1. – С. 98-132.

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А. Паузальный алгоритм масс-медиального дискурса

Статья отражает специфику делимитации масс-медиального дискурса. Установлена роль просодических средств актуализации информационно-смыслового поля. Определена частотность пауз с учётом длительности в соответствии с разработанной классификацией по данному акустическому параметру. Выявлены особенности дистрибуции пауз и их корреляция со смысловыми конститuentами.

Ключевые слова: дискурс, делимитация, длительность, паузация, квантирование, контекст.

SUMMARY

Shtakina L. A. Pausation algorhythm of mass-media discourse

The article highlights pausation dynamics of mass-media discourse. The role of prosodic means as markers of the discourse information and semantic potential is singled out. Quantitative and distributional peculiarities of pauses are exposed with the focus on their duration in accordance with the worked out classification. The data obtained reveal the distribution specifics of pauses and their correlation with the semantic quants.

Key words: discourse, delimitation, duration, pausation, quanting, context.

*Н. А. Ясинецкая
(г. Горловка, ДНР),
Т. Н. Немыкина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4'373.49

ПСЕВДОПОСЛОВИЧНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В АНГЛО-РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Пословицы и поговорки используются в повседневной речи людей и являются неотъемлемым компонентом стиля художественной литературы. Краткие и меткие изречения в речи персонажей английских литературных произведений содействуют многогранному раскрытию и познанию характеров

героев. Англоязычный художественный дискурс характеризуется обилием пословиц и поговорок, которые служат не только средством обогащения речи персонажей, придавая ей «остроту», лаконичность и эффектность, но и средством отражения особенностей культуры народа.

Значимость изучения пословиц и поговорок подтверждается отражением разных аспектов этой темы в работах отечественных и зарубежных лингвистов, среди которых А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, В.П. Жуков, Г.Л. Пермяков, А.А. Потебня, А. Дандис, А. Тейлор, Н. Барли, М. Кууси, В. Мидер, Э. Кокаре, К. Григас, В. Фойт, З. Каньо, Р. Норрик. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что паремии (пословицы и поговорки), которые обогащают язык художественных произведений, привнося образность, неповторимость и своеобразие, представляют собой одну из главных переводческих проблем и нуждаются в адекватных способах перевода с целью максимального сохранения их функционально-стилистических особенностей, прагматического потенциала и влияния на читателя.

Следует отметить, что каждый переводчик использует индивидуальный подход к переводу паремиологических единиц. Одни считают правильным переводить пословицы и поговорки с помощью подбора подходящего эквивалента или аналога, другие – применять калькирование или описательный перевод. Прежде чем подобрать адекватный способ перевода паремии, переводчику необходимо её осознать и проанализировать, поскольку перевод может привести к неправильному пониманию пословицы реципиентом.

Одна из классификаций способов перевода паремий была разработана С. Влаховым и С. Флориным и представлена в книге «Непереводимое в переводе». Особенностью данной систематизации является разделение всех методов перевода на фразеологические и нефразеологические. К фразеологическому переводу относятся: 1) фразеологический эквивалент (абсолютный эквивалент с равноценными денотативными и коннотативными значениями); 2) неполный (частичный) фразеологический эквивалент; 3) относительный фразеологический эквивалент (изменение формы, синтаксического построения); 4) «индивидуальные» эквиваленты (авторское творчество). К нефразеологическому переводу относятся: 1) лексический перевод (понятию, обозначаемому фразеологизмом в оригинальном тексте, соответствует слово в языке перевода); 2) калькирование (используется в случае, если другими приёмами нельзя передать семантико-стилистическое

и экспрессивно-эмоциональное значение фразеологической единицы); 3) описательный перевод (передача значения фразеологизма) [3, с. 194].

Т.А. Казакова отмечает, что в случае отсутствия непосредственных соответствий фразеологическую единицу можно перевести при помощи аналогичной фразеологической единицы, имеющей общее с исходным значение, но другую словесно-образную основу. При этом она предостерегает переводчиков, что сходные по значению, но разные по форме фразеологизмы могут иметь различную эмоционально-ассоциативную окраску, и не всегда взаимозаменяемы [5, с. 140].

Согласно классификации, предложенной В.С. Виноградовым, существует пять основных способов перевода паремий [2, с. 182–192]: 1) полное соответствие (эквивалент); 2) частичное соответствие (аналог); 3) калькирование (дословный перевод); 4) «псевдопословичное» соответствие; 5) описательный перевод. При переводе паремий переводчик может создавать собственные окказиональные, или «псевдопословичные», соответствия, когда в языке перевода нет соответствующего эквивалента паремии или в том случае, если он имеется, но не сочетается с контекстом. Задача переводчика – воспроизвести с трансформациями или небольшими изменениями образность оригинальной паремии, а также сохранить её коннотацию. Образные и звуко-ритмические средства помогают переводчику создать искусственную пословицу, которая будет восприниматься читателем как существующая в языке перевода.

Мы проанализировали 400 паремий в 117 произведениях английских и американских писателей, сопоставили их с переводами на русский язык и выявили псевдопословичные соответствия в переводах.

Рассмотрим перевод английской пословицы *Out of sight and out of mind* в произведении Джона Толкина «Хоббит, или Туда и обратно», которую автор применяет с целью описания сцены, когда все участники похода, кроме Бильбо, попали в плен гоблинов. Герой остаётся один и теряет сознание. В русском языке существует аналог данной пословицы – *С глаз долой – из сердца вон* (забывают того, с кем не видятся и не общаются). Переводчики М. Каменкович и С. Степанов, а также Н. Рахманова, учитывая контекст, интерпретировали паремию посредством псевдопословичных соответствий. Так, Н. Рахманова первую часть пословицы перевела посредством метода фразеологического аналога, а во второй части, заменив образ «mind», использовала выражение «дух вон», которое чётко отразило состояние упавшего в обморок героя: *The truth was he*

had been lying quiet, out of sight and out of mind, in a very dark corner for a long while [17, с. 63] – Причина же заключалась в том, что он завалился в уголок и лежал себе в темноте. Как говорится, с глаз долой... и почти что дух вон [13].

М. Каменкович и С. Степанов в процессе перевода приняли решение использовать часть русской поговорки *Либо грудь в крестах, либо голова в кустах*. Данный способ перевода можно считать некорректным, поскольку часть русской поговорки голова в кустах означает гибель героя, а Бильбо, согласно рассказу, продолжает жить: ...с глаз долой – и голова в кустах! Так, не подавая признаков жизни, он пролежал неизвестно сколько времени [12].

В этом же романе Джона Толкина мы встречаем образную английскую пословицу *Third time pays for all*. Основываясь только на значении лексических компонентов паремии, сложно определить истинное её толкование. Контекст рассматриваемого нами произведения позволяет определить значение паремии, которое заключается в том, что опыт неудач помогает в результате достичь успеха. Частичным эквивалентом в русском языке выступает пословица, содержащая религиозные образы: *Бог любит троицу*. Поскольку в произведении нет отсылок к религии, использование аналога считается нецелесообразным. Переводчики М. Каменкович и С. Степанов, взяв за основу русский аналог пословицы, создали собственное «псевдопословичное» соответствие, заменив образ Бога на образ удачи: *But “third time pays for all” as my father used to say, and somehow I don’t think I shall refuse* [17, с. 168] – Тем не менее, как говаривал мой отец, удача троицу любит. Во всяком случае, я не намерен отказываться [12].

Прагматическая функция английской частично образной паремии *Short cuts make long delays*, которую находим в романе-эпопее английского писателя Дж. Толкина «Властелин колец», состоит в том, чтобы выразить излишнюю осторожность персонажей, их необоснованную активность (сократить путь и поехать по неизвестной дороге), а также безынициативность при возникновении трудностей. Аналогами паремии выступают *Тише едешь – дальше будешь* и *Скоро поедешь – не скоро приедешь*. В переводах В. Муравьёва и А. Кистяковского, М. Каменкович и В. Каррика, а также В. Маториной содержатся окказиональные соответствия. Наиболее близким к русскому аналогу по структуре и семантике является вариант В. Муравьёва и А. Кистяковского – *Дольше едешь – дальше будешь*: “*Short cuts make long delays*,” argued Pippin [16, с. 55] – «Дольше едешь – дальше будешь», – возразил Пипин [11] (В. Муравьёв,

А. Кистяковский); «Напрямик направишься – в три дня не управишься», – напомнил Пиппин пословицу [9] (М. Каменкович, В. Каррик); «Больше срежешь, дольше выйдет», – возразил Пин [10] (В. Маторина).

В романе-эпопее «Властелин колец» Дж. Толкина также встречается образная авторская пословица, которую писатель создал путём объединения таких пословиц, как *There's no accounting for taste* (О вкусах не спорят) и *East and west, home is best* (В гостях хорошо, а дома лучше). В произведении пословица звучит из уст хозяина трактира, который хочет выразить своё безразличное отношение к сложившейся опасной ситуации. Н. Григорьева и Н. Грушецкий, а также В. Маторина создали собственные окказиональные соответствия: “*But there's no accounting for East and West, as we say in Bree...*” [16, с. 96] – «Да ведь у нас как говорят: «Что Запад, что Восток – какой с них прок» [6] (Н. Григорьева, Н. Грушецкий); «Нам что запад, что восток одинаково далёк, как здесь говорят...» [10] (В. Маторина).

Роман в жанре эпического фэнтези «Две крепости» Джона Толкина содержит ряд пословиц, которые представляют интерес нашего исследования. Рассмотрим частично образную авторскую паремию Дж. Толкина *Fair speech may hide a foul heart*. В качестве основы писатель взял необразную английскую пословицу *A fair face may hide a foul heart*, значение которой – за прекрасной внешностью может скрываться низкая душа. Дж. Толкин в своём варианте пословицы заменил лексему *face* на *speech*, чтобы ярче выразить эмоциональное состояние и переживания Сэма, которого беспокоил вопрос честности Фарамира. М. Каменкович и В. Каррик, а также В. Муравьев и А. Кистяковский передали смысл пословицы на русском языке, сохранив её образность, посредством создания окказионального соответствия: “*He may be all right,*” *he thought, “and then he may not. Fair speech may hide a foul heart.*” [18, с. 883] – «Поди знай, – думал он. – С людьми дело тёмное. На словах-то хороши, да с тем и возмёшь» [8] (В. Муравьев, А. Кистяковский); «Может, он хороший человек, а может, и нет, – думал он. – Бывает и так: уста медовые, а сердце чёрное» [7] (М. Каменкович, В. Каррик).

Необразную английскую пословицу *More haste, less speed* мы обнаружили в романе «Две крепости» Дж. Толкина. Значение паремии: «если пытаться делать что-то очень быстро, это займет больше времени». Частичные эквиваленты английской пословицы в русском языке: *Скоро, да не скоро; Поспешишь – людей насмешишь; Тише едешь, дальше будешь*. В. Муравьев и А. Кистяковский создали собственное псевдопословичное

соответствие: *Поспешишь – шею сломаешь*: “*Ach, sss! Cautious, my precious! More haste less speed.*” [18, с. 801] – «*Ахх, с-с-с! О, осторожно, моя прелесть! Поспешишь – шею сломаешь...*» [8].

В романе «Пелэм, или Приключения джентльмена» английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона встречаем пословицу *Birds of a feather flock together*. Распространённым аналогом данной паремии является русская пословица Рыбак рыбака видит издалека, которую взяли за основу переводчики А. Кулишер и Н. Рыкова, изменив лексему рыбак на лексему жулик, которая в большей степени соответствует контексту романа: *It is literally true in the systematized roguery of London, that “birds of a feather flock together”* [14, с. 458] – *He подлежит сомнению, что в преступном мире Лондона «жулик жулика видит издалека»* [1, с. 411].

Английский писатель Чарльз Диккенс использовал в своём сатирическом романе «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» вариацию известной английской паремии *The pot calls the kettle black* – *It’s the pot and the kettle*. Значение пословицы – «оба хороши». Наиболее распространённым аналогом данной паремии является русская пословица – *Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала*. Н. Дарузес интерпретировала смысл вариации пословицы на языке перевода, применив окказиональное псевдопословичное соответствие: *‘Ecod!’ said Jonas, looking up again for a moment, and shaking his head, ‘I’ve been as good a son as ever you were a brother. It’s the pot and the kettle, if you come to that.’* [15, с. 374] – «*Ну да! – сказал Джонас, мотнув головой и опять поднимая глаза на мгновение. – Я был таким же хорошим сыном, как вы – братом. Коли уж на то пошло, горшку перед котлом нечем хвалиться*» [4, с. 378].

Следует, однако, отметить, что, как показывает наше исследование, окказиональные псевдопословичные соответствия, требующие от переводчика творческого и креативного подхода, в русскоязычных переводах встречаются достаточно редко (в 5,5 % случаев). Данный метод переводчики используют, когда в языке перевода отсутствует частичный или полный эквивалент той или иной паремии. Тогда, избегая метода описательного перевода и калькирования, стремясь сохранить образность и экспрессивность, переводчики создают собственные пословичные изречения с применением подходящих образных и звуко-ритмических средств.

Проведённое нами исследование имеет существенную практическую значимость. Результатом работы стал комплекс упражнений, в частности, на соотношение образов в основе английских паремий и их русскоязычных соответствий,

классификацию паремий по семантическому, морфологическому, тематическому и стилистическому принципам, восстановление пословиц и поговорок из предложенных элементов, определение способов перевода, соотношение и поиск переводческих соответствий, поиск фразеологических аналогов паремий. Данный комплекс упражнений способствует совершенствованию знаний английского языка и развивает навыки применения пословиц и поговорок на практике, что в итоге позволяет придать речи яркость, особую выразительность и неповторимое своеобразие. Будущим переводчикам рекомендуется использовать данную систему упражнений для овладения навыками перевода образной фразеологии.

Полученные результаты исследования могут быть использованы на занятиях по художественному и аспектному переводу, сравнительной лексикологии и сравнительной стилистике, при составлении новых фразеологических словарей. Перспективным является исследование способов перевода окказионально модифицированных паремий как в художественном, так и других дискурсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бульвер-Литтон, Э. Пелэм, или Приключения джентльмена / Э. Бульвер-Литтон ; пер. с англ. А. Кулишер, Н. Рыковой. – Текст : электронный. – URL : <https://angelov.su/book/pelem-ili-priklyucheniya-dzhentlmena> (дата обращения : 15.03.2021).
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Р. Валент, 2009. – 360 с.
4. Диккенс, Ч. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита / Ч. Диккенс ; пер. с англ. Н. Дарузес. – Текст : электронный. – URL : <https://angelov.su/book/zhizn-i-priklyucheniya-martina-chezlvita> (дата обращения: 15.03.2021).
5. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. Серия : Изучаем иностранные языки / Т. А. Казакова. – СПб. : Союз, 2001. – 320 с.
6. Толкин, Дж. Братство кольца [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ. Н. Григорьевой и В. Грушецкого. – Режим доступа : <https://iknigi.net/avtor-dzhon-tolkien/3293-bratstvo-kolca-dzhon-tolkin/read/page-1.html>.
7. Толкин, Дж. Две башни [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/bd/?b=71461>.

8. Толкин, Дж. Две твердыни [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин ; пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. – Режим доступа : <https://bookshake.net/b/dve-tverdnyi-dzhon-ronald-ruel-tolkin-2c139>.
9. Толкин, Дж. Властелин колец [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин ; пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика. – Режим доступа : <https://www.rulit.me/books/vlastelin-kolec-read-85202-1.html>.
10. Толкин, Дж. Властелин колец [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин ; пер. с англ. В. Маториной. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/216821-1-sodruzhestvo-kolca-per-valerii-aleksandrovnny-matorinoy/>.
11. Толкин, Дж. Властелин колец [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин ; пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=70975&p=1>.
12. Толкин, Дж. Хоббит, или Туда и обратно [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин ; пер. с англ. М. Каменкович, С. Степанова. – Режим доступа : <https://www.rulit.me/books/hobbit-ili-tuda-i-obratno-per-m-kamenkovich-s-stepanov-read-112770-80.html>.
13. Толкин, Дж. Хоббит, или Туда и обратно [Электронный ресурс] / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ. Н. Рахмановой. – Режим доступа : <https://www.rulit.me/books/hobbit-perevod-n-rahmanovoj-read-113199-1.html>.
14. Bulwer-Lytton, E. Pelham : or The Adventures of a Gentleman [Electronic resource] / E. Bulwer-Lytton. – Access mode : <https://www.gutenberg.org/files/7623/7623-h/7623-h.htm#link2HCH0079>.
15. Dickens, Ch. Life And Adventures Of Martin Chuzzlewit / Ch. Dickens. – Текст : электронный. – URL : <https://angelov.su/book/life-and-adventures-of-martin-chuzzlewit> (дата обращения: 07.04.2021).
16. Tolkien, J. The Fellowship of the Ring [Electronic resource] / J. R. R. Tolkien. – Access mode: <https://fobook.ru/the-fellowship-of-the-ring-братство-кольца/>.
17. Tolkien, J. The Hobbit or There and Back Again [Electronic resource] / J. R. R. Tolkien. – Access mode : <https://www.pdfdrive.com/the-hobbit-or-there-and-back-again-e195666276.html>.
18. Tolkien, J. The Two Towers [Electronic resource] / J. R. R. Tolkien. – Access mode : <https://www.pdfdrive.com/the-lord-of-the-rings-the-two-towers-e18825988.html>.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н. А., Немыкина Т. Н. Псевдопословичная эквивалентность в англо-русском художественном переводе

Цель данной работы – анализ роли окказиональных (псевдопословичных или авторских) фразеологизмов при переводе английских пословиц и поговорок на русский язык. Методологической базой исследования послужили работы, в частности, В. Н. Комиссарова, В. С. Виноградова, Т. А. Казаковой, С. Влахова и С. Флорина. Окказиональные псевдопословичные соответствия переводчики применяют, когда в языке перевода отсутствует частичный или полный эквивалент той или иной паремии, создавая собственные пословичные изречения с применением образных и звуко-ритмических средств.

Ключевые слова: паремии, пословицы и поговорки, художественный перевод, псевдопословичная эквивалентность, окказиональное / псевдопословичное соответствие.

SUMMARY

Yasinetskaya N. A., Nemykina T. N. Pseudoidiomatic equivalence in English-Russian literary translation

The purpose of the study was to analyse the role of occasional (pseudoidiomatic) expressions in translating English proverbs and sayings into Russian. The methodological basis of the research is, in particular, works by V. N. Komissarov, V. S. Vinogradov, T. A. Kazakova, S. Vlahov, and S. Florin. Occasional pseudoidiomatic equivalents are used by translators when the target language lacks a partial or full equivalent of a particular proverb or saying, and the analogue is not fully compatible with the context. Translators modify or make up proverbs and sayings of their own using various figurative, in particular audio-rhythmic, means.

Key words: paroemias, proverbs and sayings, literary translation, pseudoidiomatic equivalence, occasional / pseudoidiomatic equivalent.

*Н. А. Ясинецкая
(г. Горловка, ДНР),
В. П. Рубан
(г. Горловка, ДНР)*

**УДК 81'373.215/.216=03.111=161.1
СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОПОЭТОНИМОВ
В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ К.С. ЛЬЮИСА «ХРОНИКИ
НАРНИИ»**

Особое значение для исследователей представляют имена собственные в художественном тексте – поэтонимы. В связи с этим в 50–60-х годах XX столетия сформировалась особая отрасль знания – литературная (поэтическая) ономастика – поэтонимология. У её истоков стоял В.Н. Михайлов, существенный вклад в её развитие внесли, в частности, Э.Б. Магазаник, А.В. Суперанская, Ю.А. Карпенко, О.И. Фонакова. Особая роль в развитии поэтонимологии принадлежит В.М. Калинкину. Исследованию общих закономерностей функционирования имён собственных в художественном тексте посвящены также работы А.А. Фомина, И.В. Немировской, Н.В. Васильевой, Г.Ф. Ковалёва, Л.М. Буштян, В.В. Катерминой.

Актуальность изучения топопоэтонимов в жанре фэнтези обусловлена необходимостью исследования этимологии, структурно-семантической классификации авторских географических названий, а также систематизации удачных переводческих решений для успешного решения последующих переводческих задач. Цель исследования – анализ этимологии, структурно-семантических особенностей, специфики функционирования и способов перевода поэтонимов, в частности разных семантических классов топопоэтонимов, в художественном тексте. Материалом исследования послужил цикл фэнтезийных повестей «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса в оригинале и переводе.

Имена собственные, в частности топопоэтонимы, наделены большими как семантическими, так и образно-стилистическими возможностями. Известные топонимы приобретают новые оттенки семантики на уровне текста и, соответственно, уже не только называют географические объекты, но и придают им художественный оттенок, тем самым раскрывая их когнитивное содержание. Считается, что ядро поэтонимосферы произведений фэнтези принадлежит именно топонимам, поскольку они концентрируют культурно-историческую, этическую, лингво-культурологическую информацию, выступая в определённой степени в качестве маркеров, корректирующих процесс

понимания текста читателем, и способствуя эффективной художественной коммуникации [1, с. 36].

Группа топопоэтонимов широко представлена в исследуемом произведении. Как показал анализ, в поэтонимосфере «Хроник Нарнии» топонимы занимают центральное место. Нами выделено и проанализировано 138 единиц топопоэтонимов. Каждый поэтоним, называя тот или иной географический объект, искусно вплетён в канву произведения. Значительная часть поэтонимов этого типа являются авторскими образованиями, что придаёт им ещё большую образность и лучше описывает фантастическую картину мира.

Для заполнения пространства своего фантастического мира К.С. Льюис создаёт топонимы путём сочетания денотата и атрибута, где и атрибутом, и денотатом выступают узуальные слова: *the Western Mountains* – Западные горы, *Dragon Island* – Драконий остров, *Island of the Voices* – остров Голосов. Встречаются и такие поэтонимы, у которых атрибут может быть как узуальным (*Dark Island* – Тёмный остров, *Giant Land* – Страна Великанов), так и окказиональным (*Island of Ramandu* – остров Раманду, *Aslan's How* – курган / холм Аслана). Для всех этих случаев переводческим решением стало использование калькирования.

Применение приёма калькирования является подходящим даже в контексте воспроизведения фантазийной картины мира – для читателей перевода названия этих географических объектов оказывались почти такими же, какими их видят читатели оригинала, поскольку *Lone Islands* и *Одинокие острова* вызывают если не одинаковые, то очень схожие ассоциации, ведь эта группа островов – наиболее удалённая нарнийская провинция. В ходе прочтения произведения раскрывается этимология авторского наименования *the Hill of the Stone Table*, обозначающего большую насыпь, на которой был возведён священный каменный стол. Интересно, что впоследствии автором название обозначаемого денотата было кардинально изменено контекстуально с *the Hill of the Stone Table* – холм Каменного Столана *Aslan's How* – курган Аслана. Многочисленность и структура топонимов позволяют сделать вывод, что автор желает создать образ страны Нарнии близким и понятным читателю, на его языке, ведь Нарния сама по себе напоминает любимые Льюисом места в Англии и Ирландии [7, с. 32].

В число авторских пёстрых топопоэтонимов входят названия стран (*Archenland* – Архенландия и *Giant-Land* – Страна Великанов), которые структурно можно представить в виде формулы *житель+land*, достаточно типичной для топопоэтонимов К.С. Льюиса. Поэтонимы сконструированы путём сложения основ

и образованы по аналогии с реальными топонимами в германских языках, такими как *Deutschland*, *Holland*, *England*, последний из которых также встречается в произведении. Этимологический смысл наименования *Giant Land* не зашифрован и трудностей для переводчика в этом смысле не составляет, в результате чего способ калькирования стал оптимальным вариантом. Поэтоним *Archenland*, в свою очередь, нуждается в поэтономастических комментариях. Приставка *arch-* (от греч. *archos*) имеет значение ‘главный, основной’ [6] и является весомым аргументом релевантности денотату, поскольку *Archenland* – одна из крупнейших стран сказочного мира, где разворачиваются основные события цикла, королевство на юге нарнийского мира, с собственной столицей и жителями. Передача смысловой нагрузки топонима не представилась возможной, и переводческим решением стало сохранение красоты его звучания с помощью переводческой транскрипции.

Такое же завуалированное содержание прослеживается и у поэтонима *Calormen* – *Тархистан*, образованного путём метафорической проприализации от латинского слова *calor* ‘heat’. Он имеет значение не только ‘жара’, но и ‘гнев, ярость’ [6]. Этот поэтоним служит названием страны с удивительно сухим климатом, большую часть территории которой занимает пустыня. Описывая жителей государства, К.С. Льюис акцентирует внимание на их жестокости и агрессивности, что подчёркивает этимологический смысл топонима: *The next thing was that these men were not the fair-haired men of Narnia: they were dark, bearded men from Calormen, that great and cruel country* [4, с. 679]. – *Ещё страшнее было то, что это не белокурые обитатели Нарнии, а темнолицые и бородатые жители Тархистана, великой и жестокой державы* [2, с. 592]. Поэтоним Тархистан стал ярким примером использования переводчиком метода подбора функционального аналога. Очевидно, переводчик руководствовался принципами названия стран и городов, распространёнными в странах Средней Азии и Ближнего Востока.

В отличие от Нарнии, в Тархистане преобладают транслитерируемые окказиональные топонимы: *Azim Balda* – *Азим Балда*, *Zulindreh* – *Зулиндрех*, *Tashbaan* – *Ташибаан*. Эти названия дополняют образ чего-то чужого, даже враждебного, а перевод с помощью транслитерации полностью передаёт замысел автора, согласно которому названия в Тархистане, очевидно, подбирались исходя из звучания, а не значения.

Интерес в плане лингвистического исследования представляют и два названия городов великанов: *Ettinsmoor* –

Этинсмур и *Chippingford* – Чипингфорд. И снова К.С. Льюис призывает читателей к этимологическим поискам, поскольку происхождение и семантика названий зашифрованы. Способом создания астиопозтонимов (т. е. названий городов) является сложение основ благодаря типичной для автора двухкомпонентной структуре. Название *Chippingford* происходит от двух английских слов – *chip* в видоизменённой форме *chipping* и *ford* – и имеет значение ‘a place where water can be crossed’ [6]. Что касается астиопозтонима *Ettinsmoor*, то создан он тем же путём: *ettin* от староанглийского *eoten* – ‘giant, monster’ и *moor* – ‘waste ground’ [6], и употребляется для обозначения места обитания великанов. Благодаря принципу фонетической близости к оригиналу, оба поэтонима были переведены с помощью переводческой транскрипции.

Примерами транслитерации стали названия двух городов, в которых состоялись важные в истории Нарнии битвы, получившие названия *Beruna* и *Anvard* – *Беруна* и *Анвард*. К созданию *Anvard* автор подошёл посредством метафорической проприализации под влиянием контекста: от греческого *an* ‘not; without’ и староанглийского *weard* ‘guarding, a watchman’ [6]. Подтверждение этому находим в словах Рабадаша, который пошёл в наступление на этот город, ошибочно считая его оставленным без стражи: “*They are at peace with us and unprepared and I shall take Anvard before they have bestirred themselves*” [3, с. 258]. – «Они с нами в мире и опомниться не успеют, как я возьму замок Анвард» [2, с. 231]. В основе астиопозтонима *Beruna* (пример метонимической проприализации) заложен ведущий признак зданий города – красные или же светло-коричневые крыши (от и.-е. *bher* ‘светло-коричневый’ [6]), что автор сам отмечает в тексте: *...snug, red-roofed little town of Beruna* [5, с. 659].

Достойным внимания нам представляется имя собственное группы ойкопоэтонимов *Cair Paravel* – *Кэр-Параваль*. Этот поэтоним является свидетельством того, как определённая проприальная единица может служить дополнительной коннотацией другого названия. Если углубиться в семантику данного ойкопоэтонима, то произошёл он от кельтского *cair* ‘fortified town’ и представляет собой укреплённый город-столицу Нарнии, описанный на страницах цикла, который процветает и удивляет всех своей красотой: “*From up there I have seen it all – Ettinsmuir, Beaversdam, the Great River, and Cair Paravel still shining on the edge of the Eastern Sea*” [4, с. 759] – «Сверху я видел всё – Этинсмур, Биверсдам у Бобровой плотины, Великую реку. И Кэр-Параваль, как прежде, сияет на берегу Восточного моря» [2, с. 670]. Второй элемент названия –

Paravel – является, фактически, зашифрованным онимом, в котором сокрыт глубинный смысл названия. *Paravail* ‘тот, кто находится в чьём-то подчинении, однако, выступает хозяином кого-то другого’. К.С. Льюис использует это значение для объяснения своего видения социальной иерархии в Нарнии: короли правят всей страной, но подчиняются своему божеству – Аслану. С целью сохранения звуковой формы и благозвучия поэтонима, оптимальным вариантом для его перевода стал метод переводческой транскрипции.

Неологизм *Lantern Waste* – *Фонарная Пустошь* именуется крайние западные границы владений Нарнии. Этот поэтоним является значимым в контексте цикла повестей, поскольку он не только обозначает отдельную нарнийскую территорию, но и несёт на себе отпечаток исторически важных событий – именно здесь впервые дети из земного мира попадают в Нарнию и начинают воплощать древнее пророчество о четырёх королях и королевах, которые спасут воображаемый мир от Зла. Авторский топоним служит прямой отсылкой, аллюзией к тем выдающимся событиям, которые изменили ход нарнийской истории. Так как своё название *Фонарная Пустошь* получила от Фонарного Столба, который располагался в равнине Нарнии, то его перевод с помощью калькирования нам представляется удачным.

Таким образом, при анализе перевода топонимов на примере цикла повестей К.С. Льюиса «Хроники Нарнии» было выявлено, что в большинстве случаев применяются такие способы перевода, как калькирование, транслитерация и переводческая транскрипция. Реже встречаются случаи подбора функционального аналога. Перевод топонимов как элементов фантазийной картины мира заставляет переводчика осуществлять семантический, структурный или этимологический анализ. Поэтонимы имеют скрытый смысл, поэтому задача переводчика заключается в структурно-семантическом анализе, правильном истолковании и передаче их в переводе как можно ближе к оригинальному замыслу автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луговая Е. А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпоса Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Луговая. – Ставрополь, 2006. – 217 с.
2. Льюис К. С. Хроники Нарнии : Вся история Нарнии в 7 повестях / Клайв С. Льюис ; [пер. с англ. Н. Трауберг и др.]. – М. : Эксмо, 2017. – 912 с.

3. Lewis C. S. The Horse and His Boy / C. S. Lewis // The Chronicles of Narnia. – L. : Harper Collins Publishers, 2010. – P. 199–310.
4. Lewis C. S. The Last Battle / C. S. Lewis // The Chronicles of Narnia. – L. : Harper Collins Publishers, 2010. – P. 665–767.
5. Lewis C. S. The Silver Chair / C. S. Lewis // The Chronicles of Narnia. – L. : Harper Collins Publishers, 2010. – P. 543–664.
6. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.etymonline.com> (accessed on 08.05.2022).
7. Sammons M. C. A Far-Off Country : A Guide to C. S. Lewis' Fantasy Fiction / M. C. Sammons. – Lanham : University Press of America Inc., 2000. – 392 p.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н. А., Рубан В. П. Специфика использования и перевода топонимов в цикле повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»

Статья посвящена исследованию способов передачи на русский язык англоязычных топонимов в художественном тексте – цикле повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии». Проанализированы их этимологические и структурно-семантические особенности, выяснена роль топонимов в построении сюжета и раскрыта их стилистическая значимость. Рассмотрены способы перевода топонимов на русский язык, в частности, транслитерация, переводческая транскрипция, калькирование, функциональный аналог.

Ключевые слова: фантазийная картина мира, поэтонимосфера, топоним, ойкопоним, перевод.

SUMMARY

Yasinetskaya N. A., Ruban V. P. The peculiarities of use and translation of toponyms in «The Chronicles of Narnia» by C. S. Lewis

The article focuses on the ways of translating English toponyms into Russian based on a literary text – the cycle of fantasy novels «The Chronicles of Narnia» by C. S. Lewis. The authors investigate the etymological, structural and semantic features of toponyms, analyse their role in the plot construction, and reveal their stylistic significance. The research has revealed several ways of translating toponyms into Russian, in particular, transliteration, translator's transcription, loan translation, and functional analogue.

Key words: fantasy picture of the world, poetonymosphere, toponym, oikonym, translation.

*Н. С. Антипенко**(г. Донецк, ДНР)*

УДК 372.881.111.1

**ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО
ЯЗЫКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ**

В современном мире английский язык охватывает все большую и большую сферу использования, и поэтому особое внимание изучению иностранного языка уделяется уже с начала обучения детей в школе. Иностранный язык по стандартам ФГОС входит в программу обучения и должен изучаться со второго класса и до обучения в высших учебных заведениях, так как он как учебный предмет влияет на потенциальные возможности развития личности учащихся всех возрастов, ведь в данной дисциплине охватываются все сферы жизнедеятельности и затрагиваются все сферы человеческого общения.

Цель статьи заключается в рассмотрении педагогической игры как метода обучения иностранному языку в учреждениях среднего профессионального обучения.

Современные стандарты ФГОС требуют от педагога строгих правил использования и применения различных форм работы при построении урока, поэтому педагогу необходимо тщательно выбирать и использовать игровые технологии на занятиях английского языка, начиная с этапа планирования урока, они должны помочь педагогу заинтересовать обучающихся. Игра помогает обучающемуся легче и увлекательнее изучать необходимый образовательный материал, развивает память, навыки мышления и внимание, а также объединяет коллектив. Тем самым опора на игру – это один из верных и самых легких путей к внедрению студентов в учебный процесс и в изучение неизвестного им языка.

Научная новизна нашего исследования отображается в исследовании влияния игровых педагогических технологий на активизацию заинтересованности учебным предметом (английский язык) студентов учреждений среднего профессионального обучения.

Учебная игра – это специально разработанный вид деятельности, который является способом изучения, закрепления, повторения или корректировки знаний, умений и навыков, которые ученик уже изучил либо же будет изучать в течение определенного времени [2, с. 47].

С давних времен игра, как метод обучения, изучается с различных точек влияния на человека и обладает глубокими

историческими корнями. Она помогает человеку приобрести необходимые черты характера, навыки, качества, а также развить необходимые умения и навыки у ребёнка.

В Древней Греции образование занимало важное место в обществе и влияло на качество жизни каждого гражданина. Еще со Спарты обучение было построено на основе игры и ее соревновательных вариаций, где юноши отчаянно состязались в танцах, пении или в публичных соревнованиях за звание чемпиона. Платон в своих первых педагогических работах рассматривал игру как способ влияния на ребенка в воспитательном ключе. Он писал, что *«игра наиболее свойственна человеку, особенно же – молодому, и поэтому преподносимое в игровом виде усваивается лучше всего, как и лекарственное снадобье врач старается приготовить в наиболее легко усваиваемом виде, однако, играя, можно познать истину; это особенно касается воспитания детей, которое наиболее успешно, когда совершается в игре»* [2, с. 106]. Если рассматривать Западную Европу во время эпохи Возрождения, то мы также можем обратить внимание на то, что образование было построено на игровом обучении. К такой образовательной форме призывали Т. Кампанелла и Ф. Рабле. Они утверждали, что дети без особого труда, используя игру, могут знакомиться и обучаться со всем разнообразием наук. Для этого было составлено огромное количество разнообразных типов игр, в том числе и для изучения иностранных языков, которые были особенно популярны в этот период.

Большое количество педагогов и психологов изучали игру как метод обучения. Значительный вклад в развитие игровых технологий внесли такие выдающиеся личности, как: П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Т. Шацкий, Д.Б. Эльконин и другие. Эти научные деятели разработали большое количество разнообразного дидактического материала с применением игр в учебном и образовательном процессе обучения. Такое понятие, как «игровая технология», появилось на рубеже 1940–1950 гг. – это совокупность психолого-педагогических установок, определяющих формы, методы и приемы обучения. Л.С. Выготский обозначал игру как пространство «внутренней социализации» ребенка, средство усвоения социальных установок [1, с. 127]. По мнению А.Н. Леонтьева, игра – свобода личности в воображении, *«иллюзорная реализация нереализуемых интересов»* [4, с. 36].

А.Н. Леонтьев доказал, что человек овладевает более широким, недоступным ему кругом действительности только в игре. Забавляясь и находясь в игре, ребенок осознает себя личностью [3, с. 36]. Сейчас же в общественной практике значение игры стало осмысливаться по-новому, занимая серьезную общенаучную

категорию, поэтому дидактические игры – более активный метод использования учителями в работе.

В XXI веке образовательный процесс требует внедрения игровых технологий под воздействием Федерального государственного образовательного стандарта. Согласно требованиям данного стандарта игра является средством, переводящим сферу образования в технологическое пространство. Игровые технологии являются технологиями деятельного активного типа и занимают одно из ведущих мест среди разнообразия педагогических технологий.

В Российской Федерации создана специальная Всероссийская Ассоциация по играм (RAGE), которая направлена на развитие образования с помощью игровых технологий. Данная ассоциация базируется на объединении людей различных профессий, каждый из которых занимается изучением, созданием и проведением игр по различным направлениям, для инновационного развития современной системы образования и формирования будущего.

Существует некое различие между игрой и игровой технологией. Этот вопрос наиболее подробно описан в работе Г.К. Селевко [7]. Академик полагает, что игровые технологии несут за собой конкретную и установленную цель, которая должна соответствовать результатам образования, а также он дает определение игровым технологиям: *«вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением»* [7, с. 565].

В настоящее время игра стала выполнять обучающую функцию не только на уроках в школе и в учреждениях среднего профессионального обучения, но и также в разных средствах массовой информации, ведь широким спросом стало пользоваться и использование среди детей и подростков интернета, просмотр разных телевизионных передач, поэтому при нарастании большого объема информации можно наблюдать, что каждая телевизионная программа предлагает нам множество разнообразных развивающих игр, примерно 10–15 видов. Это говорит о том, что студент пассивно втягивается в процесс игры, тем самым поглощая нужную ему информацию, но необходимо следить за предлагаемым контентом, отбирая материал, который бы нес достоверную и смысловую нагрузку для ребенка [6, с. 5].

Педагог должен четко понимать и различать функции игры и игровой технологии, от этого полностью зависит значение роли и места игровых технологий в учебном процессе. В центре внимания образования находится студент, его личность, неповторимый внутренний мир, поэтому основная цель

современного педагога – выбрать методы и формы организации учебной деятельности учащихся, оптимально соответствующие поставленной цели развития личности.

Главной задачей образования является развитие обучающихся таких способностей, как самостоятельность в отборе информации и активном её использовании, которые достигаются с помощью участия дидактических игр. С их помощью студент может проявлять свою активность, демонстрировать полученные знания и умения. При этом отличительной особенностью педагогической игры от обычной-повседневной является четко поставленная цель в обучении и соответствующие ей педагогические результаты, характеризующиеся познавательной направленностью.

Игра на уроке иностранного языка должна отвечать следующим требованиям:

- быть хорошо подготовленной в смысле содержания и формы, а также быть четко организованной;
- снимать нагрузку со студентов на протяжении урока и стимулировать активность обучающихся;
- быть принятой всей группой;
- проводиться в дружелюбной, доброй, творческой атмосфере;
- оставлять учебный эффект на второстепенном, возможно неосознанном плане, а на главном, видимом месте всегда реализовывать игровой момент;
- не оставлять ни одного студента равнодушным или не вовлечённым [5, с. 127].

Игра требует от каждого обучающегося активности, включения в совместную деятельность. Участники игр должны получать удовлетворение от осознания того, что они в состоянии общаться на иностранном языке. При этом игра будет желанной и результативной, если ее будут ждать как отдыха и развлечения на фоне трудной и подчас напряженной работы.

Таким образом, можно смело сказать, что образовательный процесс обучающихся в учреждениях среднего профессионального обучения будет более эффективным в том случае, когда преподаватель начнет внедрять игровые технологии в планирование и проведение занятий, а также совмещать их с другими видами педагогических технологий. В ходе нашего исследования было выявлено, что особенностью игровых технологий является их влияние на процесс обучения и воспитания студентов с положительной стороны, несущей большие продвижения в области знаний учащихся.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в более детальном изучении влияния учебной игры на деятельность студентов учреждений среднего профессионального обучения

на уроках иностранного языка, а также в практическом виде использования игр в процессе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Психология познания / Л.С. Выготский. – М. : Просвещение, 1977. – 127 с.
2. Гукова В.В. История. 5-11 классы. Технологии современного урока / В.В. Гукова. – Волгоград: Учитель, 2009. – 207 с.
3. Кларин М.В. Обучение как игра / М.В. Кларин // Школьные технологии. – 2004. – № 5. – С. 45–59.
4. Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – Минск : Тарту, 1974. – 346 с.
5. Лурия А.Р. Обучение иностранному языку в начальной школе / А.Р. Лурия. – М. : Просвещение, 1999. – 456 с.
6. Морозова Н.Г. Учителю о познавательном интересе / Н.Г. Морозова. – М.: Знание, 1979. – 47 с.
7. Селевко В.Г. Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т.1. – М. : Народное образование, 2006. – 816 с.

АННОТАЦИЯ

Антипенко Н. С. Игровые технологии на уроке иностранного языка в учреждениях среднего профессионального обучения

В педагогической науке феномен игры рассматривается как способ организации воспитания и обучения, как компонент педагогической культуры, изучаются формы и способы оптимизации игровой деятельности современного поколения.

Ключевые слова: игра, урок, обучение, методика преподавания языка.

SUMMARY

Antipenko N. S. Game technologies in a foreign language lesson in institutions of secondary vocational education

In pedagogical science, the phenomenon of play is considered as a way of organizing education and training, as a component of pedagogical culture; forms and ways of optimizing the gaming activity of the modern generation are studied.

Key words: game, lesson, teaching, methods of language teaching.

УДК 81'42

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

Современная антропоцентрическая лингвистика и педагогика имеют много точек соприкосновения. Одной из них являются речевые жанры.

Жанры речи в современной лингвистике текста принято рассматривать в рамках той или иной социальной сферы общения. Объектом нашей статьи является речь учителя; предметом – речевые жанры, в которые эта речь облечена. Цель статьи – показать зависимость жанра речи педагога от метода обучения. Задачи: 1) охарактеризовать экстралингвистические особенности обучающей речи преподавателя как типа институционального дискурса; 2) показать, как соотносятся между собой речевые события, речевые жанры и словесные методы обучения; 3) построить классификацию жанров речи в соответствии с особенностями словесных методов обучения.

Речь педагога обеспечивает выполнение задач обучения и воспитания молодежи. Преподаватель несет социальную ответственность и за содержание, качество своей речи, и за ее последствия. Ф. Н. Гоноболин, Т. А. Ладыженская и др. специалисты в области педагогического общения употребляют словосочетание «речь учителя» (синоним – «педагогическая речь») как устное высказывание (в отличие от речи письменной). Под устной речью подразумевают как сам процесс говорения, создания устных высказываний, так и результат этого процесса – устные высказывания. Устная речь учителя – это речь, создаваемая в момент говорения (в отличие от озвученной письменной речи, например чтения вслух параграфа учебника).

Термин «метод» имеет в науке разное толкование и употребляется в разных смыслах: узком и широком. В узком смысле – это прием или средство обучения и отличается от них только сравнительно большей степенью общности. Именно узкое понимание термина лежит в основе наиболее распространенных классификаций. При широком подходе метод охватывает весь процесс обучения. «Это весь путь, весь процесс обучения, взятый от его начала, когда учащийся еще ничего не умеет и ничего не знает, к овладению общеобразовательными знаниями, умениями, а также профессией, мастерством. Пока есть два метода обучения: метод индивидуального обучения и обучения группами» [1, с. 129]. Мы принимаем узкое толкование метода как способа обучающей работы учителя и организации учебно-

познавательной деятельности учащихся по решению различных дидактических задач.

Урок – сложное речевое событие. «Мы относим к сложным речевым событиям речевые события коллективного характера, планируемые, назначаемые, до определенной степени контролируемые, типичные, повторяющиеся, которые могут быть представлены в виде фреймов и сценариев. <...> Отметим, что обозначения некоторых сложных речевых событий совпадают с именами речевых жанров: лекция, доклад, беседа, интервью и др. »[6, с. 98-99].

Подобные макрообразованья, т. е. речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров, К. Ф. Седов называет гипержанрами, или гипержанровыми формами [5, с. 163]. Отдельные речевые события, входящие в состав макрособытия (сложного речевого события), К. Ф. Седов трактует как «микрообряд, который представляет собой оформление взаимодействия партнеров коммуникации, т.е. это достаточно длительное общение (интеракция), порождающее диалогическое единство или монологическое высказывание, содержащее несколько микротекстовых единиц» [5, с. 162]. Подобные «микрообряды» ученый называет речевыми жанрами. Эти инварианты вербальной коммуникации характеризуются общностью тематического содержания, композиционно-структурных, интенционально-прагматических, стилистических и других черт. В отличие от других жанров речи РЖ учителя – это устойчивые типы высказываний (текстов), основная цель которых заключается в «социализации нового члена общества (объяснении устройства мира, норм и правил поведения, организации деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверке понимания и усвоения информации, оценке результатов)» [8].

По мнению А.Р. Габидуллиной [4], речевой жанр и метод обучения взаимодействуют как способ и средство. Речевые жанры являются языковой формой того или иного обучающего метода, при этом название метода и речевого жанра нередко совпадает, например *фронтальный опрос, объяснение*.

Выбор словесного метода зависит от типа урока и его задач. Например, уроки изучения нового материала имеют следующие разновидности: урок-наблюдение, урок-эксперимент, урок – исследование объекта, поисковый урок, лабораторно-практический урок, урок постановки проблем и их решения, урок конструирования понятий (правил, закономерностей, гипотез), урок конструирования теорий, урок-концепт (построение

картины мира или ее части), урок работы с первоисточниками (культурно-историческими аналогами), интегративный урок, межпредметный урок, метапредметный урок, урок философского обобщения и др. [13, с. 373]. И хотя разновидности таких уроков предполагают различные способы подачи учебного материала, жанры речи отличаются постоянством. Например, жанрами передачи и восприятия учебной информации выступают *объяснение, лекция, рассказ, беседа и др.*

Так? речевой жанр *объяснение* А. Вежбицкая описывает с помощью семантических примитивов следующим образом:

думаю, что ты не понимаешь X

думаю, что ты хотел бы это понимать

говорю:

говорю это, потому что хочу, чтобы ты это знал [3, с. 197].

А.М. Сохор характеризует этот жанр как «частный случай обоснования, раскрытие существенных свойств изучаемого, его внутренней структуры и связей с другими объектами. По логической форме объяснение – всегда умозаключение, а чаще всего – последовательность умозаключений, вывод, рассуждение» [12, с. 9-10].

Как метод включает в себя ряд приемов, так и речевой жанр аккумулирует в себе речевые акты. Для обозначения жанровых форм, представляющих собой одноактные высказывания, К.Ф. Седов предлагает использовать термин «субжанр». В речи педагогов они играют роль методических приемов. Так, объяснение подразделяется на более частные виды речевых действий, к числу которых можно отнести *называние, характеристику, определение (дефинирование), обобщение, конкретизацию, вопросы и ответы, интерпретацию и переформулирование.*

Методы обучения – это не только способы объяснения, закрепления, обобщения и контроля знаний. К ним относятся и методы стимулирования и мотивации учения (Ю. К. Бабанский), в частности методы поощрения в учении и порицания недостатков в учении. Как правило, оценочные высказывания учителя выражаются в форме первичных речевых жанров (субжанров) – замечания, похвалы, ободрения, одобрения, благодарности, комплимента, упрека, нотации, критики, сетования, укора, упрека и др. Но это могут быть и вторичные (риторические) жанры речи, представляющие собой устные и письменные тексты аргументативного типа: оценка развернутого ответа ученика, отзыв, характеристика, рецензия и т.д.

Таким образом, вслед за А. Р. Габидуллиной мы можем выделить эпистемические, метадискурсивные и коммуникативно-

прагматические жанры речи педагога. Эпистемические (моделирующие и верификационные) РЖ призваны изменить картину мира адресата. Метакоммуникативные РЖ направлены на организацию процесса усвоения материала (рекомендации, разъяснение, формулировка правила, формулировка задания, комментарий и т.п.) и не обусловлены логикой содержания УТ. Фатические (коммуникативно-прагматическиские) жанры речи предназначены для регулирования межличностных отношений между коммуникантами: приветствие, утешение, разрешение, похвала, возражение и пр. [4, с. 274].

К эпистемическому жанру можно отнести оценку развернутого ответа ученика. В этом случае коммуникативная цель учителя – оценить ответ ученика, выразить отношение к содержанию и форме высказывания (а иногда и к самому ученику), побудить его к действию. Данный РЖ можно отнести к аргументативным текстам, которые, как правило, включают в себя тезис (что именно объясняется / доказывается) и само объяснение (доказательство). Данное речевое произведение имеет свою определенную структуру, включающую такие взаимосвязанные смысловые компоненты, как а) собственно оценку ответа ученика, б) ее обоснование, при котором отмечаются положительные и отрицательные стороны усвоения предмета, отношение к делу, в) рекомендации, т.е. советы, пожелания различного рода. Главная особенность такой оценки – сочетание стандарта (клише) и личностного речевого начала [11, с. 132]. Устная рецензия учителя носит директивный характер, поскольку «предполагает возможность обращения ученика к тому, что говорилось, обсуждалось, формулировалось на уроках, предшествовавших домашнему сочинению, и к тому, что ученик может освоить и закрепить в процессе самостоятельной работы...» [10, с. 92].

Большую роль в речи педагога играют метакоммуникативные жанры речи. Например, это может быть микротекст формулировки заданий – «компонент сложной иерархической структуры письменного ученого дискурса, организованный и функционирующий в соответствии с исторически сложившимися социально и культурно обусловленными нормами академической коммуникации в данном языковом сообществе» [9, с. 118].

Формулировки заданий выполняют такие функции: 1) интродуктивную (указание на объект, предназначенный для когнитивной обработки в соответствии с целями и задачами обучения): *Найдите в тексте неправильные глаголы, все три формы которых различаются*; 2) ориентировочную (введение установки на решение определенных познавательных и коммуникативных

задач) : *Установите, к какой тематической группе относятся данные ниже слова;* 3) информативную (микротекст формулировки передает дополнительные пресуппозиционные сведения относительно правил и норм языкового употребления, задает рамки ситуационного контекста, вводит фоновую информацию исторического и социокультурного плана, а вместе с этим и мнения, убеждения, установки адресата. На уроках английского языка это работа с лингвострановедческими текстами, аутентичными письмами, географическими картами и календарями, с пословицами, идиоматическими выражениями, аутентичными объявлениями, газетами, журналами, открытками, бытовыми предметами, атрибутикой) : *Составьте и прокомментируйте пары культурных знаков и символов Британии и Украины. Вот пример таких соответствий: The UK – Ukraine, London – Kiev, St. Paul’s Cathedral – the Andreevskaya Church, Kyivo Pecherska Lavra, W. Shakespeare – Taras Shevchenko, bagpipe – bandura* и пр.

Среди фатических жанров речи можно назвать побудительные. Обычно это одноактные высказывания. По мнению В. Б. Богданова, неинформационно-побудительные акты речи (субжанры) подразделяются на 2 класса в зависимости от того, осуществляются ли они на основании власти или социального положения или осуществляются без их использования. Первый класс соответствует инъюнктивам (прескрипциям), а второй класс определяется по признаку того, в чью пользу совершается соответствующее речевое действие – в пользу адресанта (учителя) или адресата (учащегося): реквестивы и адвисивы. К инъюнктивам относятся приказы, требования, распоряжения, разрешения, запрещения и др. Реквестивы – это просьбы. Адвисивы (суггестивы) – советы, рекомендации, предложения, приглашения и т. п. [2, с. 53-56]. Так, инвариантное интенциональное содержание совета – побудить адресата к необлигаторному, но, по его мнению, полезному действию – определяется прагматическим контекстом – комбинацией значений дифференцирующих прагматически релевантных признаков: 1) приоритетности адресанта, 2) бенефактивности действия для адресата и 3) необлигаторности его исполнения [7, с. 115].

Рамки статьи не позволяют нам описать все методы обучения и соответствующие им жанры речи. Пожалуй, это невозможная задача, поскольку в дидактике проблема классификации методов до сих пор не решена. Та же ситуация и в лингвистике: стройной типологии жанров речи (в отличие от теории речевых актов) не существует. Исследование жанров педагогической коммуникации проводится сейчас весьма интенсивно и имеет

большое прикладное значение для лингвистических дисциплин (в частности, теории речевых жанров, дискурс-анализа, теории речевой коммуникации и пр.) и педагогики (педагогической риторики, методики преподавания языковых дисциплин).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов С. П. Сущность процесса обучения : учеб. пособие по спецкурсу / С. П. Баранов. – М: Просвещение, 1981. – 143 с.
2. Богданов В. Б. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие / В. Б. Богданов. – Л. : ЛГУ, 1990. – 87 с.
3. Вежицкая А. Речевые жанры / А. Вежицкая // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 99–111.
4. Габидуллина А. Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие (на примере школьного предмета «русский язык») : дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.02. – русский язык / А. Р. Габидуллина. – Донецк, 2010. – 417 с.
5. Горелов И. Н. Основы психолингвистики : учеб. пособие/ И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.
6. Дубровская О. Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О. Н. Дубровская // Жанры речи. Вып. 3. – Саратов : Колледж, 2002. – С. 97–102.
7. Душина О. А. Совет как жанр педагогического дискурса / О. А. Душина // Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту. Вип. 5. Т. 2. – Серія «Філологічні науки». – Луганськ : Альма-Матер, 2004. – С. 109–118.
8. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 3 – 18.
9. Климанова О. А. Функциональная специфика учебных микротекстов: когнитивный аспект / О. А. Климанова // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках : межвуз. науч. сб. – Самара: Самарский ун-т, 2000. – С. 113–120.
10. Мещеряков В. Н. Жанры учительской речи. Публицистика. Рецензии на сочинения. Отзывы. Школьные характеристики. Педагогические эссе : учеб. пособие / В. Н. Мещеряков. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 248 с.
11. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 312 с.

12. Сохор А. М. Объяснение в процессе обучения: элементы дидактической концепции / А. М. Сохор. – М. : Педагогика, 1998. – 125 с.
13. Хуторской В. А. Современная дидактика : учеб. для вузов / В. А. Хуторской. – СПб. : Питер, 2001. – 554 с.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Речевые жанры и методы обучения языку

В статье показана зависимость жанра речи учителя от метода обучения. Характеризуются экстралингвистические особенности речи педагога как типа институционального дискурса. Соотнесены понятия «речевое событие», «речевой жанр» и «словесный метод обучения». Дана классификация жанров речи в соответствии с особенностями словесных методов обучения.

Ключевые слова: жанр речи, речевое событие, метод обучения, учебно-педагогический дискурс, педагогическая лингвистика.

SUMMARY

Baranova O. I. Speech genres and the method of teaching

The article explicates the dependence between the genre of the teacher's speech and the method of teaching. The extra-linguistic peculiarities of the teacher's speech as the institutional discourse are analyzed. The concepts of «a speech event», «a speech genre», «the verbal method of teaching» are compared. The classification of genres of speech in accordance with verbal methods of teaching is suggested.

Key words: speech event, speech genre, verbal method of teaching, teaching and pedagogical discourse, pedagogical linguistics.

*Е. С. Буряк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 378.046

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Внедрение элементов геймификации или игрофикации в образовательный процесс на всех его уровнях является важным этапом развития и совершенствования, связанным с интеграцией новейших информационных технологий в сферу образования. По мнению исследователей, растущая популярность геймификации связана, в первую очередь, с высоким потенциалом стимулирования мотивации, изменения отношения обучающихся к «скучному» процессу получения знаний и повышения его эффективности через игровые элементы.

Впервые термин «геймификация» был применен в сфере маркетинга, но с увеличением популярности цифровых устройств и информационных технологий продолжает развиваться и в других областях, включая здравоохранение, охрану окружающей среды, PR-менеджмент, управление персоналом и бизнес-сферу. Одним из ключевых направлений, где изучаются и внедряются методы геймификации, является образование. Так, данная технология предполагает активное обучение, объединяет в единое целое контент, игру и педагогические методики с целью повышения мотивации обучающихся [4, с. 81].

На первоначальном этапе методологическими основами внедрения игровых элементов в образовательный процесс занимались многие отечественные исследователи, среди них А. Н. Леонтьев, В. Д. Пономарев, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Л. В. Занков и др. Также известны труды зарубежных авторов, например, D. Dicheva, C. Dichev, I. Caponetto, J. Earp, M. Ott – эмпирические исследования по применению геймификации в сфере современного образования.

Термин «геймификация» или «игрофикация» сегодня широко распространен и имеет множество определений. В работе Карзенковой Е. П. понятие определено следующим образом: «Геймификация (от английского gamification «превращение в игру», «игрофицирование», «игрофикация») – использование игры и игрового мышления с целью привлечения внимания к товарам, услугам или IT-сервисам» [6, с. 114].

В широком и обобщенном смысле геймификацией можно назвать игру вне игры, т.е. применение игровой методики в неигровой ситуации. Исходя из вышеуказанных определений геймификацию в образовании можно рассматривать как «подход, предусматривающий применение в учебном процессе принципов компьютерных игр, игровых сценариев и динамик в неигровых ситуациях с целью повышения мотивации (внешней и внутренней), вовлеченности в процесс решения учебных задач и достижения учебных целей» [2, с. 47].

Геймификация может сыграть важную роль в образовательном процессе, учитывая, что мотивация признана одним из главных критериев успешности обучения. Однако использование принципов геймификации может иметь как положительные стороны, так и недостатки, связанные с потенциальным снижением внутренней мотивации обучающегося, усилением тревожности и кратковременным влиянием на вовлеченность его в стандартный учебный процесс. Несмотря на эти потенциальные недостатки, геймификация в образовании является одной из основных

тенденций повышения эффективности образовательного процесса в условиях информатизации.

В своих исследованиях Золкина А. В., Ломоносова Н. В. и Петрусевиц Д. А. представили анализ процесса применения геймификации, выделив следующие возможности и угрозы.

К возможностям применения процесса геймификации, по мнению авторов, можно отнести:

- повышение мотивации, вовлеченности и заинтересованности обучающихся;
- формирование адекватного отношения обучающихся к совершению ошибок;
- развитие коммуникативных навыков работы в команде;
- развитие чувства ответственности и приобретение уверенности в себе;
- выявление неявных способностей обучающихся нестандартным подходом;
- расширение спектра образовательных возможностей;
- саморазвитие педагога в информационной сфере.

К негативным последствиям применения в учебном процессе элементов геймификации авторы относят следующие пункты:

- подмена мотивации азартом с потерей первоначального смысла обучения;
- психологическая угроза подмены понятий реальности и игры;
- перенасыщение учебного процесса игровыми элементами;
- несоответствие игрового сценария образовательным целям;
- отсутствие свободы выбора у обучающихся, которые не заинтересованы в игровой форме освоения материала [5, с. 137].

Таким образом можно сделать вывод, что применение элементов геймификации в образовательном процессе возможно за счет использования природной склонности человека к игре, что является немаловажным фактом и при обучении иностранным языкам. Наиболее успешными, на наш взгляд, интерактивными элементами геймификации при обучении иностранному языку в игровом формате могут выступать онлайн-симуляторы, мобильные приложения и интерактивные видео, которые мы рассмотрим ниже.

В процессе обучения иностранному языку одной из важнейших задач преподавателя является создание реальных и воображаемых коммуникативных ситуаций для формирования и дальнейшего развития у обучающихся коммуникативной компетенции, что впоследствии позволит использовать иностранный язык для достижения взаимопонимания в условиях иноязычной коммуникации. Основательную помощь в этом процессе могут

оказать онлайн-симуляторы или игры-симуляторы жизни. Подобный вид игр дает участникам широкий выбор возможностей для нахождения в виртуальной среде, который зависит только от вида игры-симулятора. Так, игрок может принимать участие в сообществах по интересам, создавать виртуальные товары или предметы искусства, общаясь в чате или голосом.

Игры-симуляторы жизни приближают обучение к реальной действительности, так как моделируются практически все виды речевой коммуникации (официальный индивидуальный контакт, деловой разговор, свободная беседа, групповая официальная беседа, монолог в групповой беседе, публичное общение и т. д.) и сферы устного общения, которые присущи любому современному языковому коллективу. А возможность общения непосредственно с носителями языка помогает снять языковой барьер, погружая обучающегося в реальные условия иноязычного коммуникативного процесса и побудить его к поиску быстрых коммуникативных решений в различных ситуациях [3, с. 92-93].

Кроме игр-симуляторов в обучении иностранному языку онлайн, на наш взгляд, могут будут полезны онлайн-сервисы для изучения языка с элементами геймификации, мини-игры или флэш-игры. Мини-игры, предназначенные для обучения иностранному языку, обычно направлены на запоминание иноязычной тематической лексики и основываются на принципе повторения. Подобные игровые программы чаще всего однотипны, имеют стандартный тематический лексический набор, но полезны для формирования пассивного словарного запаса, который может быть переведен в активный посредством компьютерных игр, напрямую не предназначенных для обучения иностранному языку. При выборе такой игры обучающийся имеет возможность наблюдать большое количество диалогов в формате аудио+субтитры, где звучит живая речь персонажей. Кроме монологов и диалогов в игре могут быть другие важные тексты: подсказки, письма, дневники, инструкции, необходимые для ориентирования в основном сюжете и дальнейшего прохождения. Большое количество платформ и серверов, таких как Discord или Mumble – кроссплатформенных систем мгновенного обмена сообщениями с поддержкой VoIP и видеоконференций, предоставляющих возможность одновременной игры и использования голосового чата, позволяет закрепить полученный лексический минимум в диалогической речи непосредственно в процессе игры. Еще один способ обучения иностранному языку – это программы с элементами геймификации. Саму программу нельзя назвать игрой, но учебный процесс построен с элементами игры: персонажами, зарабатыванием очков, жизнью,

накоплением опыта и т. д. Среди наиболее популярных программ данного типа можно выделить следующие: Lingualeo, Duolingo, Memrise, Skyeng, Puzzle English и speakASAP.

Следующим эффективным способом обучения иностранному языку с применением интерактивных элементов геймификации являются мобильные приложения, имеющие ряд неоспоримых преимуществ, таких как портативность, доступность, мгновенное получение обратной связи, активное вовлечение и мотивация учащихся.

Современные мобильные технологии могут служить средством создания дополнительной реальности, используемой для развития коммуникативных навыков, формирования межкультурной и социокультурной компетенций, а также грамматических навыков, пополнения словарного запаса и его последующая активизация. Еще одним преимуществом является вариативность заданий. Например, блоги и социальные сети, мобильные мультимедийные инструменты, мобильные онлайн-упражнения могут использоваться для создания различных типов языковых и речевых заданий. Выбор мобильного приложения зависит от конечной цели, будь то совершенствование конкретного грамматического навыка или практика монологической речи. Мобильное обучение позволяет модернизировать систему языкового образования, делает возможным реализацию принципа индивидуализации обучения в аудиторной работе [1, с. 40].

Среди наиболее популярных мобильных приложений для изучения разных аспектов иностранного языка можно выделить следующие: BBC Learning English, Easy Ten, Cake, Tongo, ED Words, Elsa Speak, Lingvist и Quizlet. Каждое из этих приложений может использоваться как дополнение к основному курсу обучения, внеаудиторной работе или дистанционной форме обучения.

Подводя итог вышесказанному, геймификация в сфере образования – это развивающийся подход в обучении для поощрения мотивации, вовлеченности и запоминания за счет включения игровых элементов в среду обучения. Интерактивные элементы позволяют изменять классический формат обучения, модернизируя его формы и методы. Применение обучающих игр обеспечивает полную вовлеченность обучающихся, стимулирует самостоятельность мышления, принятия решений, повышает мотивацию к самому процессу обучения и к достижению более высоких результатов. Геймификация – это обучение с удовольствием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко, А. П. Мобильные приложения как инструмент геймификации языкового образования / А. П. Авраменко,

- В. Н. Шевченко // Вестник МГОУ. Серия : Педагогика. – 2017. – № 4. – С. 64-71.
2. Афонина, М. В. Контент-анализ понятия «геймификация» / М. В. Афонина, А. С. Харламова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3. – С. 46-50.
 3. Власова, Е. И. Онлайн-симуляторы жизни при обучении иностранным языкам / Е. И. Власова // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах : Сборник научно-методических трудов. – Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2016. – С. 91-96.
 4. Гольцова, Т. А. Использование средств геймификации в процессе обучения иностранным языкам / Т. А. Гольцова, Е. А. Проценко // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 81-89.
 5. Золкина, А. В. Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса / А. В. Золкина, Н. В. Ломоносова, Д. А. Петрусевич // Science for Education Today. – 2020. – № 3. – С. 127-143.
 6. Карзенкова, Е. П. Геймификация и возможности её применения в проектировании / Е. П. Карзенкова, Л. Е. Попок, О. С. Карзенкова // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 1. – С. 114-121.

АННОТАЦИЯ

Буряк Е. С. Интерактивные элементы геймификации в обучении иностранному языку

В статье рассматриваются сущностные характеристики интерактивного обучения. Описываются возможности использования некоторых инновационных интерактивных методов и приемов в обучении иностранному языку на примере элементов геймификации.

Ключевые слова: иностранные языки, интерактивное обучение, интерактивные методы обучения, геймификация.

SUMMARY

Buryak E. S. Interactive elements of gamification in teaching a foreign language

The article deals with the essential characteristics of the interactive education. It also describes the possible ways of using several innovative interactive techniques such as gamification while teaching English.

Key words: foreign languages, interactive learning, interactive teaching methods, gamification.

*И. А. Гребеник
(г. Луганск, ЛНР)*

УДК 378.016:81'243

**ОБУЧЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИМ
ОСОБЕННОСТЯМ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

На сегодняшний день, формирование коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического вуза приобретает существенно важное значение, т.к. профессиональная иноязычная коммуникация предполагает обмен научной и технической информацией при условии точности речевого общения. Владение базовыми методами и приемами практического перевода профессионально-ориентированных текстов и аутентичных материалов следует рассматривать в качестве критерия сформированности коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей, т.к. данные знания и навыки необходимы для адекватной реализации профессиональных задач и успешной профессиональной деятельности в условиях международного сотрудничества.

Целью данной статьи является изучение вопроса обучения теоретико-практическим особенностям перевода профессионально-ориентированных текстов в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического университета, в условиях модернизации высшего технического образования.

Исследованиям теории и практики перевода научно-технической и профессионально-ориентированной иноязычной литературы посвящены работы многих современных научных деятелей, педагогов и переводчиков: А.А. Авакян, И.А. Авхачевой, Н.Э. Аносовой, И.В. Грединой, В.Н. Комиссарова, А.Л. Кюрегян, М.Н. Макеевой, А.О. Ушаковой и др. Исследованиям проблемы формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых направлений подготовки, в контексте нашего исследования – инженерных и архитектурно-

строительных специальностей, посвящены работы многих современных методистов, научных сотрудников и лингвистов: Т.Н. Астафуровой, К.С. Григорьевой, О.П. Корниенко, Г.А. Кручининой, О.Л. Ларионовой, М.В. Мельникова, Н.А. Проскуряковой, Т.А. Саркисян и др.

Следует отметить, что в настоящее время обучение специфике перевода иноязычных научных, технических и профессионально-ориентированных текстов и аутентичных материалов, в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей, занимает важное место в методике и практике иноязычного образования. Важно сказать, что характерными особенностями научного и технического стилей являются содержательность (информативность), логичность изложения материала (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и деталями), объективность и точность [1]. Так, под переводом научной и технической литературы следует понимать определенный процесс межъязыкового преобразования письменного научно-технического текстового материала доступными средствами переводящего языка; данный вид перевода ориентирован, главным образом, на полноценный, адекватный и полный перевод, принимая во внимание особенности и содержание фактического исходного текста, с учетом структуры, стиля и лексико-грамматических особенностей, в сочетании с правильностью и точностью языка, на который выполняется данный перевод. При переводе научно-технического текста построение фразы имеет цель ясно и точно передать мысль, поэтому смысл содержания не меняется от разделения предложения на составные отдельные части, от перегруппировки частей предложения и от соединения частей в одно целое предложение. При переводе иноязычной терминологии необходим точный эквивалент, который подбирается посредством логико-лингвистического анализа специального слова или словосочетания и связей данной лексической единицы с исходным контекстом иноязычного текста [4].

Имеет необходимость отметить, что в рамках формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых направлений подготовки развитие базовых навыков перевода иноязычной технической литературы и профессионально-ориентированных текстов является одной из первостепенных задач обучения иностранному языку в техническом университете. Следует сказать, что научные и технические термины являются наиболее подвижным слоем лексики; под термином следует понимать слова и словосочетания,

специального (научного, технического) языка, создаваемые или заимствованные для точного выражения и обозначения специальных явлений, понятий, объектов или предметов; данные слова возникают в результате стремления языка к максимально сжатой и точной передаче информации. Так, термины и терминологию с позиций трудности перевода следует разделить на следующие структурные группы: 1) Термины, обозначающие реалии иностранной действительности. Перевод терминов данной группы предполагает использование следующих приемов перевода: а) в качестве эквивалента используется переводящий термин, форма которого связана с формой исходного термина (интернациональные термины); б) в качестве эквивалента используется переводящий термин, форма которого не связана с формой исходного термина; в) значение многокомпонентного исходного термина, состоящего из нескольких слов, совпадает по значению и форме с соответствующими компонентами переводящего термина; г) общее значение многокомпонентного исходного термина полностью совпадает со значением аналогичного переводящего термина, но отдельные его компоненты отличаются от компонентов переводящего эквивалента. 2) Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в действительности переводящего языка, но имеющие общепринятые терминологические эквиваленты. 3) Термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в действительности переводящего языка и не имеющие общепринятых терминологических эквивалентов. Перевод данных терминов достигается посредством: а) описания терминологической единицы; б) дословного перевода; в) частичной или полной транслитерации; г) транслитерации и дословного перевода; д) транскрибирования; е) транскрибирования и перевода [3].

Следует подчеркнуть, что основная неточность при переводе терминов состоит в стремлении подобрать буквальное соответствие, точный эквивалент иностранному термину в переводящем языке. Данный подход является не верным, т.к. в таком случае исчезает специфика реалий иностранной действительности и в то же время может возникнуть неточность в связи с тем, что данные термины могут выражать понятия, характерные только для иноязычной действительности и поэтому не соответствуют реалиям, которые приняты в специальных материалах переводящего языка. Соответственно, в процессе перевода необходимо учитывать фактическое значение терминологической единицы в определенном контексте. Важно

учитывать все возможные изменения значения термина при использовании множественного числа, т.к. от этого зависит правильность и адекватность перевода текста [2].

На основании проведенного нами анализа научно-исследовательской, научно-педагогической и методической литературы, мы пришли к выводу, что обучение теоретико-практическим особенностям перевода профессионально-ориентированных текстов в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых направлений подготовки, в контексте нашего исследования – инженерных и архитектурно-строительных специальностей, является практически оправданным и целесообразным условием и методом обучения в техническом высшем учебном заведении. Иноязычная научно-техническая литература и профессионально-ориентированные тексты содержат большое количество терминологической лексики, которая отражает проектную, конструкторскую, производственную, технологическую и организационно-управленческую сферы деятельности будущего специалиста. Таким образом, с целью формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей и для достижения значимых результатов в образовательном процессе следует обучать практическим методам, техникам и приемам перевода иноязычных профессионально-ориентированных текстов, аутентичных материалов и неадаптированной научно-технической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боришанская М.М. Об особенностях перевода научного текста / М.М. Боришанская, М.А. Курбакова // Известия МГТУ «МАМИ» № 4(22), Серия «Социально-гуманитарные науки», 2014. – Т. 5. – С. 165 – 168.
2. Красавина О.И. Специфика перевода терминологии в научно-технических текстах / О.И. Красавина, О.Г. Ветрова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – №2. – С. 114–118.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Ушакова А.О. Специфика технического перевода / А.О. Ушакова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики № 4, Пермь. 2017. – №4. – С. 18 – 26.

АННОТАЦИЯ

Гребеник И. А. Обучение теоретико-практическим особенностям перевода профессионально-ориентированных текстов в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей

В данной статье был изучен и проанализирован вопрос обучения теоретико-практическим особенностям перевода профессионально-ориентированных текстов в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического высшего учебного заведения. На основе анализа автор пришел к выводу, что обучение теоретико-практическим особенностям перевода профессионально-ориентированных текстов в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей является практически оправданным и целесообразным условием и методом обучения в техническом вузе. С целью формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей и для достижения значимых результатов в образовательном процессе следует обучать практическим методам, техникам и приемам перевода профессионально-ориентированных текстов и научной литературы.

Ключевые слова: теория и практика перевода, профессионально-ориентированный текст, коммуникативная компетенция иностранного языка, неязыковая специальность, аутентичные материалы, формирование специальных знаний и навыков.

SUMMARY

Grebenik I. A. Teaching the theoretical and practical features of translation of professionally-oriented texts in the context of formation of communicative competence of a foreign language among students of non-linguistic specialties

The issue of teaching the theoretical and practical features of translation of professionally-oriented texts in the context of formation of communicative competence of a foreign language among students of non-linguistic specialties of a technical university has been studied and analyzed in this article. On the basis of the analysis carried out, the author came to the conclusion that teaching the theoretical and practical features of translation of professionally-oriented texts in the context of formation of communicative competence of a foreign language among students of non-linguistic specialties is a practically justified and expedient condition and method of teaching at a technical university. In order to form the communicative competence of a

foreign language among students of non-linguistic specialties and to achieve significant results in the educational process, there should be taught practical methods and techniques for translating professionally-oriented texts and scientific literature.

Key words: theory and practice of translation, professionally oriented text, communicative competence of a foreign language, non-linguistic specialty, authentic materials, formation of special knowledge and skills.

*Н. С. Демченко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 316.74:80

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА СМИ
В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)**

В условиях современной геополитической ситуации интерес к средствам массовой информации продолжает стремительно расти. Очевидно, что внимание к данному вопросу прослеживается преимущественно в отношении электронных СМИ. Однако необходимо учитывать тот факт, что определённый пласт общества всё ещё отдаёт предпочтение своего рода «традиционным» способам передачи информации. Причины данного явления, на наш взгляд, заключаются в следующих положениях: прослушивание радиовещания в автомобиле по пути домой/на работу, вечер за просмотром телевизора в кругу семьи или же просто в виде «фоновых шума», невозможность или неумение пользоваться современными технологиями (в основном относится к определённой возрастной категории). Если подобные методы передачи информации (газетные, радио- и телетексты) потеряли бы свою аудиторию или были бы полностью заменены электронными СМИ, то их издание (реализация) существенно сократилось бы или остановилось вовсе. На фоне стремительного развития СМИ выводы об их скором исчезновении мы считаем опрометчивыми, поскольку перечисленные средства массовой информации по-прежнему остаются актуальными для «своего получателя».

Актуальность нашего исследования заключается в изучении современных проявлений особенностей языковых средств, используемых СМИ. Фактическим материалом для работы послужили печатные издания Донецкой Народной Республики за период с февраля 2022 года и по настоящее время.

Новизна исследования представляется в следующем: собран фактический материал авторской картотеки за 2022 год (печатные издания Донецкой Народной Республики), проведён анализ речевой агрессии в газетных текстах Донецкой Народной Республики, а также предложен краткий количественный анализ для оценки тенденции к сокращению языковых средств в изучаемых текстах.

Большинство исследователей отмечают, что именно средства массовой информации отражают тенденции языковых изменений и выступают отражением современного состояния языка нации. Несмотря на то, что тексты СМИ должны соответствовать литературной норме языка, учёные предполагают, что вариативность норм при передаче информации сейчас встречается чаще. Поскольку принципы изложения информации в этой сфере имеют отличительные черты от художественного, делового и других стилей языка, лингвисты предложили обозначить язык СМИ, в частности язык электронных СМИ, как самостоятельную «номинацию» [12, с. 8].

Так, цель нашего исследования – изучить печатные издания Донецкой Народной Республики на предмет проявления в них особенных черт языка СМИ и проследить их влияние на сохранение экологичности языка. Следовательно, предметом исследования являются характерные особенности языка средств массовой информации в газетных текстах.

Существуют различные подходы к определению языка СМИ. Теоретической базой для разработки данной проблемы послужили работы таких отечественных исследователей, как Г. В. Степанова, Д. Н. Шмелева, В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, Ю. В. Рождественского, С. И. Сметаниной, Т. Г. Добросклонской и др. В. Г. Костомаров настаивает, что средства массовой информации оказывают огромное влияние на формирование языковой нормы. В работе «Языковой вкус эпохи» исследователь анализирует языковые процессы, происходящие в русском языке с учетом этого влияния и различных экстралингвистических факторов. В свою очередь, профессор Ю. В. Рождественский определяет важнейшие социолингвистические аспекты языка СМИ, отмечая, что «массовая информация является глобальным текстом, объединяющим разные языковые сообщества с их различными социальными речевыми структурами» [10, с. 477]. Значительным вкладом в развитие концепции языка СМИ выступают также работы С. И. Сметаниной «Медиа-текст в системе культуры» и Т. Г. Добросклонской «Вопросы изучения медиатекстов».

Основываясь на анализе контекстного употребления словосочетания «язык СМИ», С. В. Давыдова в исследовании «Язык средств массовой информации» предлагает несколько распространённых определений. Одним из наиболее концептуальных для данного исследования мы видим следующее: под языком средств массовой информации понимается «особая знаковая система смешанного типа с определённым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из средств массовой информации – печати, радио, телевидения, Интернета» [3, с. 94].

Причина, по которой мы считаем, что язык СМИ может нести угрозу безопасности лингвистической экологии, отмечается в научном труде Т. Г. Добросклонской: «СМИ выполняют функции своего рода катализатора в формировании и протекании языковых процессов» [7, с. 46]. Исследователь также отмечает, что «слово в масс-медиа обладает необыкновенной силой: появившись однажды в телевизионной речи или на страницах прессы, оно мгновенно подхватывается массовой аудиторией, всё глубже проникая в родной язык, каким бы чуждым поначалу оно ни казалось» [там же]. Таким образом, средства массовой информации обладают существенной «властью» над современными процессами, протекающими в языке.

В. В. Воробьев приводит обобщённый перечень отличительных характеристик языка СМИ. Несмотря на тот факт, что работа отражает состояние публицистического стиля массовых коммуникаций конца XX века, мы считаем, что исследование В. В. Воробьева остаётся актуальным материалом для изучения современных способов передачи массовой информации. Итак, для языка СМИ характерными чертами являются:

1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (прежде всего Интернет, в котором развиваются новые виды текста и диалогических форм);

2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;

3) демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

4) следование речевой моде;

5) «американизация» языка СМИ [1, с. 16].

Специалисты в сфере печатных медиатекстов считают, что газеты и журналы до сих пор пользуются спросом. Обобщая названные учёными основания для подобного вывода, мы можем

выделить следующие наиболее реальные из них: 1) вопрос доверия – общество больше доверяет печатным СМИ, т.к. любой человек может опубликовать информацию в Сети, а газетные тексты подвергаются контролю; 2) печатные СМИ имеют целевую аудиторию, чаще всего среди тех, кто не имеет доступа к электронным средствам массовой информации; 3) «осязаемость» печатного издания поясняется как «возможность подержать в руках», «приятно перелистывать страницы».

По мнению Е. А. Земской, язык газет «стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, даже грубых, пронизанных элементами жаргона и просторечий [8, с. 91]. Исходя из этого, мы полагаем, что газетные тексты могут представлять интерес для оценки состояния современного языка средств массовой информации в лингвоэкологическом аспекте.

Следуя высказыванию индийского философа Махатмы Ганди «Хочешь изменить мир – изменись сам (начни с себя)», мы считаем необходимым прежде всего изучить газетные тексты Донецкой Народной Республики и рассмотреть возможные угрозы лингвоэкологии. Так, объектом нашего исследования выступили печатные издания (газетные тексты) Донецкой Народной Республики за февраль и май 2022 года. К ним относятся: «Народная Волна», «Итоги недели», «Итоги и факты», «Неделя» и «Комсомольская правда – Донбасс».

Нами был собран материал из перечисленных выше изданий методом сплошной выборки с целью проиллюстрировать некоторые характерные особенности современных газетных текстов, а также в общих чертах обозначить актуальное состояние языка печатных СМИ на территории Республики.

С точки зрения психолингвистики исследователи часто относят речевую агрессию к разновидности речевого поведения (отсылка к указанному ранее перечню особенностей языка СМИ). В рамках нашего исследования, мы рассматриваем речевую агрессию как «использование языковых средств для создания конфликтной среды с целью негативного воздействия на объект речевой агрессии, как целенаправленного, так и неосознанного» [5, с. 122]. В языке печатных СМИ речевая агрессия может быть выражена в имплицитной и эксплицитной формах. Определяя способы её проявления, мы заметили, что в её основе могут лежать как языковые средства (в основном, лексические), так и дискурсивные (например, высказывания, попадающие под определённый конфликтный жанр речи).

В анализируемых печатных изданиях были обнаружены следующие примеры речевой агрессии: «Обывателей

“цивилизованного мира” запугивают возрождением великой державы» (комментарий к фото, «Неделя» от 03.05.2022 г.) – использование кавычек для словосочетания *“цивилизованный мир”* с целью высмеивания, «запугивают» – глагол с отрицательной коннотацией (заставлять бояться); *«Евразийским интеграционным процессам мешают коррупционные интересы местных элит»* (там же) – цитата принадлежит Никите Мендковичу, в словах политолога ярко выражена оценка представителей власти; *«Обитатели интернета часто производят впечатление буйнопомешанных (и психологи говорят, что это недалеко от истины)»* (там же, ст. «Британия борется с детской игроманией») – оскорбление с предпринятой попыткой снять с себя ответственность: специалисты считают так же (близко к тому); *«Вот и банкиры вспомнили, что они сначала банкиры, а уж потом патриоты. И “переобулись”»* («Итоги и Факты. События недели» от 03.05.2022 г., ст. «Большое ограбление по-киевски») – усилительная частица *«уж»* использована с целью дополнительного эмоционального окрашивания последующего слова *«потом»* (в п-ую очередь). Заголовок (заглавие) статьи также выражает речевую агрессию. Аналогия, которую приводит сам автор статьи – прозрачна. Автор ссылается на цитату Майкла Бейзилера, писавшего о политике ариизации: *«Холокост был одновременно величайшим убийством и величайшим грабежом в истории»*. Ещё одним ярким примером можно назвать другую статью в этом же выпуске *«Макрон мечтает править долго»: «Теперь шутят, что совсем скоро Макрон в восьмой раз позвонит Путину и откажется от предвыборного заявления, что Франции вообще не нужны ни российская нефть, ни её газ»* – формулировка предложения указывает на высмеивание ситуации в целом и поведения Макрона в частности. Начало предложения *«Теперь шутят...»* акцентирует внимание реципиентов на том, что такое мнение распространено.

Одной из существенных проблем в языке СМИ Т. А. Воронцова считает «тенденцию к экономии языковых средств (распространение аббревиатур, склонение аббревиатур: *вуз, СПИД, ОМОН*)» [2, с. 25]. Для того, чтобы подтвердить/опровергнуть данное утверждение в отношении газетных текстов Донецкой Народной Республики, мы выбрали газету «Неделя» № 18 от 3 мая 2022 года. В анализируемом выпуске газеты – 32 страницы. Для анализа были выбраны 26 страниц (1, 28-32 страницы были исключены по следующим причинам: 1-я страница – титульная, 28-32 – «Готовим вместе» и страницы, содержащие анекдоты, сканворд, гороскоп на неделю). В пределах указанных страниц аббревиатуры встречались 120 раз

ровно (с учётом повторений, где среднее число повторений – 4 раза; без учёта иностранных аббревиатур и других сокращений). Наибольшее количество раз употреблялись аббревиатуры «ОМС» (обязательное медицинское страхование) – 20 раз в пределах одной статьи (более не повторялась) и «США» – 16 раз в пределах всего анализируемого фрагмента. Аббревиатуры, которые встречаются не более одного раза: БАД (в тексте «БАДом»), ВГИК (в тексте «ВГИКе»), ЖКТ, СПИД (в тексте «СПИДом»), ЧП и др. Для сравнения мы взяли ту же газету «Неделя» № 19 от 8 мая 2018 года. Общее число использования аббревиатур в текстах – 61. Также мы выделили те, которые встречались чаще всего: «СССР» – 18 раз, «США» – 14 раз. Результаты количественного анализа двух выпусков печатного издания «Неделя» представлены в таблице ниже.

Таблица 1. Результаты количественного анализа аббревиатур в исследуемых фрагментах

Наименование критерия	«Неделя» (май, 2018 г.)	«Неделя» (май, 2022 г.)
Анализируемый фрагмент в страницах	26	26
Общее количество аббревиатур в анализируемом фрагменте	61	120
Среднее число повторений аббревиатур в пределах всего фрагмента	2	4
Самые частые аббревиатуры (количество)	СССР (28) США (14)	ОМС (20) США (16)
Количество аббревиатур, встречающихся единожды	10	15
Склонение аббревиатур (количество в фрагменте)	2 (МИДу, СПИДа)	8 (БАДом, ВГИКе, СПИДом, МХАТ(а/е/е), ГОСТ(у/ам))

На основании проведенного анализа, мы считаем возможным заключить, что тенденция к экономии языковых средств (в виде использования аббревиатур) всё ещё актуальна для современных текстов газет.

Особое место в текстах СМИ занимает эвфемизация. Одно из наиболее универсальных определений эвфемизма предлагает

Д. Н. Шмелев. В его понимании эвфемизмами являются «слова и выражения, служащие в определённых условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [13, с. 199]. В ситуации, когда газетные тексты подлежат цензуре, журналисты завуалированно оценивают деятеля/событие с помощью эвфемизации. В качестве примеров мы рассматривали следующие цитаты: *«работать в белую»* (речь идёт о начислении пенсии, контекст: «...для высокой пенсии необходимо “работать в белую”, чтобы работодатель в обязательном порядке перечислял соответствующие выплаты в Пенсионный фонд»); *«подводное государство»* (контекст: «...перспектива оказаться подводным государством беспокоит в первую очередь самих жителей... (Мальдивы)»); *«Бикфордов инур»* и *«поджечь»* (контекст: «Бикфордов инур войны на самом деле в любой момент могут поджечь провокаторы»); *«выдергивать»* (контекст: «Киев пытается “выдергивать” бывших ополченцев, в том числе и с территории России»); *«большому восточному соседу»* (речь идёт о Китае в рамках исторической справки, контекст: «Почти семь лет, начиная с 1937-го, “асеевские” радиостанции поставлялись большому восточному соседу»); *«сворачивать»* (контекст: «В результате Китай начал сворачивать торговые отношения с Литвой...»); *«украинские события»* (контекст: «... об энергосбережении в Европе стали говорить ... задолго до украинских событий») и др. («Итоги и факты» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г.; «Неделя» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г.; «Комсомольская правда – Донбасс» от 10.02.2022 г.).

Изучая особенности следования речевой моде и «американизации» СМИ, на сегодняшний день мы считаем допустимым говорить об их объединении. В связи с определенным стремлением русскоязычного общества к заимствованию так называемых «модных» англо-американских слов, а также учитывая масштабный характер этого процесса, исследователи предполагают появление угрозы сохранения литературной нормы языка. Подобная популяризация заимствований, на наш взгляд, обусловлена пропагандой западной культуры за счёт различных рекламных кампаний, а также сети Интернет. Примерами могут послужить слова, которые используются средствами массовой информации для передачи новостей в области экономики, политики, искусства, спорта: *импичмент*, *венчурный фонд*, *дрейф* (*дрейфовать*), *мониторинг*, *антиклерикал*, *рестрикция*, *эскалация*, *пиар*, *рейтинг*, *апартаменты*, *инсайдер*, *дедлайн*, *фитнес*, *паркинг*, *троллинг* и др. («Народная Волна» от 14.02.2022 г., «Итоги и факты» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г.,

«Неделя» от 08.02.2022 г. и 03.05.2022 г. и «Комсомольская правда – Донбасс» от 10.02.2022 г.) [4, с. 110-111].

Таким образом, мы рассмотрели основные определения языка СМИ и его характерные особенности в целом. Некоторые из них, чьё проявление в современных газетных текстах выражено достаточно ярко, были рассмотрены на фактических примерах газетного дискурса. Важным является то, что мы изучили тексты, публикуемые 1) за период с февраля по настоящее время, 2) в пределах Донецкой Народной Республики. На основании изученного материала мы можем говорить о неблагоприятных тенденциях в развитии русского языка с точки зрения его литературной нормы в средствах массовой информации. Принимая во внимание нацеленность лингвоэкологии на сохранение языка как «чистого» и соответствующего культуре речи, мы понимаем, что важно определить критерии лингвоэкологического анализа для медийных текстов, а также предпринять попытку разработки способов сохранения норм литературного языка в средствах массовой информации с учётом минимизации потери интереса к текстам со стороны реципиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Государственный язык России / В. В. Воробьев // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 3–16.
2. Воронцова Т. А. Культура речи : учеб. пособие / Т. А. Воронцова. – Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2011. – 141 с.
3. Давыдова С. В. Язык средств массовой информации / С. В. Давыдова // *Lingua mobilis*. – 2011. – №2 (28). – С. 93 – 96.
4. Демченко Н. С., Соснина Л. В. Заимствования в языке СМИ как угроза лингвоэкологии / Н. С. Демченко, Л. В. Соснина // Языки Донбасса : история, современное состояние, перспективы развития : материалы IV Респ. заоч. студенч. конф., посвящ. Междунар. дню род. яз. (Донецк, 29 марта 2022 г.) / Минобрнауки ДНР, ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», Кафедра краеведения. – Донецк : ГОУ ВПО «ДОНАУИГС», 2022. – С. 109–111.
5. Демченко Н. С. Элементы речевой агрессии в средствах массовой информации (на примере пресс-конференций, освещающих проблемы ЧС) / Н. С. Демченко // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. – ГОУ ВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР, 2021. – № 3(10). – С. 121–125.
6. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – Москва : МАКС Пресс, 2000. – 288 с.

7. Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т. Г. Добросклонская // Вестник МГУ. – 2005. – Сер. 19. – № 3. – С. 38–54.
8. Земская Е. А. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / : кол. монография под ред. Е. А. Земской. – 2-е изд. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
9. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 322 с.
10. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – Москва : Добросвет, 1997. – 597 с.
11. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры : Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург : Михайлов В. А., 2002. – 382 с.
12. Шарафадина К. И., Зеликина Н. С., Евдокимова Л. А., Сухотина И. А., Колесникова Е. И. Язык и стиль СМИ : учеб. пособие / сост. К. И. Шарафадина. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2016. – 228 с.
13. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – Москва : Просвещение, 1977. – 355 с.

АННОТАЦИЯ

Демченко Н. С. Некоторые особенности современного состояния языка СМИ в лингвоэкологическом аспекте (на материале газетных текстов)

В статье рассматриваются основные подходы к определению языка СМИ. Предлагаются некоторые особенности медиатекстов, характерные для современного газетного дискурса Донецкой Народной Республики. Обозначенные особенности подкрепляются фактическими примерами из печатных изданий. Определяется значение медиатекстов с точки зрения лингвоэкологии языка.

Ключевые слова: лингвоэкология, язык СМИ, медиатекст, языковой процесс.

SUMMARY

Demchenko N. S. Some features of modern state of media language in respect of linguoecological aspect (on materials of newspaper texts)

The article deals with the main approaches to definition of the mass media language. Some features of media texts, which are specific for the modern newspaper discourse of the Donetsk People's Republic, have been proposed. The indicated features have been analysed with

the actual examples from printed publications. The significance of the media texts in respect of the linguoecology of the language has been determined.

Key words: linguoecology, media language, mediatext, linguistic process.

*Л. А. Жиденко
(г. Горловка, ДНР)*

**УДК 811.111' 25
ПЕРЕВОД И АДАПТИВНОЕ ТРАНСКОДИРОВАНИЕ
КАК ПОСРЕДНИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

В XXI веке, веке всеобщей глобализации, информационных технологий и технического прогресса, не приходится доказывать важность межкультурной коммуникации, которая непосредственно связана с межъязыковым общением. Для успешной коммуникации человеку, независимо от страны его проживания, необходимо понимать собеседника, анализировать предоставляемую ему информацию, уметь вести дискуссию, ориентироваться в культурных ценностях представителя определенной лингвосоциокультурной общности. Сегодня информационные технологии, подразумевающие владение иностранными языками, задействованы везде: в промышленности, науке, образовании, социальных структурах, государственном управлении, экономике и культуре. Обучение за рубежом, научная деятельность, сфера бизнеса – всё это приводит к необходимости общения с представителями иноязычной культуры. Однако, без знания языка, понимания языковых реалий другой языковой общности людей, такое общение становится невозможным. Как отмечает в своей книге доктор филологических наук, профессор Д.Б. Гудков, «межкультурная коммуникация – это связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации, в том числе в языке, речи, письменности, и электронной коммуникации» [1, с. 48].

Огромную, если не основную роль в осуществлении подобных контактов при реализации межкультурной и межъязыковой коммуникации играет, конечно же, перевод, разные его виды и способы осуществления, где основополагающим является его содержательная сторона. Мы рассматриваем перевод как вид языкового посредничества,

который всецело ориентирован на иноязычный оригинал, а также как иноязычную форму существования сообщения, содержащегося в оригинале. Межъязыковая коммуникация, осуществляемая посредством перевода, в наибольшей степени воспроизводит процесс непосредственного речевого общения, при котором коммуниканты пользуются одним и тем же языком. Вслед за Комиссаровым В.Н. мы определяем перевод как «разновидность языкового посредничества, при котором на переводимом языке создается текст, который коммуникативно равен оригиналу [2]. В своем диссертационном исследовании Л. В. Савушкина рассматривает перевод как «ментальную интерпретативную деятельность», как определенный вид коммуникации, который производится посредством двух или более языков. Она указывает, что «для получения максимально положительного эффекта необходимо учитывать специфику общения, которая непосредственно связана с культурой взаимодействующих между собой общностей либо отдельных представителей различных этносов» [4, с. 11].

Общеизвестно, что при переводе в рамках межкультурной коммуникации необходимо не только точно передать содержание переводимого сообщения, но и добиться адекватного межкультурного контакта, что возможно только при понимании культурных традиций, национального колорита, которые обычно отражаются в форме, стиле, идиоматике, языковых и культурных реалиях переводимого языка. При переводе коммуникативного текста перед переводчиком стоит задача сохранения его культурных особенностей. Чтобы достичь адекватности перевода, лингвист должен быть знаком с культурой как исходного языка, так и языка перевода. Необходимо помнить, что из-за разницы в культуре и языке идеально точного перевода быть не может, но качественный, профессионально выполненный перевод позволяет переводчику эквивалентно и адекватно передавать содержание исходного текста средствами языка перевода с учетом межъязыковых и межкультурных различий. При осуществлении устного перевода, например, в режиме синхрон, переводчику, кроме вышеуказанных знаний, необходимо владеть информацией и о социально-бытовых нормах поведения автора, чтобы правильно истолковывать как вербальное сообщение, так и невербальное его сопровождение, например, мимику и жесты.

Однако в письменной и устной коммуникации случаются ситуации, когда точный, дословный перевод выполнить не удастся, либо, в случае дословного перевода, пострадает и форма и содержание. Наиболее часто это происходит в ситуациях со сложностями лингвистического или культурного

плана, при переводе как письменных, так и устных сообщений. Первые связаны с передачей каламбуров, игрой слов, вызванной омофонией или омографией, многозначностью слов. Вторые возникают, когда ситуационный признак, функционально приемлемый для текста языка-источника, полностью отсутствует в культуре, частью которой является язык, на который осуществляется перевод. На практике, мы сталкивались с подобного рода ситуациями при переводе с английского представителей Юго-Восточной Азии. В этом случае, и теория перевода теперь этого не отрицает, в качестве языкового посредника при коммуникации могут быть использованы и разные, в зависимости от сложившихся обстоятельств, варианты адаптивного транскодирования. Вопреки мнению многих лингвистов, отрицавших такую форму межъязыковой коммуникации, В.Н. Комиссаров одним из первых утверждал, что «в качестве языкового посредника переводчик может осуществлять не только перевод, но и различные виды так называемого «адаптивного транскодирования», которое он сам определяет следующим образом – *«адаптивное транскодирование* – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при обычном переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации. Специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу Рецепторов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале» [2, с. 48].

На практике адаптированное транскодирование может выглядеть как сокращенный перевод, когда отдельные части оригинала опускаются, например по моральным соображениям, политической этике или другим соображениям практического характера. Остальные же части оригинала могут передаваться традиционным эквивалентным переводом. При общении с известным штатным переводчиком главы одной из бывших советских республик (отличавшегося известной несдержанностью в высказываниях и крутым нравом), нам удалось выяснить, что переводчик неоднократно прибегал к такому приему – дабы смягчить перевод в целом, опускал некоторые острые высказывания автора по отношению к его зарубежному визави во время деловых переговоров, во избежание политического скандала.

Адаптивное транскодирование, выраженное по сути в адаптированном переводе, может заключаться и в упрощении либо

дополнительном объяснении структуры содержания оригинала в процессе перевода, с целью облегчения восприятия сообщения или текста отдельными реципиентами, которые не обладают достаточными знаниями по заданной теме, либо не соответствуют возрастной категории, или не обладают достаточным жизненным опытом для понимания. Такой вид адаптивного транскодирования используется при переводе достаточно сложных, с философской точки зрения, произведений в расчете на детей, либо при переводе научно-технического текста, сложной по контексту рекламы, когда они рассчитаны на неподготовленный, широкий круг читателей или собеседников. Специфика адаптивного транскодирования определяется направленностью языкового посредничества на конкретную группу получателей перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале.

Однако межъязыковая трансформация при всей своей важности не покрывает всего содержания понятия «перевод». При осуществлении процесса коммуникации в различных ситуациях и сферах часто возникает необходимость уточнить и пояснить смысл сказанного, меняя используемые для выражения той или иной мысли словесные знаки. Сюда же относятся и случаи перекодирования текста из одного функционального стиля в другой, изложение, адаптивное и т. д.

Проанализировав вышеупомянутые факты, мы приходим к выводу, что культурная ценность перевода и адаптивного транскодирования, как посредников межкультурной коммуникации, проявляется в облегчении процесса взаимодействия людей друг с другом, они включаются в обмен культурными ценностями, включая предметы, идеи, художественные образы и другие составные элементы культуры. Кроме того, они являются средством, удовлетворяющим духовные потребности человека, служат источником получения и накопления знаний, которые приобретены представителями человечества на протяжении всего его социокультурного развития. Можно утверждать, что участие перевода, во всех его разновидностях, в обмене культурными ценностями и взаимодействии культур, вносит существенный вклад в развитие мирового сотрудничества и прогресса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

3. Нечаева Е.А. К вопросу о необходимости знания особенностей межкультурной коммуникации в работе переводчика / Е.А. Нечаева// Актуальные вопросы перевода: сборник научных статей. – Нижний Новгород, 2016. – Вып. 6. – С. 218-224.
4. Савушкина Л.В. Перевод как проблема межкультурной коммуникации [Текст]: автореферат на соискание учёной степени кандидата культурологии (24.00.01) / Людмила Вячеславовна Савушкина; Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва. – Саранск, 2013. – 22 с.

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л. А. Перевод и адаптивное транскодирование как посредники в реализации межкультурной коммуникации

В статье рассматривается значимость перевода и адаптивного транскодирования в осуществлении межкультурной и межъязыковой коммуникации. Акцентируется внимание на том, что при реализации подобного вида коммуникаций переводчику необходимо владеть знаниями о культуре и национальных особенностях реципиента.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, перевод, транскодирование, адаптация, языковое посредничество.

SUMMARY

Zhidenko L. A. Translation and adaptive transcoding as intermediaries in the implementation of intercultural communication

The article discusses the importance of translation and adaptive transcoding in the implementation of intercultural and interlingual communication. Attention is focused on the fact that when implementing this type of communication, the translator needs to have knowledge about the culture and national characteristics of the recipient.

Key words: intercultural communication, translation, transcoding, adaptation, language mediation.

*А. М. Исаян
(г. Стаханов, ЛНР)*

УДК 372.881.111.1

ПОДАРОК ОТ STORY TELLING TECHNIQUES ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Одной из проблем, возникающих при обучении иностранному языку, остается сегодня проблема вовлеченности всех детей

в процесс обучения. Данный вопрос весьма актуален на всех этапах обучения. Мне кажется особенно важным привить детям интерес к английскому языку и снять страх общения на этом непривычном и непонятном языке. Самые интересные, непосредственные, сложные и самые благодарные при обучении иностранному языку – это дети начальной школы. Они восприимчивы ко всему новому, с интересом узнают что-то неизвестное ранее, однако быстро устают при выполнении однообразных заданий. Согласно психологическим особенностям дети этого возраста предпочитают игру как основной вид деятельности, в том числе направленный на усвоение чего-то нового.

Психологами доказано, что игра «оправдывает» переход на новый язык. Она является одновременно и интересным видом работы для ученика, и аналогом языковых упражнений для учителя, благодаря которым развиваются навыки всех видов речевой деятельности. Игра обладает такой особенностью, как универсальность: использование игровых приёмов можно приспособлять к разным целям и задачам, они выполняют множество функций в процессе развития ребенка: облегчают учебный процесс, помогают усвоить материал и ненавязчиво развивают необходимые компетенции [1].

Младшие школьники учатся наблюдая, слушая, имитируя, делая что-нибудь своими руками, одним словом – действуя. Их отличает также умение подражать, драматизировать, инсценировать. Обладая богатым воображением, они с удовольствием играют. Младшие школьники отличаются стремлением к игре и потребностью к ней, поэтому игровая основа обучения становится важным аспектом. Игра, как основной способ обучения на начальном этапе, позволяет представить все упражнения как коммуникативные, что в свою очередь является весьма важным. Так как основная задача при изучении иностранного языка – научить детей общаться.

Известно, что дети быстро запоминают и быстро забывают. Для лучшего запоминания языкового материала нужно помнить правило «3 R» – Rhyme. Rhythm. Repetition (Рифма. Ритм. Повтор). Одним из важных подходов к обучению языку является активное использование песенок, рифмовок, считалок [5].

В песнях лучше усваиваются и активизируются грамматические конструкции, совершенствуются навыки произношения, развивается музыкальный слух ребенка и его творческие способности. Лучше всего грамматические и лексические структуры запоминаются в чантах (Chants), которые позволяют развивать чувство ритма и интонацию английского произношения.

Для успешного усвоения материала необходимо варьировать виды деятельности учащихся на уроке. Зная, что психологический объем внимания составляет 10 минут, учитель должен разнообразить формы работы, используя спокойные и подвижные, индивидуальные и коллективные задания. Частая смена видов деятельности ученика способствует экономии нервных затрат.

Среди разнообразных современных технологий, позволяющих посредством игры добиться хороших результатов и вызывающих неизменный интерес у детей, особое место занимают *Story Telling Techniques*, которые наряду с успешным усвоением языкового материала, способствуют развитию активного самостоятельного мышления и познавательных способностей у детей младшего школьного возраста [2].

Модное слово “Storytelling” можно услышать сегодня применительно к различным областям современной жизни. Люди любят интересные истории, и это с успехом используется в рекламе, психологии, маркетинге, политике.

А еще сторителлинг – это эффективная технология обучения иностранному языку, которая особенно зарекомендовала себя в работе с детьми, так как они открыты, способны быстро подхватывать слова и выражения, имитировать язык, любознательны, имеют развитое воображение и способность искренне сопереживать вымышленным героям.

Что такое *Story Telling*?

В культуре всех народов существует детская литература: рассказы, истории, сказки, стихи. Рассказы не только развлекают детей, но и помогают взрослым воспитывать детей, развивают творческие способности детей, пробуждают желание учиться и косвенно обучают.

На уроках английского языка рассказы можно использовать для введения, тренировки и применения новых языковых структур, лексики, обучения чтению, аудированию, говорению на самых ранних этапах обучения.

Как ребенок учится родному языку? Даже если ребенка никто не обучает, он:

- подхватывает слова и выражения;
- вовлекается в язык;
- имитирует язык;
- взаимодействует с окружающими.

Таким же образом *Story Telling Techniques* позволяют обучать английскому языку детей младшего школьного возраста. *Story Telling Techniques* включают *listening to the story, telling the story, dramatizing the story*.

На мой взгляд, более интересен сторителлинг, именно как отдельный способ преподавания иностранного языка. Этот метод еще в советский период пропагандировала чудесная детская поэтесса, преподаватель английского языка, лингвист, переводчик и замечательный рассказчик Рената Григорьевна Ткаченко или более известная как Рената Муха.

Она называла свои истории «Сказочный английский» и практиковала их в России, США, Англии, Германии и Израиле. Иногда, правда, сказочным становился не английский, а русский язык.

Как писала сама Рената Григорьевна: «По мере развития рассказа на уроке с использованием storytelling студенты переставали быть слушателями и зрителями и взамен становились его участниками, действующими лицами, сорассказчиками, а иногда и соавторами» [6].

А в чем, собственно, польза?

Хорошо рассказанная сказка или история развивает воображение, неважно, на каком языке она рассказана. Об этом знают все.

История, рассказанная на иностранном языке

- способствует развитию познавательных способностей, (так как дети должны отфильтровывать новые слова, понять их смысл, предсказать, какая фраза будет следующей и т. д.);

- развивает воображение, улучшает самооценку маленьких слушателей, дает им уверенность в их действиях и дополнительную мотивацию к исследованию нового, в том числе и к изучению иностранного языка;

- помогает даже скромным малышам принять активное участие в процессе;

- восполняет отсутствие языковой среды и естественного общения;

- дает практику понимания на слух, языковой догадки и правильного реагирования на высказывания;

- сближает различные темы, которые обычно изучаются отдельно (например, сказка «Три поросенка»: в ней сочетаются словари, связанные с животными, размерами, материалами);

- помогает непринужденному введению и закреплению новых языковых структур и лексики, обучению беспереводному чтению, аудированию и говорению на самых ранних этапах обучения.

Этим требованиям в полной мере отвечают народные сказки, рассказы классиков детской литературы. К ним можно отнести сказки «Репка», «Три медведя», «Теремок», «Красная шапочка».

Как удерживать внимание детей?

Рассказывая, вы находитесь в постоянном зрительном контакте со всей группой, вы видите сомнение или непонимание

и тут же реагируете, поясняете, показываете жестом, задаете вопрос.

Дети в это время также смотрят на вас, слушают историю, в головках складывается собственный образ рассказываемого. Они лучше слышат и активнее реагируют, так как для того, чтобы ответить, не нужно отвлекаться от картинки.

А нам только того и надо: чтобы они слушали, слышали, воспринимали и реагировали. В этом и состоит процесс обучения иностранному языку.

Какими правилами нужно руководствоваться, рассказывая детям сказки на английском языке? Зачем они нужны? Затем, что основная цель любого метода обучения – заставить говорить. Только вот с детьми это можно сделать, если им очень-очень интересно и все понятно.

Как рассказывать истории на английском, чтобы дети слушали?

Правил немного:

1. Рассказывать. Нужно точно понимать, что вы делаете: читаете книгу или рассказываете сказку. Если уж это сторителлинг – то историю нужно именно рассказывать, постоянно поддерживая визуальный контакт с детьми. Как это сделать? Учить наизусть, тренироваться дома на кошках, перед зеркалом. Постепенно историй и сказок будет все больше, а мастерство рассказа вырастет до небес.

2. Рассказывать эмоционально. Сказка должна быть с мимикой, жестами, песнями. Тогда она будет понятна ребенку с любым уровнем английского.

3. С повторением. Проговаривать с детьми слова, целые предложения, повторяющиеся фразы. Все-таки функция сторителлинга – коммуникативная, можно придумать много разных способов, чтобы заставить детей говорить (повторять парами, индивидуально, только мальчики, только девочки, громко крикнуть, тихо прошептать и т.д.).

4. С инсценировкой. Если сказка позволяет, ее можно сразу же инсценировать (например, «Репка» очень проста в обыгрывании по ходу рассказа), добавить в нее песенки или простые стихи. Чем больше у детей участия, тем им интереснее.

5. С минимумом наглядного материала. Онаглядном материале есть разные мнения: современная методика рекомендует использование различных карточек, картинок, презентаций, пальчиковых игрушек и т.д. А Рената Муха, о которой говорилось ранее, считала, что «вспомогательные материалы следует использовать умеренно у них есть тенденция вмешиваться в процесс взаимоотношений между учителем и учеником». И в

этом с ней многие согласны: тут уж дело каждого, но либо вы читаете книгу с картинками, либо рассказываете. Лучше изредка использовать что-то, что проиллюстрирует новое слово, да и то, если его сложно объяснить по-другому.

На что обращать внимание, собираясь рассказать детям сказку?

Во-первых, детям важно понимать, о чем им рассказывают. Поэтому лучше использовать известные им рассказы и сказки, начинать с хорошо известных и имеющих русский и английский аналог. Например, существует американский вариант сказки «Колобок» – «The Gingerbread Man». Она немного другая, но все равно узнаваема и отлично воспринимается детьми, которые только начинают погружаться в язык. «Три поросенка» имеет хорошую структуру, много повторений учат различать разные материалы. И это английская сказка.

Во-вторых, история должна быть ритмичной, динамичной, содержать большое количество повторений и запоминающихся фраз. Повторения необходимы, чтобы постепенно отдать инициативу ученикам и дать им возможность принять участие в рассказывании истории.

В-третьих, структура рассказа должна давать детям возможность двигаться.

В-четвертых (а может быть, это нужно было поставить на первое место), история должна нравиться самому рассказчику. Если вы не получаете от нее никакого удовольствия – как же его передать детям?

Как «разговорить» ребенка, используя Storytelling

Итак, мы рассказали нашу историю, расшевелили детей, убедили повторять целые выражения... И теперь самое главное – предложить детям закрепить услышанное. Можно предложить расположить картинки, представляющие героев, согласно порядку их появлению в сказке. Можно отправиться в путешествие по тропинке, где расположены герои сказки. Можно открыть “Magic Box”, где находятся герои (игрушки, рисунки). Необходимо дать возможность почувствовать, что они могут говорить сами, и это понятно и весело. Целесообразно бывает посвятить целый урок работе в этой технике.

Говоря о достоинствах Story Telling Techniques, можно выделить наиболее значимые виды деятельности. А именно, Story Telling Techniques позволяют учителю:

- проявить свои способности к творчеству и осмысленному общению;
- привлечь к активной работе на уроке всех учащихся;
- избегать монотонности, однообразия и шаблона;

- проводить серьезную лингвистическую работу в форме живого общения;

- учить общаться на иностранном языке в коллективе.

Подводя итоги моей работы, хочется отметить, что применение данного вида работы с младшими школьниками позволяет мне снять у детей «страх» перед английским языком и вовлечь в процесс обучения самых тихих и порой закомплексованных детей. На уроке всегда должно быть интересно, и Story Telling Techniques помогает сделать урок ярким, увлекательным и запоминающимся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игра – метод обучения английскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://knowledge.allbest.ru/pedagogics/2c0a65625a2ac78a4c53a88421216d27_0.html (дата обращения: 12.05.2022).
2. Марванова Е. Р. Технология Story Telling в вводном курсе обучения английскому языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gigabaza.ru/doc/93501.html>.
3. Методика обучения иностранному языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sbiblio.com/biblio/> (дата обращения : 12.05.2022).
4. Младшие школьники, познающие иностранный язык. Английский для начальной школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.prometeus.nsc.ru/archives/exhibit2/forlang.ssi> (дата обращения : 12.05.2022).
5. Новичкова Г. Б. Особенности обучения английскому языку в начальных классах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2016/03/28/osobennosti-obucheniya-angliyskomu> (дата обращения : 12.05.2022).
6. Тор Х. Рената Григорьевна Муха – поэт, переводчик, ученый и просто жена, мама, бабушка [Электронный ресурс] // The Epoch Times. – Режим доступа : <https://www.epochtimes.ru/content/view/57716/82/>.

АННОТАЦИЯ

Исаян А. М. Подарок от Story Telling Techniques для начальной школы

Данная работа посвящена методике Story Telling и ее применению при обучении английскому языку в начальной школе.

Ключевые слова: обучение детей английскому языку, инновационные технологии, методика сторителлинг.

SUMMARY**Isayan A. M. A gift from Story Telling Techniques for the primary school**

This work is devoted to the Story Telling Techniques and its implementation in teaching at the primary school.

Key words: teaching children English, innovation technologies, Story Telling Techniques.

*Н. В. Колесник
(г. Красный Луч, ЛНР)*

УДК 811.161.1

**ИНТЕРАКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ MIND MAPPING
КАК СПОСОБ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К НАПИСАНИЮ
АРГУМЕНТИРОВАННОГО ЭССЕ НА УРОКАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Обучение написанию эссе на уроках английского языка требует от обучающихся средней и старшей школы широкого спектра знаний. Подготовка к написанию эссе развивает у обучающихся коммуникативные умения: умение анализировать содержание текста, умение самостоятельно составлять структурированный текст, а также совершенствует знания лексики и грамматики.

Современная методика преподавания иностранного языка предлагает огромное количество новейших технологий преподавания, главное место среди которых занимают «интерактивные технологии». Одной из главных технологий преподавания является майндмэппинг (mind mapping). Майндмэппинг – технология, появившаяся на стыке психологии и информатики и представляющая собой принципиально иной способ аналитического представления информации, основанный на графическом отображении ассоциативных (а не обязательно логических) связей. На русский язык «Mind map» переводится как «ментальная схема», «ментальная карта», «карта разума», «интеллектуальная карта». Важно отметить, что технология майндмэппинга была впервые предложена ещё в шестидесятых годах прошлого века. Автор этого подхода – английский психолог Тони Бьюзен, зарегистрировавший словосочетание Mind Mapping в качестве товарного знака во многих странах. Тони Бьюзен вначале представил только бумажную версию построения интеллект-карт. Однако, уже в течение нескольких лет идут интенсивные разработки компьютерных версий инструментальных сред данной технологии.

Суть этой технологии заключается в построении логической цепочки между мышлением и письменным изложением. Тема раскрывается при помощи визуальной и ассоциативной картины.

В результате использования такого подхода формируется решение проблемы при написании обучающимся эссе по заданной теме. Mind map представляет собой диаграмму, которая связывает идею (тему написания) с ветвями (представлением, аргументальным обоснованием за и против и заключением (выводом)). Тони Бьюзен объясняет, что «mind map» является чрезвычайно эффективной технологией обучения, поскольку диаграмма использует не только визуальные образы, а сами по себе являются визуальными образами [1, с. 304]. Рассмотрим упражнение на основе технологии mind map с целью активизации и развития иноязычной письменной деятельности для подготовки к написанию аргументированного эссе. Для правильной разработки интеллект-карты на уроках иностранного языка при написании аргументированного эссе очевидно, что нужно соблюдать некоторые несложные, но принципиально важные правила:

- Предпочтительнее расположить лист горизонтально.
- Идея написания эссе должна располагаться в центре карты.

Идея написания эссе – главная проблема или главный вопрос.

- Ветви – это приведенные аргументы, взглянув на которые можно восстановить весь ход мысли.
- Заключение – это именно слово, а не фраза и ни в коем случае не предложение.

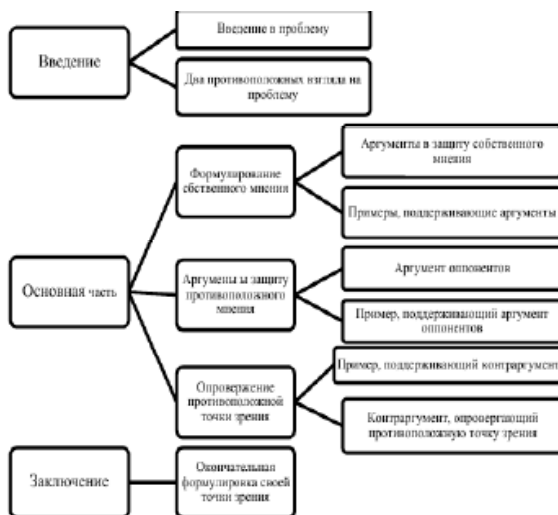

Рисунок 1. Структурные элементы бумажного варианта аргументированного эссе. И.А. Дьячкова [2, №7].

Кроме «бумажного» майндмэппинга существует и электронный майнмэппинг.

Для осуществления данной технологии на уроках иностранного языка также разработан широкий спектр программного обеспечения:

1. Free MindMap – бесплатное программное обеспечение с широким функционалом.

2. Sayra MindMap – бесплатное ПО с динамической оптимизацией структуры карты.

3. iMindMap Mobile Pro / iMindMap Mobile HD (\$7.99 для iPhone и iPod Touch, \$32.99 для iPad) – для мобильных систем.

4. Thinking Space Pro – программное обеспечение для планшетных компьютеров.

5. Mind Node – универсальное приложение.

Рассмотрим этапы составления электронного варианта mind map:

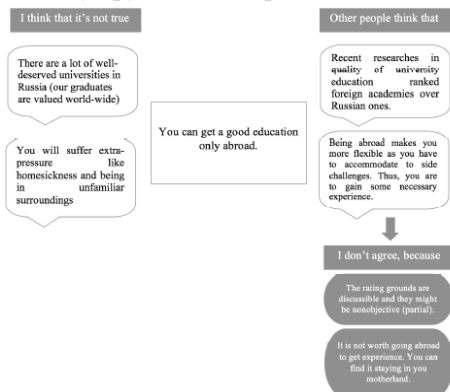
1. В центр карты поставьте тему эссе, предварительно ее сформулировав.

2. Определитесь, какой точки зрения Вы придерживаетесь. Напишите свою точку зрения заголовком слева (к примеру, «*I think it is ...*» / «*I suppose that...*»); под ним будут располагаться аргументы в пользу Вашей позиции. Справа напишите заголовок «*Other people think that...* / *On the other hand...* / *But...*»; под ним будут располагаться аргументы в пользу противоположной стороны.

3. Приведите 2–3 аргумента в пользу собственной точки зрения.

4. Приведите 1–2 аргумента в пользу противоположной точки зрения (справа).

5. Затем справа, от противоположных аргументов, проведите стрелку вниз и озаглавьте новую секцию «*I disagree, because...*». Здесь Вам необходимо собрать информацию для четвертого абзаца эссе. Подумайте о том, как Вы сможете опровергнуть аргументацию, приведенную в пользу другой точки зрения, и запишите ее.

Таким образом, рассматриваемая интерактивная технология «mind map» является одной из самых полезных на современном этапе изучения иностранного языка. «Mind map» позволяют привлечь обучающихся к сотрудничеству, тем самым обеспечивая более глубокое понимание предмета.

При разработке упражнений для развития навыков правильного оформления написания аргументированного эссе с использованием интерактивной технологии «mind map» следует соблюдать следующие требования [3, с. 240]:

- 1) коммуникативная направленность;
- 2) мотивированность;
- 3) наличие элемента новизны в упражнениях;
- 4) определение степени управления речевыми действиями учеников.

«Mind map» – это результат мышления обучающегося, преимуществом которой является быстрое запоминание лексики по теме, а также правил написания эссе или письма на иностранном языке. Творческая, а также интересная форма работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюзен Т. Суперинтеллект / Т. Бьюзен; пер. с англ. Е.А. Самсонов. – Минск: Попурри, 2003. – 304 с.
2. Дьячкова И.А. Эссе-мнение как особый тип текста на английском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 7. – URL: <http://ekoncept.ru/2019/195021.htm> (дата обращения: 01.01.2021).
3. Мастерство и личность учителя: на примере преподавания иностранного языка / Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев, Н.Е. Кузовлева и др. – Москва: Флинта-Наука, 2001. – 240 с.

АННОТАЦИЯ

Колесник Н. В. Интерактивная технология Mind Mapping как способ для подготовки к написанию аргументированного эссе на уроках английского языка

В данной статье рассматривается метод майндмэппинга, который помогает написать аргументированное эссе на уроках английского языка. Цель технологии основана на написании карты. Это дает возможность представить концепцию аргументированного эссе. Вовлеченность в процесс помогает получить продуктивный результат.

Рассмотренная интерактивная технология «ментальная карта» является одной из самых востребованных на современном этапе изучения иностранного языка в целом, а также в процессе подготовки к написанию аргументированного эссе.

Ключевые слова: интерактивная технология, технология майндмэппинга, аргументированное эссе.

SUMMARY

Kolesnik N. V. Interactive technology Mind Mapping as a way to prepare for writing a reasoned essay in English lessons

This article looks at the method of Mind Mapping that helps to write the argumentative essay in English lessons. The purpose of the technology based on writing a map. It gives an opportunity to imagine the concept of an argumentative essay. Involvement in the process helps to get a productive result.

The considered interactive technology «mind map» is one of the most popular at the present stage of studying the foreign language in general, as well as in the process of preparing for writing an argumentative essay.

Key words: interactive technology, mind mapping technology, argumentative essay.

*И. Г. Коловерова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.134.2'373.7

**АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА
ИСПАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ)**

Язык – это система знаков, и в нем мы оцениваем отношение соответствия и противопоставления. Язык, по мнению Фердинанда де Соссюра, имеет конкретное, автономное существование, независимое от речи. Поэтому можно утверждать, что язык не существует как автономное царство речи, что без речи язык не имеет реального существования, поскольку зависит от активного его использования говорящим или тем, кто понимает.

Стоит вспомнить слова Гаэтано Берруто из его книги «Социолингвистика», когда он утверждает, что в языковом коде можно выделить три разных вида стилей на основе трех неравных параметров: функциональный стиль, географический стиль и социальный стиль. Именно последний представляет интерес для исследования в данной статье, поскольку характеризует его как разновидность, используемую определенными социальными группами или социально-экономическими классами, которые определяются самим сообществом.

Язык – это живой организм, постоянно развивающийся и открытый для каждого нового термина, который может возникнуть в повседневном использовании. Человек сам создает различные фразы. Они теряют свой прямой смысл и приобретают новый, возникающий в результате семантического переосмысления одного или нескольких компонентов. Общество принимает их, распространяет, сохраняет, или они исчезают в зависимости от степени их полезности в определенный момент времени.

Фразеологизмы характерны для народной речи, и их изучением занимается фразеология, одна из самых молодых отраслей лингвистики.

Исследования в этой области возникли в первой половине 20-го века и получили значительное развитие в СССР. Некоторые лингвисты того периода заинтересовались этой дисциплиной, среди них такие, как О. Спенсер, А. Сеше, Ш. Балли (который одним из первых разработал теорию устойчивых групп слов в романских языках), А. А. Потебня, И. И. Срезневский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов и, наконец, В. В. Виноградов, автор фундаментальных концептов фразеологии. Он также установил существующие отношения между словом и фразой и наоборот.

Почти все исследователи утверждают, что лингвистическим единицам всех видов присущи постепенность или скалярность, то есть что категории, в пределы которых будут включены различные комбинации, интерферируются и отождествляются. Не существует совершенной схемы типологической классификации фразеологизмов и гораздо меньше единообразия в определении понятия «фразеология». Все зависит от субъективной оценки каждого учёного.

Зойла Карнеадо Море полагает, что пословицы, поговорки, фразеологические сочетания и фразеологические единицы находятся внутри фразеологизмов.

Это суждение было принято во внимание для данного исследования, а также мнение Глории Корпас Пастор, которая идентифицирует фразеологические единицы как оборот речи, термин, ставший популярным в нашей стране и имеющий несколько определений. Все они сходятся в том, что их устойчивость и единая синтаксическая функция являются главными признаками.

Известный немецкий ученый-лингвист Э. Кошеру представил широкую концепцию и в термин «оборот речи» также включил поговорки, пословицы, выражения, предложения и т. д.

Русский лингвист Молотков разграничил основные характерные особенности фразеологизма и оборота речи, поскольку последний термин предполагает сочетание, при

котором все слова сохраняют все свои особенности (лексическое значение, синтаксическую функцию и др.).

У известного учёного Касареса было ограничение в формулируемой им концепции, поскольку он оставил за пределами этого определения некоторые виды устойчивых словосочетаний. В одной из глав своей книги «Введение в современную лексикографию» он определяет речевой оборот как устойчивое словосочетание двух или более терминов, которые функционируют как элемент предложения и чей обычный единый смысл является не более чем суммой значения составляющих его единиц.

Лингвист Глория Корпас Пастор отмечает, что между выражениями и свободными сочетаниями есть несколько точек соприкосновения; но помимо этого она вводит их дифференциацию. Она утверждает, что обороты являются фразеологическими единицами языковой системы с внутренней и внешней фиксацией и единством смысла. Они не завершают высказывание и функционируют как члены предложения. В своем исследовании мы и придерживались этого определения, т.к. автор классифицировал обороты в соответствии с функцией, которую они выполняют в предложении.

Целью данной статьи является исследование некоторого количества речевых оборотов, которыми пользуется молодежь в повседневной жизни, их классификация в соответствии с критериями, предложенными Глорией Корпас Пастор, и анализ тропологического языка стилистических ресурсов в разных контекстах.

Молодежь, в данном случае подростки, составляет очень динамичную группу, и это проявляется в повседневной речи. Их характеристики, как социальные, так и психологические, способствуют появлению фразеологизмов.

Речь подростков беззащитна перед определенным жаргоном, которым пользуются разные люди в разных местах. Именно эта группа, а не другая, была отобрана по психологическим характеристикам, которыми обладают подростки, так как они являются наиболее чувствительными и восприимчивыми к любому языковому явлению и изменениям, которые они могут усвоить с этой точки зрения.

На этом жизненном этапе практически неизбежно возникают противоречия между подростками и взрослыми, склонность к поиску места в группе сверстников. Причины этих конфликтов кроются в разногласиях между этими двумя группами разных поколений.

С другой стороны, направляющей деятельностью на этом этапе являются подростково-эмоциональные отношения, которые основываются на взаимопомощи, доверии и уважении. Эти коммуникативные отношения будут выполнять аффективную,

информативную и регулирующую функции этого процесса. Кроме того, эти отношения представляют собой очень важный канал информации, позволяющий подросткам узнавать многие вещи, которые взрослые по каким-то причинам не объясняют им при общении.

Именно на этом переходном этапе жизни возрастает потребность в признании и одобрении со стороны группы, так что разные виды поведения подростков будут обусловлены этим желанием.

Молодой человек обладает взглядами, суждениями и мнениями морального характера, которые представляют собой относительную независимость от внешних воздействий; но в то же время эти оценки, поскольку они еще не стали убеждениями, могут быть изменены в определенном контексте, особенно под влиянием его сверстников.

Итак, как было выше изложено, именно человек является создателем речевых оборотов. Одним из главных ресурсов этих оборотов является метафора, которая обогащает словарный состав языка. Метафора позволяет нам сравнивать несравнимое, поэтому она всегда отсылает нас к нелогичному. Некоторые лингвисты указывают на различные критерии того, что слово, становясь частью фразеологического сочетания, теряет свои семантические свойства; но многие согласны с тем, что оно оказывается лишенным лексического значения.

Разнообразные обороты речи создаются на основе гиперболы, что-то преувеличивается таким образом, что теряет возможность быть реальным. Несмотря на это, нетрудно догадаться о его значении, поскольку гипербола прозрачна.

Среди исследованных оборотов речи мы можем встретить множество метафор. Многие из них могут быть нам незнакомы, другие – привычны. Для их исследования и анализа нами были выделены:

- вербальные выражения, т.к. в этом случае глагольный компонент является носителем грамматической функции, и они выражают процессы, образуя предикаты с дополнениями или без них;

- адъективные выражения, потому что именно они в предложении выполняют основную функцию атрибуции и предикации к существительному, они, как правило, обычно состоят из синтагмы прилагательного;

- адverbиальные выражения, т.к. они выражают различные характерные значения, в частности, способ, количество, местоположение во времени и пространстве.

В вербальных выражениях глагол не может быть оставлен без внимания, так как именно он имеет наибольшую смысловую нагрузку. В приведенных примерах мы видим, что он может

иметь прямое, косвенное дополнения и обстоятельства. Более того, эти выражения могут быть образованы простой формой глагола или глагольной перифразой. Например, выражение «*Te comiste un camión de loco* (ты съел сумасшедший грузовик)». Мы видим, что в данном выражении прямые значения слов не сообщают нам никакой логической идеи, но в переносном значении это выражение используется для того, чтобы показать, что человек занимает ошибочную позицию (например, является синонимом выражения «ты сошел с ума» или «ты несешь чушь, говоришь глупости», т.е. ошибаешься в своих суждениях о ком-либо или о чем-либо). Другое выражение «*Van a planchar (тебя разгладят)*» в основном употребляется в молодежной речи для того, чтобы дать понять собеседнику, что он не достигнет своей цели, что к нему не прислушаются, что его не примут во внимание. Еще одно выражение «*Tírame un cabo (брось мне конец)*» в повседневной речи имеет значение «попросить помощь в любой момент в любой сфере деятельности».

Особое внимание хотелось бы обратить на выражение «*Camina pá los files*». Оно вытекает из семантического поля испанского национального вида спорта – бейсбола. Это метафорическое значение соответствует самому действию ходить именно в том месте поля, где играют в этот вид спорта. Общеизвестно, что люди, которые следят за состоянием поля для игры, уходят последними. И в этом выражении преуменьшается степень значимости самого человека. Ему дается понять, что он находится на заднем плане, и пройдет много времени, прежде чем на него обратят внимание.

Иногда незнание собеседником или читателем значения того или иного выражения приводит к нарушению связности высказывания и разрыву процесса коммуникации. В этом случае центром нашего внимания станут некоторые адъективные выражения, которые наглядно демонстрируют аналогию, если мы посмотрим на их значения. Из проанализированных примеров видно, что эти обороты представляют собой различные грамматические структуры: *estar* + причастие, *estar* + герундий, *ser* + существительное, *ser* + сравнительное выражение, *ser* + сложная номинативная синтагма и предикативное предложение.

Например, такие выражения, как «*Fueradeliga*», «*Está excedía*», «*Está bolá*» и «*Está escapá*» можно услышать в речи, когда молодой человек чувствует себя очень хорошо в каком-то одном аспекте, будь то учеба, работа или какая-то другая сфера деятельности. Он/она чувствует свое превосходство, он/она думает, что никто не может превзойти его/ее. Нечто подобное можно сказать и о таких выражениях, как «*Eres más agua que fa*», «*Eres más espuma que cerveza*». При помощи этих

выражений можно описать человека, который представляет себя лучше, чем он есть на самом деле, который кичится качествами, которыми не обладает и никогда не приобретет. Эти выражения можно очень элегантно заменить прилагательными *«hablantín, farsante, impostor»*. Если они употребляются в одном и том же контексте, то это не влияет на коммуникацию, потому что они легко взаимозаменяются.

А теперь приведем примеры употребления в речи молодежи адвербиальных выражений. Оборот *«Hasta afuera»* аналогичен выражению «довести дело до конца». Это выражение подчеркивает, что даже если это будут разные моменты жизни, будь то вечеринка, работа, отношения и т.д., они будут завершены. Выражение *«A pecho»* используется для того, чтобы предупредить вас, что вы можете попасть в неблагоприятные условия, что можете даже не понимать, что происходит.

Таким образом, проведя исследование и анализ отдельных выражений, которые используют молодые люди в повседневной жизни, можно сделать следующие выводы:

- среди общего количества исследованных оборотов речи в повседневной жизни преобладают адъективные выражения;

- метафора играет фундаментальную роль не только в обогащении словарного состава языка, но и фразеологического. Процесс метафоризации является основным способом формирования выражений. Между ними могут существовать синонимические и антонимические отношения;

- человек сам создает выражения, хранит их или отвергает. Они являются отражением его жизни и могут показать нам эпохи, и даже обычаи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: Учебник / В.С. Виноградов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. Высш. шк., 2003. – 244 с.
2. Курчаткина Н.Н. Фразеология испанского языка / Н.Н. Курчаткина, А.В. Супрун. – М.: Либроком, 2009. – 144 с.
3. Berruto Gaetano Sociolingüística / Gaetano Berruto. – México : Nueva Imagen, 1979. – 219 p.
4. Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas / A. Buitrago. – Madrid : Espasa, 2012. – 989 p.
5. Casares Julio Introducción a la lexicografía moderna / Julio Casares. – Madrid, 1992. – 345 p.
6. Levintova E. Diccionario Fraseológico Español-Ruso / E. Levintova, E. Wolf, N. Movshovich, I. Budnitskaya. – Moscú : Russki Yazik, 1985. – 1080 p.

7. Pastor Gloria Corpas Manual de Fraseología Española / Gloria Corpas Pastor. – España : Gredos, 1997. – 170 p.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Анализ некоторых фразеологизмов в молодежной речи (на материале языка испанской молодежи)

Цель данной статьи – проанализировать случаи употребления фразеологических единиц в повседневной жизни испанской молодежи и стилистические ресурсы в различных контекстах.

Ключевые слова: фразеология, метафора, вербальное выражение, адвербиальное выражение, адъективное выражение.

SUMMARY

Kolovyerova I. G. Analysis of some phraseological units in youth speech (based on the language of Spanish youth)

The aim of this article is to analyse the use of phraseological units in the everyday life of Spanish youth and the stylistic resources in different contexts.

Key words: phraseology, metaphor, verbal expression, adverbial expression, adjectival expression.

Л. Л. Косташ

(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика),

Н. А. Августина

(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)

УДК 811.111'373

РОЛЬ ЛАТИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный язык является результатом многовекового исторического развития, в процессе которого он подвергается различным изменениям, вызванным множеством причин. Изучение истории языка помогает выявить процессы, проходившие на различных этапах его существования, и объяснить истоки форм и явлений, отражающихся в любом современном слове.

На протяжении своего существования практически все языки пребывают в непрерывном контакте; оказывая влияние друг на друга, они, прежде всего, заимствуют лексику из различных уровней взаимоотношений: военных, политических, научных, торговых и культурных.

История развития письменного английского языка насчитывает уже 15 столетий; и всё это время непрерывно идёт

изучение процесса и причин лексического заимствования – одного из важнейших факторов роста и укрепления языка. Накопленные знания позволяют сделать вывод о том, что наибольшему влиянию английский язык подвергся со стороны латыни. Латинизмы проникали как устным (живое общение двух разноязычных народов), так и книжным (заимствование чужих слов из иноязычных текстов при их переводе на другой язык) путём, благодаря чему прочно укрепились в разговорной форме английского языка и в письменной речи.

1. Латинизмы в английском языке

Заимствования в английском словарном составе представляют собой ту сферу лексики, которая наиболее тесно и непосредственно отражает историю Англии, показывая влияние на язык внешних лингвистических факторов.

Английский язык оперирует значительно большим количеством заимствований, так как в ходе исторических событий он оказался достаточно проницаемым из-за способности усваивать иностранные слова в условиях прямого непосредственного контакта.

В целом слова латинского происхождения составляют заметную часть английского словаря и исчисляются многими тысячами. Заимствование латинской лексики связано, главным образом, с тремя событиями в истории английского народа: римским господством (с I по V век н.э.), принятием христианства в Англии (VI-VII вв.) и культурным всплеском в эпоху Возрождения (XV-XVI вв.)

С завершением эпохи Возрождения, на период которой приходится большинство латинских заимствований, обусловленных активным ростом культуры в обществе и распространением просвещения, английский язык продолжает изменяться. Особенно это касается терминологии: *detection, emit, optimum, ratio, acidosis, calorie, relativity, radiator, monoplane, hydroplane, condenser, frequency, transformer, aerial, modulator, sanatorium, curriculum, datum, communism, militarism* и др., что объяснимо в связи с повсеместным открытием общественных школ и высших учебных заведений.

Лингвисты, исследователи словарного состава английского языка, такие как: Н.Н. Амосова, В.Д. Аракин, Е.А. Войнова, И.Р. Гальперин, В.В. Елисеева, О. Есперсен, Т.А. Логунов, В.К. Мюллер, А.И. Смирницкий, полагают, что лишь 30% слов в английском языке являются исконными, остальная же часть приходится на заимствования из других языков; причём, влияние латыни как источника лексического обогащения достаточно велико – не менее трети словаря. Наибольшее

количество этих заимствований проникло в английский язык книжным путём; благодаря этому они имеют значительные качественные отличия: более стабильны и меньше остальных подвержены семантическим или стилистическим изменениям. Ряд латинизмов, которые совсем не подвергались фонетическим или стилистическим изменениям, стали интернационализмами: *appendicitis, insulin, Aspirin, energy, atom, calorie, obligation, constitution, alibi, agriculture, microscope, modern, laboratory, program, system, socialism, communism, capitalism, climate, radius, tradition* и так далее. Этим словам удалось избежать языковой ассимиляции по тем или иным фонетическим и стилистическим соображениям.

Итак, рассмотрим основные пласты лексических заимствований латинских морфем в английский язык.

2. Латинизмы в английском языке права

Если научный язык считается универсальным языком, используемым учёными несмотря на различные социально-культурные барьеры, то язык права культурно ограничен и тесно связан с определённым обществом и его правовой системой.

Латынь также занимает важную позицию в развитии истории права западной цивилизации. Её значение в качестве языка права можно отнести к периоду создания «Закона XII таблиц», формирующих основу последующего развития римского права – 450-451 гг. до н.э. Все основные источники римского права были написаны на латыни. Кроме того, латинский был языком выдающихся книг по философии права и юриспруденции, включая знаменитые трактаты Цицерона, Святого Фомы Аквинского, Гуго Гроция и многих других.

Использование латинских терминов в юридической сфере особенно заметно в последние десятилетия. Английская правовая система оперирует огромным числом латинских слов и выражений. Некоторые из них распространились настолько широко, что их понимание не вызывает каких-либо затруднений. Вот примеры наиболее продуктивных идиом:

alibi – быть в другом месте, алиби,

alias – иначе, другими словами,

de jure – юридически, на бумаге,

de facto – фактически, на деле,

status quo – текущее положение дел,

versus – против.

Неотъемлемым атрибутом грамотного употребления таких терминов в правовом поле является знание не традиционного узуального, а нового, уже изменённого, значения. Приведём

примеры нескольких таких слов, используемых в английских судебных разбирательствах на сегодняшний день:

affidavit – заявление под присягой (исконное значение – «клясться»),

bona fide – искренний, подлинный (исконное значение – «добросовестно»),

habeas corpus – представить арестованного лично в суд (исконное значение – «ты должен иметь тело»),

subpoena – повестка в суд (исконное значение – «под страхом наказания»).

Изучение правового языка показывает, что в терминологии достаточно распространены понятия полной и частичной синонимии. В первом случае одно и то же понятие может быть выражено как иностранным словом (с латинским корнем), так и новым словом, появившимся позже, например, *гражданское правонарушение*: *delictum* (полностью заимствовано из латинского языка), *delict* (слово, в английском языке появившееся путём усеечения окончания), *tort* (от латинского *tortum*, прибыло в английскую лексику посредством старофранцузского языка). Во втором случае один и тот же термин может быть выражен несколькими латинскими словами, но, исходя из своих юридических определений, они будут являться различными понятиями. Например, термин “*agreement*” (соглашение) может быть выражен по-латыни такими словами, как *contractus* (лат. – договор), *pactum* (лат. – пакт, завет), *conventio* (лат. – конвенция, собрание, соглашение).

3. Латинские заимствования в английском языке на уровне социально-политических взаимоотношений

Язык, как инструмент коммуникации, создаётся, адаптируется и совершенствуется в соответствии с постоянно меняющимися запросами общества и среды его формирования. В рамках официально-делового стиля английской речи латинские вхождения выполняют стилиобразующую функцию и способствуют реализации его основных черт – точности, официальности и безэмоциональности изложения: *declaration*, *competent*, *ratify*, *jurisdiction*, *statutory*, *arbitrarily*, *communism*, *socialism*, *imperialism*, *liberalism*, *coalition*, *legislate*, *mandate*, *radical* и мн. др.

4. Английская научно-техническая терминология, основанная на латинизмах

4.1. Естественнонаучная сфера и медицина

Научная революция XVII в. вызвала бурный прогресс естественнонаучных дисциплин и медицины, что сопровождалось созданием множества новых терминов.

К концу XIX в. в письменном и устном научном общении латынь уступает место национальным языкам, но за латынью сохраняется номинативная функция, т.е. функция называния изучаемых объектов в медицине, ветеринарии, ботанике, зоологии, химии, физике.

Огромное количество естественнонаучной лексики латинского происхождения вошло в словарный состав английского языка путём непосредственной транслитерации, сохранив латинские морфемы, которые можно назвать интернациональными (употребляются с одинаковым значением в двух, трёх и более языках). Единая терминология помогает учёным всего мира понимать друг друга. Чтобы понять их значение, не требуется помощь словаря. Например:

Корни:

Nomenclatura, acid, alkali, cyanide, creosote, formaldehyde, nitroglycerine, valency, rotation, migration, urbanization, segment, cathete, optics, vibration, gravity, square, interval, arteria, aorta, allergy, colon, intestines, rectum, diabetes, vomit, tympanic, coccys, membrane, anaemia, skeleton, appendix, otitis, remission, analyze, infarct, stupor, tremor, proliferation, pancreas, ulcer, glucose, diagnosis, virus, traumatologist, therapist, acute, retina, epilepsy, unisexual и т.д.

Приставки:

sub- (под) – *subcutaneous* (подкожный);

intra- (внутри) – *intramuscular* (внутримышечно);

re- (повторяемость действия) – *revaccination* (повторная вакцинация);

contra- (противоположное положение, состояние) – *contradict* (опровергать);

re- (ответное действие) – *response* (ответ, отклик).

Суффиксы:

-itis- (воспаление) – *gastritis* (гастрит – воспаление желудка);

-oma- (опухоль) – *myoma* (миома – опухоль из мышечной ткани);

-al (суффикс, образующий девербативы) – *removal* (смещение, от англ. *remove* – смещать, передвигать).

Ряд английских терминов преобразовали латинский суффикс *-io* (значение «действие, процесс») в *-ion* (*-tion*):

transfusio (лат.) – *transfusion* (англ. – переливание);

regeneratio (лат.) – *regeneration* (англ. – восстановление);

terminatio (лат.) – *termination* (англ. – конец);

regeneratio (лат.) – *regeneration* (англ. – восстановление).

Некоторые латинские заимствования с течением времени и вовсе изменили своё значение:

doctor – доктор, врач (исконное значение – «учитель», «наставник»);

recipe – рецепт (исконное значение – «возьми»).

Современный врач, биолог, физик, химик, даже если говорит на профессиональную тему на английском языке, в своей речи употребляет около 60% слов латинского и греческого происхождения.

Кроме того, несмотря на отсутствие общепринятых стандартов медицинских рецептов в мировой практике, каждая страна мира, руководствуясь своими правилами, прибегает к уменьшению рецептурных формулировок при помощи латинских аббревиатур, таких как:

d.t.d. – *data les doses* (выдать такие дозы),

N. – *numero* (числом, количеством),

q.s. – *quantum satis* (сколько нужно),

a.c. – *ante cibum* (перед едой),

b.i.d. – *bis in die* (дважды в день),

h.s. – *hora somni* (перед сном),

o.d. – *omni die* (каждый день),

p.c. – *post cibum* (после еды),

p.r.n. – *pro re nata* (когда необходимо),

āā – *ana* (поровну),

ad lib. – *ad libitum* (сколько угодно),

V. – *vitrum* (*in vitro*) (склянка (в склянке)).

4.2. Научно-техническая сфера

Среди всех терминов, встречающихся в научно-технической литературе, особенно выделяются термины латинского и происхождения, принадлежащего к интернациональной лексике. Такие термины легко поддаются переводу из-за их звукового и графического сходства с английским языком: *atom*, *radio*, *energy*, *generator*, *antenna*, *optimum*, *detection*, *formula*, *calorie*, *the quantum*, *theory*, *radiator*, *transmission*, *engine*, *airplane*, *hydroplane*, *frequency*, *absorber*, *radiator*, *transmission*, *engine*, *airplane*, *airdrome*, *monoplane*, *biplane*, *hydroplane*, *condenser*, *frequency*, *transformer*, *inductance*, *selectivity*, *aerial*, *antenna*, *modulator*, *radius*, *dynamo*, *barograph*, *ozone*, *gyroscope*, *sodium*, *potassium* и др.

Основная часть научно-технической лексики в современном английском языке создана с помощью синтеза латинских и греческих морфем:

tele (греч. – на расстоянии) + *scope* (лат. – область) = *telescope* (телескоп);

tele (греч. – на расстоянии) + *grapho* (греч. – пишу) = *telegraph* (телеграф);

autos (греч. – самостоятельный) + *mobilis* (лат. – подвижный) = *automobile* (автомобиль).

5. Латинские заимствования в лексике культуры, искусства и речевом обиходе современного английского языка

Со времён эпохи Возрождения, породившей небывалый расцвет литературы и искусства, классические заимствования вливаются в английский язык непрерывным потоком вплоть до настоящего времени.

Латинские слова и выражения используются в современной художественной литературе, а также в различных школьных и вузовских учебниках в виде цитат, крылатых выражений и в качестве эпиграфов, предваряющих главы трудов. Например, *Non verbum de verbo, sed sensum de sensu exprimere* (Не словом слово, а смыслом смысл передавать).

Сотни слов и сокращений присутствуют в ежедневной речи англоговорящего человека:

agenda – повестка дня,

alias – прозвище, псевдоним,

alumni – выпускники,

census – ценз, перепись населения,

memo – памятка, заметка,

veto – вето, право на наложение запрета,

via – путь, путём, через,

i.e. (id est) – that is (то есть),

etc. (et cetera) – and the rest (и так далее),

a.m. (ante meridiem) – before midday (до полудня),

p.m. (post meridiem) – after midday (после полудня),

p.s. (post scriptum) – after what was written (после написанного),

n.b. (nota bene) – pay attention (обрати внимание),

vs (versus) – against/between (против/между).

Некоторые идиоматические выражения настолько прижились в английской речи, что кажутся исконными:

alma mater – nourishing mother (Альма-матер/ кормящая мать),

alter ego – other self (другое я),

bona fide – in good faith (по доброй вере),

carpe diem – seize the day (лови день/ живи настоящим),

cum laude – with praise (с отличием),

quid pro quo – this for that (то за это),

persona non grata – unwelcome person (нежелательное лицо),

vice versa – position turned (наоборот).

В результате нашего исследования мы убедились, что роль латинизмов в развитии и становлении современного английского языка значительна.

В настоящее время заимствования из латинского языка, утратившего функцию международного языка науки, уже не происходит. Но влияние латинского на английский продолжает сказываться в области терминологии. Латынь для английского, благодаря таким свойствам, как лаконичность, экономичность, отсутствие полисемии и наличие четкой словообразовательной системы, стала незаменимым источником формирования научного языка.

В то же время многие латинские морфемы заимствованных слов постепенно прижились в английском языке, сохраняют стабильное значение и регулярно воспроизводятся.

Латинские части слов, практически, становятся неотъемлемой частью заимствующего языка, теряя своё иноязычное происхождение, меняя свою структуру.

Английский же язык, несмотря на некоторое «засорение» заимствованными из других языков словами, в целом не пострадал от большого притока иноязычных элементов. Наоборот, его словарный состав, несомненно, обогатился. Это стало возможным благодаря тому, что он усвоил иноязычные элементы, впитав в себя всё ценное и нужное, отбросив в ходе дальнейшего развития всё случайное и наносное.

Таким образом, наследие латыни в английском языке велико, и важно не пренебрегать его знанием, а сделать его своим помощником в овладении английским языком. В таком случае процесс обучения сможет стать не только интересным, но и продуктивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамцева Е.Г. К вопросу об истории латинских заимствований в английском языке [Электронный ресурс]. – М. : Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова, 2015. – Режим доступа : elibrary.ru/item.asp?id=23782576.
2. Амосова Н.Н. Лексикология английского языка. – СПб. : СПбГУ, 2000.
3. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. – М. : Дрофа, 1999.
4. Аракин В.Д. История английского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. иностр. языки. – М. : УРСС, 2001.
5. Бородин М.А., Горбунова В.С. Латинский язык в современном мире // Молодой учёный. – 2015. – № 12. – С. 898 – 906. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/92/19971/> (дата обращения: 13.04.2022).
6. Войнова Е.А. Лексикология современного английского языка. – М. : Акад. изд-во МЭГУ, 2001.

7. Гальперин И.Р., Черкасская Е.Б. Лексикология английского языка. – М. : Б. и., 1956. – 298 с.
8. Елисеева В.В. Лексикология английского языка : учебник. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2003.
9. Крылова И.П., Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – 9-е изд. – М. : Книжный дом «Университет» : Высш. шк., 2003.
10. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М. : Омен : МГУ, 1998.
11. Ярхо В.Н., Лобода В.И. Латинский язык : учебник для студентов пед. вузов / под ред. В.Н. Ярхо, В.И. Лободы. – Минск, 2000.
12. Цыбульник Ю.С. Крылатые латинские выражения. – Харьков : Фолио, 2007.
13. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.englishforcing.ru/2017/06/16/vliyanie-latinskogo-yazyka-na-drevneanglijskij-yazyk/>
14. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://prezi.com/ipefclqljj58/presentation/>
15. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://englishschool12.ru/publ/3-1-0-102>

АННОТАЦИЯ

Косташ Л. Л., Августина Н. А. Роль латинских заимствований в современном английском языке

В данной работе рассмотрены основные группы латинских заимствований, в ходе истории ставших частью английского языка. Исследованы латинизмы в различных пластах английского языка, проанализированы модели их перехода в английский язык, практическая значимость и частота употребления в современном английском языке.

Ключевые слова: современный английский язык, латинизм, заимствование, термин, происхождение.

SUMMARY

Kostash L. L., Avgustina N. A. The role of Latin borrowings in Modern English

This paper considers the main groups of Latin borrowings that have become a part of the English language throughout history. The Latinisms in various layers of the English language are studied; the patterns of their transition to the English language, the practical significance and frequency of use in modern English are analyzed.

Key words: modern English, Latinism, borrowing, term, origin.

Л. Л. Косташ

(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика),

А. Е. Дедичко

(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)

УДК 811.111

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ
КАРАНТИННОГО ПЕРИОДА 2020-2021
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Словарный состав языка постоянно изменяется, так как языку свойственно отражать все изменения в жизни людей. В современном английском языке развитие словарного состава происходит, как никогда прежде, очень бурно. Причиной этого является, прежде всего, научно-техническая революция, в результате которой возникают новые понятия в науке и технике, происходят изменения в культуре и общественных отношениях между людьми. Однако, в 2020-2021 году появление большого количества неологизмов было вызвано не только научной революцией, но и появлением нового вируса, ранее незнакомого человеку, поэтому вызвавшего появление ряда понятий во всех языках мира.

Считаем целесообразным разобраться в ключевой терминологии, а именно – поставить вопрос о значении понятия «неологизм». В широком смысле под неологизмами понимаются как новые слова и выражения, так и появление новых значений у известных слов. Стоит отметить, что неологизмы обладают огромным потенциалом для исследований, поскольку представляют собой сложный лингвистический и культурный феномен. По мнению Э.М. Дубенец, доказательством этому служит то, что неологизмы могут одновременно выступать объектом исследования сразу в нескольких отраслях лингвистики: лексикологии, когнитивной лингвистике, лексикографии, переводоведении, стилистике, социолингвистике; также неологизмы могут служить материалом для исследования в области межкультурной коммуникации. Неологизмы – лексические единицы, созданные с определённой целью – выразить смысл, для которого ранее не было лексических средств выражения. Таким образом, появление неологизмов является реализацией языковых функций [1, с. 90].

Разберём особенности публицистического стиля. По мнению Т.В. Жеребило, публицистический стиль является одним из функциональных стилей, обслуживающих сферу общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и др. Тематический диапазон данного стиля не имеет

ограничений, так как он может использоваться как в медиа, политике, экономике, так и в спорте, повседневном быту. Все сферы деятельности важны, они развиваются, мир не стоит на месте, обеспечивая тем самым увеличение случаев использования публицистического стиля речи и обогащения языка [2, с. 60].

Н.И. Клушина пишет о том, что публицистический стиль выражается в двух формах речи: устной и письменной. К письменной форме относят заметки, репортажи, статьи, эссе, зарисовки, очерки. К устной форме относятся дискуссии, ораторские речи, доклады на политических собраниях и др. Публицистическому стилю и текстам данного жанра характерна оценочность, имплицитность и эксплицитность [3, с. 44].

Наиболее полная классификация переводческих трансформаций принадлежит О.А. Фирсову, она и послужит базой для анализа перевода терминов карантинного периода в публицистике в рамках нашего практического исследования.

О.А. Фирсов приводит следующую классификацию лексических переводческих приемов:

Лексические приёмы:

1) транскрибирование – формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, то есть способ перевода лексической единицы оригинала путём воссоздания её звуковой формы с помощью букв языка перевода (Mayfair – Мейфер);

2) транслитерация – способ перевода лексической единицы оригинала путём воссоздания её графической формы с помощью букв языка перевода (Mather – Матер);

3) калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путём замены её составных частей, то есть морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний), их лексическими соответствиями в языке перевода (Cloudy Heights – Облачные высоты);

4) добавление (расширение) – использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных (подразумеваемых, но лингвистически не выраженных) элементов смысла оригинала (The UN Charter says that all international differences must be settled by peaceful means, and not by threats of, or resort to force. – Устав ООН гласит, что все международные разногласия должны регулироваться мирными средствами, а не с помощью силы или угрозы её применения);

5) опущение (сокращение) – отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых несущественны или легко восстанавливаются в контексте (Having successfully obtained the formula... Получив формулу...);

6) перестановка (перемещение) – использование ближайшего соответствия переводимой единицы переводящего языка в другом месте высказывания в тексте перевода, изменение порядка следования единиц перевода по сравнению с порядком следования единиц оригинала (The fire that affected the Chimalapas biological reserve in Oaxaca, Mexico are illustative of the problem. – Наглядным примером этой проблемы явились пожары, затронувшие заповедник Чималапас в мексиканском штате Оахака);

7) лексико-семантические замены:

○ генерализация – замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением (He showed us his old beat-up Navajo blanket. – Он нам показал свое старое потрёпанное индейское одеяло);

○ конкретизация – лексико-семантическая замена единицы исходного языка, имеющей более широкое значение, единицей языка перевода с более узким значением (The first thing is to try to be healthy. – Прежде всего постарайтесь оставаться в добром здравии);

○ логическая синонимия – замена единицы исходного языка единицей языка перевода, являющейся для данного контекста её синонимом (It would have warmed the other party into accepting the terms. – Это всё равно не растопило бы лёд отношения другой стороны настолько, чтобы она согласилась принять условия);

○ модуляция (смысловое развитие) – замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы (He tried as well as any man could but he failed. – Он старался изо всех сил, но у него ничего не вышло) [4, с. 200].

Рассмотрим некоторые трансформации в примерах с неологизмами 2020-2021:

- Florida Gov. Ron De Santis, a Republican, has repeatedly boasted about the state's lack of lockdowns or mask mandates, and has been encouraging tourism despite the pandemic [5]. – Губернатор Флориды Рон Десантис, республиканец, неоднократно хвастался отсутствием в штате строгих ограничений или призывов носить маски и поощрял туризм, несмотря на пандемию [6]. (Модуляция)

- We're in a medical crisis [7]. – Мы находимся в медицинском кризисе [8]. (Калькирование)

- Anti-mask activists rally inside a grilled cheese shop in Windermere, Fla., on July 11, 2020 [9]. – Митинг активистов антимасочников в магазине жареного сыра в Уиндермире, штат Флорида, 11 июля 2020 года [10]. (Конкретизация)

- Thousands have taken to the streets in Germany to protest the government's coronavirus measures [11]. – Тысячи людей вышли

на улицы Германии в знак протеста против мер правительства по борьбе с коронавирусом [12]. (Перестановка)

- The video shows dozens of maskless people shouting at the agents while they speak to Hudson behind the counter of the restaurant [13]. – На видео видно, как десятки людей без масок кричат на агентов, пока те разговаривают с Хадсоном за стойкой ресторана [14]. (Добавление)

- The EU says its new EU Digital Covid Certificate is secure because the data is contained in a QR code which has to be scanned [15]. – ЕС заявляет, что его новый цифровой Covid сертификат безопасен, поскольку данные содержатся в QR-коде, который необходимо отсканировать [16]. (Опущение)

- When COVID-19 hit, we all had to change the way we live and work [17]. – Когда разразился коронавирус, это повлияло как на жизнь, так и на работу людей [18]. (Генерализация)

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам: неологизмы представляют собой окказиональные слова, зачастую возникшие в языке только в данном контексте, однако иногда остающиеся в языке на долгий период времени. Для перевода их значения нужно в первую очередь знать, как они образуются, потому что словари зачастую не дают значение неологизмов.

Из 100 найденных нами примеров, калькирование составляет 44% от общего числа примеров, перестановки – 21%, добавления составляют 4%, транскрибирование – 2%, опущение составляет 1%, генерализация – 7%, конкретизация – 7%, модуляция – 14%. Остальных приёмов выявлено не было – по 0%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубенец Э.М. Неологизмы в английском языке // ИЯШ. – 1991. – № 6. – С. 90-92.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010.
3. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: Медиа-Мир, 2008. – 244 с.
4. Фирсов О.А. Перевод с английского языка на русский и его комментарий. – М., 2003. – 198 с.
5. <https://www.bbc.com/article/20220406-how-liberias-frontline-health-workers-stop-next-pandemic>
6. <https://www.inosmi.ru/releases/2020/05/20051142106.htm>
7. <https://www.bbc.com/article/20220406-how-liberias-frontline-health-workers-stop-next-pandemic>
8. <https://www.inosmi.ru/2020/05/20051142106.htm>
9. <https://www.bbc.com/article/20220406-how-liberias-frontline-health-workers-stop-next-pandemic>

10. <https://www.inosmi.ru/releases/2020/05/200511142106>
11. <https://globalnews.ca/news/8742798/xe-variant-covid-19-health-canada>
12. <https://www.inosmi.ru/releases/2020/05/200511142106>
13. <https://www.bbc.com/article/20220406-how-liberias-frontline-health-workers-stop-next-pandemic>
14. <https://www.inosmi.ru/releases/2020/05/200511142106.htm>
15. <https://www.bbc.com/article/20220406-how-liberias-frontline-health-workers-stop-next-pandemic>
16. <https://www.inosmi.ru/releases/2020/05/200511142106.htm>
17. <https://www.bbc.com/article/20220406-how-liberias-frontline-health-workers-stop-next-pandemic>
18. <https://www.inosmi.ru/releases/2020/05/200511142106.htm>

АННОТАЦИЯ

Косташ Л. Л., Дедичко А. Е. Особенности перевода неологизмов карантинного периода 2020-2021 в англоязычных публицистических текстах

В настоящей статье авторами рассматривается сущность понятия «неологизм» в целом в лингвистике, представлены характеристики и особенности публицистического стиля, изучаются трансформации по классификации О. А. Фирсова. Также представлены основные результаты исследования.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, неологизм, карантинный период, перевод.

SUMMARY

Kostash L. L., Dedichko A. E. Features of translation of neologisms of the quarantine period 2020-2021 in English publicistic texts

The authors of the article examine the essence of the concept of «neologism» in linguistics in general, present the characteristics and features of the journalistic style, and study the transformations according to the classification of O. A. Firsov. The main results of the study are presented.

Key words: English, Russian, neologism, quarantine period, translation.

М. В. Котлярова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'25:791.4
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГНЕВА ПЕРСОНАЖА
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
КИНОПРОДУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА Д. ФРЭНКЕЛА
«ПРИЗРАЧНАЯ КРАСОТА»)

На сегодняшний день киноискусство стало доминантным феноменом современной культуры, а его продукты – неотъемлемой частью общественной жизни. Его стремительное развитие и невероятная популярность в полной мере обосновываются склонностью современного человека к эскапизму – сталкиваясь с постоянным давлением внешнего мира и информационной перегрузкой, человек находится в постоянном поиске возможности отвлечься от проблем и рутины. Эту возможность целиком и полностью предоставляет кинематограф. Будучи по своей природе синтезом всех существующих видов искусства, кинематограф в настоящее время способен практически полностью удовлетворить потребности как художника, так и зрителя [4, с. 2].

Стремительное развитие кинематографа, его растущие влияние на массовую аудиторию, а также распространение кинопродукции во всех странах мира обусловило потребность в кинопереводе. В настоящее время киноперевод – один из самых востребованных видов переводческой деятельности.

Передача эмоций представляет собой одну из основных сложностей, с которыми сталкивается переводчик при осуществлении киноперевода. Это связано преимущественно с тем, что приёмы и методы передачи эмоций в аудиовизуальных текстах изучены недостаточно хорошо [2, с. 1].

Несмотря на то, что эмоциональная составляющая в языке интересовала ученых еще с давних времен, что обусловлено ее значимостью во всех национальных языках, лингвистика эмоций или эмотиология как наука сформировалась только в XX веке. Это можно объяснить тем, что до середины 70-х годов категоризация эмоций вызывала скорее неприятие, чем интерес. Лингвисты, в число которых входили такие выдающиеся исследователи, как К. Бюлер и Э. Сепир, считали, что когнитивная функция превалирует над эмоциональной. В свою очередь, М. Бреаль и его единомышленники подчеркивали важность последней. Зародившийся между ними спор послужил своеобразным триггером для изучения эмоционального компонента в языке и

сделал это направление в лингвистике одним из пяти наиболее приоритетных. В результате увеличения интереса к этому вопросу, на базе Гарвардского университета в 1985 году был создан Международный центр по исследованиям эмоций, что дало толчок к развитию эмотиологии как науки. В настоящее время подавляющее большинство лингвистов признает паритетность эмоционального и рационального компонентов слова и считает, что эмоциональный выбор говорящего определяет стилистику речи, однако механизмы языкового выражения эмоций и их языкового обозначения принципиально различны.

На сегодняшний день существует два общепринятых понятия – лексика эмоций и эмоциональная лексика. Лексика первой категории выполняет номинативную функцию, лексика второй – экспрессивную и прагматическую. Однако, существует мнение, что лексика эмоций «не может адекватно выражать особенности индивидуальных переживаний, поскольку ей удастся лишь очертить область эмоции, дать лишь направления собеседнику или соучастнику для переживаний и сочувствия» [5, с. 122].

В рамках данной работы мы будем придерживаться мнения бельгийского лингвиста Эрмана Паррэ о том, что «нет большого различия между выражением чувства и сообщением о чувстве» [7, с. 155], по нашему мнению, лексика эмоций заведомо содержит в себе определенный коннотативный компонент и художественную образность, воспринимаемые читателем на подсознательном уровне.

Эмоциональная лексика – категория, включающая в себя оценочные и экспрессивные единицы. К ней относятся как слова, выражающие ласку, шутку, иронию, неодобрение, пренебрежение, фамильярность и т.д., так и единицы, описывающие субъективное отношение человека (положительное или отрицательное) к какой-либо ситуации или предмету.

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что оценочность и эмоциональность являются интегрированными понятиями. Н. А. Лукьянова – одна из сторонников этого взгляда. Так, в своей работе «О семантике и типах экспрессивных лексических единиц» она отмечает, что «оценочность, представленная как соотносительность слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [3, с. 45] и аргументирует эту мысль следующим образом: «положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию, отрицательная – через отрицательную» [3, с. 45]. Того же мнения придерживается и В. И. Шаховский, который считает, что оценка чего-либо заведомо предполагает определенную эмоцию и наоборот [6, с. 50].

В свою очередь Е. М. Вольф рассматривает оценочность и эмоциональность как часть и целое ввиду того, что существует определенный пласт лексики, который можно отнести к эмоциональной и который не имеет оценочного компонента [1, с. 139]. Эту точку зрения наилучшим образом иллюстрируют междометия – являясь эмоционально окрашенными, они, тем не менее, зачастую не содержат какой-либо оценочной коннотации.

Мы разделяем этот взгляд на изучаемую проблему и в рамках настоящего исследования рассматриваем междометия как один из способов передачи эмоций. Таким образом, мы считаем необходимым в настоящем исследовании разделять понятия экспрессивности, эмоциональности и оценочности, поскольку, будучи тесно связанными, они все же не тождественны и не взаимозаменяемы.

Для нашего исследования и анализа была выбрана художественная картина “Collateral Beauty” режиссёра Дэвида Френкеля – американский фильм 2016 года, фэнтезийная драма с участием Уилла Смита, Киры Найтли и Хелен Миррен. Кноперевод картины выполнялся студией дубляжа «Невафильм».

Фильм рассказывает историю Говарда Инлета, потерявшего шестилетнюю дочь и находящегося в той стадии горя, когда никакие привычные разумные слова уже не помогают. В отчаянии Говард начинает писать письма, обращаясь к Любви, Времени и Смерти с вопросами о том, почему Вселенная так несправедлива к нему. И получает от них ответ.

Любовь, Время и Смерть – неотъемлемая часть жизни каждого человека, сопряженная с целым спектром чувств и эмоций. Любовь бывает разной, соответственно, чувства и эмоции человека, испытывающего её, также могут коренным образом разниться. О многообразной природе любви не единожды упоминается в фильме: “*No, I can be other things. I can be happy. I can be unexpected and unpredictable and sexy and warm and mysterious and home. I can be home, Howard, you remember? Do you remember me?*” – «Я бываю разной. Бываю счастливой, бываю неожиданной и непредсказуемой, сексуальной, теплой, таинственной и... родной. Я бываю родной, ты помнишь? Ты помнишь меня».

Время в контексте киноленты – непонятый гений: “*If Love is creation and Death is destruction, I’m just a terrain in between. You don’t understand Time. No one understands Time. Einstein called me a stubbornly persistent illusion. Time doesn’t go from January to December, or from noon to midnight. You know, we all just make it that way in our heads.*” – «Если Любовь – созидатель, а Смерть – разрушитель, то я [Время] – всего лишь остров между ними.

Ты не понимаешь время, никто не понимает время. Эйнштейн назвал меня «навязчивой иллюзией». Время идет не с января по декабрь и не с утра до ночи. Мы просто вбили себе это в головы».

Смерть в картине – не что иное, как то, что «придаёт всему смысл».

На протяжении всего фильма, вступая в контакт с абстракциями, персонажи испытывают различные чувства и эмоции, хорошо прослеживаемые в диалогах и монологах. Тщательно изучив весь пласт эмотивной лексики, мы пришли к выводу, что в контексте картины наиболее часто затрагиваемой эмоцией является гнев, описываемый как прямо, так и косвенно. Ниже мы рассмотрим наиболее яркие случаи репрезентации этой эмоции, а также проанализируем переводческие стратегии, предпринятые для адекватной передачи этой эмоции русскоязычному зрителю.

Самое первое своё письмо Говард пишет Смерти. В нём он упрекает Смерть в том, что она не согласилась на сделку с ним – обменять его жизнь на жизнь его маленькой дочери. В этом эпизоде не наблюдается прямая номинация эмоции, однако, используемая эмоциональная лексика не подразумевает другой трактовки: *“Dear Death, you travel with **so much** mythology, cause **so much** pain, inspire **such** fear. **But you’re a paper tiger to me. You’re just pathetic and powerless middle management. You don’t even have the authority to make a simple trade**”*. – «Дорогая Смерть, тебя окружает **столько** домыслов, ты причиняешь **столько** боли и вызываешь **столько** страха... Но ты бумажный тигр для меня. Ты **жалкий и бесправный** менеджер среднего звена. У тебя нет **даже** полномочий на **простую** сделку».

Средства создания эмоциональности, оценочности и экспрессивности в киноленте несколько разнятся от тех, которые используются автором в художественной литературе – здесь нет нужды передавать фонетический аспект, с этой задачей справляются звуковой ряд и актёрская игра. На лексическом уровне в исследуемой сцене мы можем наблюдать следующие средства: использование тропов, в частности, эпитетов (напр. – *simple trade*) и метафоры (*to be a paper tiger*) наряду с использованием лексики с не скрытой оценочной коннотацией (*pathetic and powerless middle management*). На синтаксическом уровне можно выделить бессоюзие в сочетании с повторами, а также слова-интенсификаторы (*travel with so much mythology, cause so much pain, inspire such fear*). Анализ передачи эмотивной лексики показал, что оценочная коннотация при переводе таких слов-эмотивов, как *“pathetic”* и *“powerless”* была в полной мере сохранена переводчиками. Эмоция гнева в оригинале также передаётся с помощью метафоры *“to be a paper tiger”*, подразумевающей, что Смерть не представляет собой ничего из того,

что так бояться люди. Переводчики использовали дословный перевод, потеряв при этом образность высказывания и скрытую за ним эмоцию. На синтаксическом уровне гнев был передан переводчиками путём сохранения структуры лаконичных предложений и повторов – общеизвестный факт: когда человек испытывает гнев, он не способен высказываться длинными фразами.

Следующий пример эмоции гнева мы видим в яростном монологе Говарда при новой встрече со Смертью. Здесь, в отличие от предыдущей сцены, прослеживается прямая номинация эмоций:

*"I've heard all of your **platitudes**. 'She's in a better place.' And, 'This is all a part of a master plan.' Heard that one, too. **Here's my favorite**. 'God looked down and saw the most beautiful rose, so beautiful that he picked it to have it in Heaven all for Himself.' Then there's the science, biocentrism, and we're all living and dying in infinite universes all at the same time. And then the religion, the Christians and their salvation. And the Buddhists and their Samsara. And the Hindus and their 41 st. sacrament. And can't forget the poetry. Oh, the poetry! 'To die is different from what anyone supposed and luckier.' – Whitman. And, '**Rage... Rage** against the dying of the light, Though wise men at their end know dark is right.' – Thomas. And then... 'Row, row, row your boat gently down the stream. Merrily, merrily, merrily, merrily Life is but a dream'. I got it! It all basically says that you're a natural part of life. We shouldn't **hate** you, we shouldn't **fear** you. I guess we should just accept you, right? I get it. Here's the thing. It's all a bunch of intellectual **bullshit** because she's not here holding my **fucking** hand." – «Я уже слышал все ваши **банальности**. Да, я все их знаю. «Она в лучшем мире» и «это всё – часть общего замысла». Я это уже слышал. Или вот **шедевр**: «Бог глянул вниз и увидел прекрасную розу, столь прекрасную, что он сорвал её, чтоб самому любоваться на небесах». Есть ещё наука – биоцентризм – мы все живём и умираем в бесконечных вселенных в одно и то же время. Затем религия – христиане со своим спасением. Буддисты со своей сансарой, да еще и индуисты с 41 обетом! И не забывайте про поэзию. О, поэзия! «Спешу сообщить ему или ей, что умереть – такое же счастье» – Уитмен. И «Бунтуй! Бунтуй, когда слабеет свет, хоть знают мудрецы, что тьма – ответ» – Томас. А еще: «Вниз, вниз, вниз по реке лодочка плывёт. Весело, весело, весело нам – мечта за собой зовёт». Я знаю. Я знаю! Основная суть в том, что вы – всего лишь часть жизни. Мы не должны вас **ненавидеть**, не должны **бояться**. Наверное, нам нужно вас принять. Да? Я прав? Ага... Я знаю. Одна загвоздка – все эти размышления – **бред собачий**. Её здесь нет, и она не держит меня за руку.*

Вышеуказанный монолог содержит большое количество единиц на лексическом уровне. Прямую номинацию эмоций выражают слова “to hate”, “to fear”. Здесь есть эпитеты (*master plan, natural part*), концептуальная метафора любовь=растение (*beautiful rose*). Также в монологе мы видим негативные оценочные единицы – “platitudes”, “bullshit”. На синтаксическом уровне гнев репрезентируют большое количество повторов (1) *And can't forget the poetry. Oh, the poetry!* 2) *I've got it. I get it*), многосоюзие (*And then the religion, the Christians and their salvation. And the Buddhists and their Samsara. And the Hindus and their 41 st. sacrament. And can't forget the poetry*), бессоюзие (*It all basically says that you're a natural part of life, we shouldn't hate you, we shouldn't fear you*), и слова-итенсификаторы (*fucking*). Анализируя перевод, выполненный студией, мы пришли к выводу, что большую часть эмотивов переводчики передали, сохранив их оценочную коннотацию и образность, однако в некоторых местах мы можем наблюдать усиление оценки. Например, фраза “*Here's my favorite*” была передана на русском в более негативном ключе: «Или вот шедевр», а “*bullshit*”, словарным эквивалентом которого является «чушь», усилили, превратив единицу в «бред собачий». Слово-итенсификатор “*fucking*” при переводе было опущено, однако фраза не потеряла эмоционального окраса, поскольку переводчики использовали добавление коротких фраз-вставок, которые восполнили потерю: «Да? Я прав? Ага...». Перевод реплики «*Here's the thing*» как «Одна зазвездка» – яркий пример использования переводчиками такой переводческой трансформации, как модуляция.

Гнев также прослеживается в монологе Времени к Говарду.

“*You wrote me because you need me. You all like to **bitch** and **complain**. “There isn't enough time.” “Life is short.” “Oh, here, the gray hairs are coming in.” You know, a day is long **as hell**. I'm abundant. I'm a gift. Even while you're standing here talking **shit**, I'm gifting you, and you're wasting it. On what? I mean, what is this? Huh? You know, I should be the one that's writing **angry** letters.”* – «Знаешь, почему ты мне написал? Потому, что я нужен тебе. Все вы только **ноете** и **жалуетесь**: «у меня мало времени», «жизнь коротка», «ой, смотри, седина пробивается» ... Знаешь, день **чертовски** долог и меня в избытке. Я – дар тебе! И хотя ты стоишь тут и **презираешь** меня, я одариваю тебя, а ты тратишь меня. На что?! Знаешь, это я должен слать тебе **гневные письма**».

С точки зрения лексики мы можем наблюдать в этом монологе прямую номинацию эмоции (*angry letters*), а также контекстные указатели. Ярким примером является использование эмотивов

“to bitch” и “to complain” наряду с эмоциональными междометиями (“oh”, “huh?»). Переводчики сохранили оценочную коннотацию единиц “bitch” и “complain”, передав их прямыми эквивалентами «ныть» и «жаловаться». При анализе переводческих трансформаций можно выделить интеграцию: “You know, a day is long as hell. I’m abundant” – «Знаешь, день чертовски долго и меня в избытке» и опущения “I mean, what is this? Huh?”. Это можно объяснить необходимостью сохранения временных рамок реплики.

Таким образом, в ходе анализа мы пришли к выводу, что одной из самых сложных задач при кинопереводе является передача эмоций. При передаче эмоции гнева, студия «Невафильм» в основном сохраняла оценочную коннотацию лексических единиц или усиливала её для восполнения косвенных потерь, связанных с подгонкой текста под временные рамки реплик. Все переводческие решения студии мы считаем целиком и полностью оправданными, поскольку главная цель – сохранения эмоционального потенциала реплик – была достигнута наилучшим образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
2. Красавцева, Е. С. Передача эмоций при переводе англоязычных фильмов на русский язык [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports/3/krasavtseva.pdf> (дата обращения: 30.03.2022)
3. Лукьянова, Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. Семантические классы экспрессивных слов русского языка / Н. А. Лукьянова // Экспрессивность лексики и фразеологии : межвуз. сб. – Новосибирск, 1983. – 160 с.
4. Мелконян, К. Ю. Киноискусство как фактор формирования социокультурного пространства современного общества / К. Ю. Мелконян // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 66. – С. 259-263.
5. Ученова, В. В. Гносеологические проблемы публицистики / В. В. Ученова. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 147 с.
6. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Ленинград : Российская государственная академическая типография, 1941. – 620 с.
7. Parret, H. Les passions. Essai sur la mise en discours de la subjectivite / H. Parret. – Bruxelles, 1986. – 268 p.

АННОТАЦИЯ

Котлярова М. В. Языковая репрезентация гнева персонажа в оригинале и переводе англоязычной кинопродукции (на материале художественного фильма Д. Фрэнкела «Призрачная красота»)

В статье рассматриваются способы передачи эмоций в контексте киноленты, оценивается адекватность и полнота передачи эмоции гнева персонажа с английского языка на русский. На примере англоязычного фильма «Призрачная красота» рассматриваются переводческие решения, предпринятые студией дубляжа для выполнения адекватного перевода с целью ознакомления русскоязычного зрителя с кинокартиной.

Ключевые слова: эмотивность, эмотиология, базовые эмоции, эмоциональная лексика.

SUMMARY

Kotliarova M. V. Linguistic representation of the character's anger in original movie and its translation (based on D. Frankel's feature film «Collateral Beauty»)

The article examines the ways of transmitting emotions in the context of a film, assesses the adequacy and completeness of the transfer of a character's anger from English to Russian. Using the example of the English-language film «Collateral Beauty», the translation decisions taken by the dubbing studio to perform an adequate translation in order to familiarize the Russian-speaking viewer with the motion picture are considered.

Key words: emotivity, emotiology, basic emotions, emotional vocabulary.

*Е. А. Медяник
(г. Красный Луч, ЛНР)*

УДК 372.881

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРЕДМЕТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Новые образовательные технологии – совокупность определенных форм и методов обучения, обеспечивающих решение учениками в результате самостоятельных действий образовательной задачи. Таким образом, в основе образовательных технологий лежат те цели, которые должны быть достигнуты (образовательный результат), способ взаимосвязанной деятельности учителя и ученика и их роль в образовательном процессе.

В последние десятилетия XX века и в начале XXI века в мировой методике обучения иностранным языкам получили распространение новые педагогические технологии. Педагогический энциклопедический словарь дает следующее определение: «Педагогическая технология – это совокупность средств и методов воспроизведения теоретически обоснованных процессов обучения и воспитания, позволяющих успешно реализовывать поставленные образовательные цели. Педагогическая технология предполагает соответствующее научное проектирование, при котором эти цели задаются достаточно однозначно и сохраняется возможность объективных поэтапных измерений и итоговой оценки достигнутых результатов».

Совершенно очевидно, что рассмотрение вопросов методики обучения иностранным языкам невозможно без показа использования этих новых технологий. Следует рассмотреть следующие технологии:

- обучение в малых группах сотрудничества;
- дискуссии;
- мозговые атаки;
- игры проблемной направленности;
- метод ситуативного анализа;
- метод проектов.

Следует заметить, что ни один из указанных видов технологий не является универсальным. Целесообразно использовать отдельные виды в зависимости от материала, особенностей языковой группы и т.п. Ошибочным было бы злоупотребление каким-либо одним из указанных видов.

Обратимся к рассмотрению отдельных видов современных педагогических технологий.

Паремиологические единицы в практике преподавания английского языка

В средневековой Европе паремиологические единицы активно использовались в образовательном процессе – с их помощью обучали латыни. Включение пословиц и поговорок в учебную программу позволяет учащимся овладеть четырьмя аспектами изучения английского языка: чтением, аудированием, письмом и говорением. Паремии способствуют не только поддержанию и совершенствованию произносительных навыков, они также выступают эффективным источником обогащения лексического состава и помогают активизировать речевую деятельность учащихся [1, с. 143].

В силу своего обобщающего характера паремиологические единицы универсальны в употреблении, поэтому их можно использовать на всех этапах обучения иностранному языку.

Систематически используя резервы паремиологического фонда на уроках английского языка, обучающиеся учатся правильно интерпретировать воспринимаемые на слух речевые высказывания, подбирать к ним русскоязычные эквиваленты и выражать собственные мысли и чувства в соответствующей форме. Многоступенчатый непрерывный подход к изучению паремий формирует и развивает базовые фонетические, грамматические и лексические навыки у учащихся и помогает им овладеть особенностями построения монологической и диалогической речи [2, с. 40].

Использование пословиц и поговорок позволяет сочетать знания теоретической фонетики с элементами игры для более эффективного овладения звуковой стороной англоязычной речи. Народные изречения могут быть использованы в различном контексте в зависимости от цели урока:

- при введении нового фонетического явления;
- при выполнении упражнений на закрепление нового фонетического материала и/или при его повторении;
- во время фонетических зарядок.
- грамотное включение паремиологических единиц в структуру урока позволяет отработать произношение трудных звуков в удобной для усвоения форме:
 - носовой звук [ŋ]: The proof of the pudding is in the eating;
 - межзубные звуки [θ], [ð]: Wealth is nothing without health;
 - [ɛ:]: First come, first served.

Целесообразно использовать паремиологические единицы при изучении грамматического строя языка путем приведения конкретных примеров, иллюстрирующих изучаемые грамматические явления, или в рамках выполнения тренировочных упражнений.

Многократное речевое воспроизведение различных грамматических форм и конструкций способствует дальнейшей активизации и автоматизации их употребления в устной и письменной речи.

Так, паремии эффективно применять при изучении следующих грамматических форм и конструкций:

- множественное число существительных: A cat in gloves catches no mice;
- отглагольные существительные: A good beginning makes a good ending;
- степени сравнения прилагательных: Actions speak louder than words;
- формы глаголов: A man is known by the company he keeps;
- модальные глаголы: Never put off till tomorrow what you can do today; One false move may lose the game; A child must first creep, then go;

- числительные: Four eyes see more than two;
- причастие настоящего времени: The cat shuts its eyes when stealing cream;
- причастие прошедшего времени: Lost time is never found again;
- инфинитив: To know everything is to know nothing;
- герундий: Speaking without thinking is shooting without aiming;
- артикли: The voice of one man is the voice of none;
- предлоги: Make hay while the sun shines;
- притяжательный падеж: There are no birds of this year in last year's nest;
- повелительное наклонение: Promise little but do much;
- конструкция there is / there are: There is no accounting for tastes.

Лексико-грамматическое своеобразие паремиологических единиц способствует обогащению словарного запаса учащихся [3, с. 39–40].

Применение малых фольклорных жанров – пословиц и поговорок – на уроках английского языка способствует приумножению языковых навыков учащихся и является дополнительным источником лингвострановедческих знаний. Организация педагогического процесса с использованием паремий способна повысить естественную мотивацию школьников к изучению иностранного языка [7, с. 16].

Для поддержания интереса учащихся к работе с пословицами и поговорками можно включать в структуру урока устные и письменные задания, направленные на воспроизводство и расширение паремиологического фонда английского языка:

- привести примеры пословиц и поговорок, в которых содержатся цифры и числа: First impressions are half the battle;
- продолжить пословицы и поговорки, зная их начало, и наоборот, восстановить их вступление, зная концовку: If you want a thing well done ... (do it yourself), (Don't count your chickens) ... before they are hatched;
- выбрать правильный вариант пропущенного слова в пословице и поговорке: A drop in the ...: a) water, b) sea, c) bucket;
- расположить отдельные слова паремий в правильном порядке и составить готовые народные высказывания: well, he, fortune, to, pipes, whom, dances (He dances well to whom fortune pipes);
- восстановить пословицы и поговорки из предложенных фрагментов: A little ... often ... agreat ... (A little body of ten harbours a great soul);

– подобрать к русским пословицам и поговоркам соответствующие английские эквиваленты: Когда ждешь, время тянется медленно – а *watched pot never boils*;

– расшифровать паремии, используя специальный код, где каждой букве соответствует ее порядковый номер в английском алфавите: 20, 8, 5 + 5, 24, 3, 5, 16, 20, 9, 15, 14 + 16, 18, 15, 22, 5, 19 + 20, 8, 5 + 18, 21, 12, 5 (*The exception proves the rule*);

– подобрать пословицу или поговорку, подходящую под конкретное описание: *A person worries in advance about events that have not yet occurred (Do not cross the bridge before you come to it)* [9, с. 23–24].

Все вышеприведенные упражнения и задания отличаются по степени сложности, поэтому при планировании занятий стоит учитывать уровень подготовленности учащихся к их выполнению.

Таким образом, приобщение учеников к истокам народной культуры посредством пословиц и поговорок приобретает особое значение в педагогическом процессе. Образная, аргументированная и лаконичная форма малых фольклорных жанров способна активизировать все виды речевой деятельности и приумножить лингвострановедческие знания об англоязычной культуре, необходимые для непринужденного общения с представителями страны изучаемого языка.

Организация внеурочной деятельности по иностранному языку по направлению «Проектная деятельность»

Современному человеку все чаще приходится включаться в поисковую, творческую деятельность в различных сферах жизни. Это возможно при наличии исследовательских умений, которые начинают формироваться уже в школе. В этот период активно развивается интеллектуальная сфера ребенка, увеличивается потребность в самовыражении, познании окружающего мира.

Сегодня метод проектов становится все более популярным. Современная школа перешла на деятельностный подход к организации учебной деятельности. Его целью является развитие личности учащегося, формирование у него нового типа мышления, творческих способностей, инициативности [5, с. 31]. В ходе работы над проектом обучающийся учится самостоятельно находить необходимую ему информацию, обрабатывать ее, усваивать ее в виде новых знаний.

В условиях реализации ФГОС проектная деятельность учащихся приобретает особое значение. Метод проектов направлен на активное самостоятельное мышление ребенка, учит его не просто запоминать и воспроизводить знания, полученные на уроках, а уметь самому добывать их из различных источников

и применять их на практике. Также работа над проектом предполагает высокий уровень индивидуальной и коллективной ответственности за выполнение каждого задания по разработке проекта. Участвуя в проектной деятельности по иностранному языку, учащиеся должны будут использовать имеющиеся у них опыт и знания, сформированные коммуникативные умения, овладеть новыми метапредметными и предметными умениями. Основной целью использования методов проекта во внеучебной деятельности по иностранному языку является развитие у учащихся иноязычной коммуникативной компетенции, которая включает в себя речевую компетенцию (создание возможности проявления коммуникативных умений во всех видах речевой деятельности), социокультурную компетенцию (формирование представлений о социокультурной специфике стран изучаемого языка), языковую компетенцию (овладение лексическими единицами по теме), учебно-познавательную компетенцию и компенсаторную компетенцию (умение выходить из трудных ситуаций в условиях дефицита языковых средств).

Таким образом, использование метода проектов во внеурочной деятельности школьников играет важную роль в их развитии, формировании умений самостоятельно находить, обрабатывать и обобщать информацию, развитии творческих способностей, а также формировании у них коммуникативной компетенции, умении работать в команде, слушать друг друга и находить компромисс.

Эффективные формы и методы ведения внеклассной работы по английскому языку

Ведение внеклассной работы по иностранному языку играет важную роль в воспитании, образовании и развитии обучающихся. Эта деятельность не только углубляет знания по иностранному языку, но и способствует также расширению кругозора детей и подростков, развитию их творческой активности и является мотивационной составляющей в изучении языка, культуры и реалий других стран.

Можно выделить следующие задачи, которые стоят перед педагогом в процессе ведения внеклассной работы: углубление и расширение знаний и практических навыков владения иностранным языком обучающимися; выявление наиболее одаренных детей, способствование их дальнейшему развитию; вовлечение обучающихся в деятельность, которая представляет для них интерес, так как не все учащиеся посещают кружки, секции или имеют хобби; воспитание таких качеств, как целеустремленность, организованность и коллективизм, сформированность которых важна для их дальнейшей жизни и будущей профессиональной деятельности.

Вот наиболее значимые принципы внеклассной работы по иностранным языкам:

- взаимосвязь с повседневной реальностью;
- стимулирование коммуникативной активности обучающихся;
- учёт при организации урока иностранного языка преемственности и уровня языковой подготовки учащихся;
- знание возрастных особенностей учащихся;
- комбинирование коллективных, групповых и индивидуальных форм работы;
- использование межпредметных связей в процессе подготовки и проведения внеклассной работы по иностранному языку.

Эффективность и результативность внеклассной работы находятся в прямой зависимости от соблюдения как перечисленных принципов, так и следующих условий:

- добровольное участие обучающихся во внеклассных мероприятиях;
- сочетание самостоятельности и инициативы детей с направляющей ролью учителя;
- чёткая организация и тщательная подготовка всех запланированных мероприятий;
- эстетическая выразительность, занимательность и новизна содержания, форм и методов работы.

Одной из наиболее эффективных форм внеклассных мероприятий на английском языке для обучающихся всех возрастов и уровней подготовки является электронная тематическая викторина. Эта форма работы часто используется тогда, когда нужно охватить большое количество детей. Это конкурсное мероприятие, проводимое в течение предметной декады.

Викторина является интересным и оживлённым приёмом обучения английскому языку, который способствует накоплению нового языкового материала и закреплению ранее полученных знаний. Викторина как электронный образовательный ресурс обладает следующими характеристиками:

- позволяет учитывать интересы и потребности разных возрастов обучающихся;
- обладает возможностями выйти за рамки учебника;
- является источником поисковой творческой деятельности учащихся;
- повышает сплочённость коллектива учащихся, работающих в одной команде;
- способствует формированию межкультурной компетентности.

Кроме того, содержание викторины можно легко варьировать, применяя его в различных контекстах и на других предметах.

Особое внимание обучающихся всех уровней образования привлекает театрализованная деятельность на иностранном языке. Драматизации отрывков произведений – традиционная форма организации внеурочной деятельности. Чтение отрывков произведений на английском языке, тщательно подобранных в соответствии с возрастными особенностями школьников, погружает юных читателей в атмосферу того времени, когда происходит действие, знакомит обучающихся с известными писателями как классической американской и британской литературы, так и с современными авторами. Инсценировки отрывков произведений развивают образную, выразительную речь ребёнка. Драматизация даёт возможность детям усвоить необходимые слова и выражения. Разучивая роли на английском языке, дети сосредотачивают своё внимание на закреплении в памяти соответствующей лексики. Заучивая наизусть отдельные слова и выражения, они осознают как смысловую, так и коммуникативную функции этих лексических единиц [4, с. 65].

Одна из главных задач учителя в ведении внеклассной работы – это обеспечить в той или иной форме участие в ней каждого желающего проявить себя в разных видах деятельности, а также повысить уровень владения иностранным языком у школьников. Тех учащихся, которых тяжело вовлечь в театральную игру, можно привлечь к анализу произведения, внесению своих идей в текст инсценировки, подбору музыкального сопровождения, изготовлению афиши, реквизита, костюмов и другим видам работы по подготовке и анализу проведенных мероприятий.

Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранному языку

Наше время – это непрерывный этап компьютеризации мира. С возникновением компьютера в образовательном процессе возросла необходимость изучения информационно-коммуникативных технологий и разработки новых приемов и методов обучения. Использование ИКТ в преподавании иностранному языку актуально, так как информационные технологии способствуют развитию навыков коммуникативной компетенции. В первую очередь необходимо дать определение понятию ИКТ, которое обозначает информационные каналы и программные средства создания, сбора, хранения, передачи, обработки, использования информации. Информационные и коммуникационные технологии создают информационно-коммуникационную среду, под которой, согласно определению И.В. Роберт, С.В. Панюковой, А.А. Кузнецова и А.Ю. Кравцовой,

понимается «совокупность условий, обеспечивающих осуществление деятельности пользователя с информационным ресурсом с помощью интерактивных средств ИКТ и взаимодействующих с ним как с субъектом информационного общения и личностью» [6, с. 3]. Компьютер развивает самостоятельность обучающихся и создает благоприятную социально-психологическую атмосферу на занятии, придавая им уверенность в себе, что является немаловажным фактором для развития индивидуальности студентов [8, с. 78].

Использование ИКТ в процессе обучения иностранному языку раскрывает огромные возможности компьютера как эффективного средства обучения. Компьютерные обучающие программы позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях, осознавать языковые явления, способствуют формированию лингвистических способностей, создают коммуникативные ситуации, автоматизируют языковые и речевые действия, а также обеспечивают реализацию индивидуального подхода и интенсификацию самостоятельной работы обучающихся [8, с. 79].

Целесообразно назвать элементы ИКТ, которые можно использовать в преподавании иностранного языка:

- интернет-ресурсы, например, сайт *Lingua-Leo*. Материалы на этом сайте разделены по тематикам. Есть короткие рассказы, песни, мультфильмы, книги, свежая пресса и т.д. Ученик на этом сайте может набирать свой словарь. Представлены несколько видов тренировок: перевод, обратный перевод, тренировка произношения и многие другие. Материал закрепляется тренировками и тестами;

- мультимедийные материалы, например, фильмы о стране изучаемого языка;

- веб-страницы значимых газет в мире. Эти сайты дают возможность не только прочитать статьи, но и прослушать или посмотреть новости;

- электронные приложения к УМК по иностранному языку, которые формируют коммуникативные умения в аудировании, говорении и чтении, повышают мотивацию, развивают память, мышление и воображение;

- интерактивные плакаты;

- тренажеры и программы тестирования;

- графический редактор для создания стенгазет;

- интерактивные конференции.

Следует отметить, что не обязательно использовать большое количество и полное разнообразие компьютерных технологий на каждом уроке. Целесообразно применять

ИКТ на каком-то отдельном этапе урока, например, для введения и первичного закрепления нового лексического и грамматического материала.

Таким образом, использование ИКТ на уроках иностранного языка помогает:

- пополнить словарный запас лексикой современного иностранного языка;
- активизировать познавательную активность учащихся;
- приучить учащихся к самостоятельной работе;
- привлекать пассивных слушателей.

При использовании ИКТ ученик сам усваивает знания. Учитель является помощником. Он организует и стимулирует учебный процесс. При помощи КТ можно как подавать материал, так и контролировать его усвоение. При этом применяется дифференцированный подход в обучении, так как создаются индивидуальные условия для успешной деятельности каждого ученика.

Можно сделать вывод, что в результате модернизации образования ИКТ уже стали неотъемлемой частью обучения иностранному языку в школе. Это позволяет более последовательно применять деятельностный подход в обучении и успешно формировать коммуникативную и информационную компетенции учащихся.

Работая над современными направлениями, обучающие получают опыт работы в «команде», учатся ответственно относиться к выполнению своего участка деятельности, оценивать свои результаты и продукт своих сокурсников. Обучение осуществляется в ходе решения проблемных задач: повышается мотивация, происходит непроизвольное запоминание лексических средств и грамматических структур. Появляются возможности для преодоления коммуникационных барьеров: неуверенности студентов, их боязни сделать ошибку, страха говорить на иностранном языке.

Выбор перечисленных форм, методов, используемых технологий не случайный, а основывается на анализе образовательных потребностей учеников. Выявить же эти потребности позволяет диагностика, которая является необходимым условием успешной педагогической деятельности. Постоянное отслеживание результатов каждого ребенка делает процесс обучения более эффективным, т.к. обеспечивает своевременную коррекцию и отбор содержания, приемов, методов и т.д.

Таким образом, использование современных технологий на уроках иностранного языка позволяет индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения, контролировать

деятельность каждого, активизировать творческие и познавательные способности учащихся, оптимизировать учебный процесс, значительно увеличить темп работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова, Е. В. Использование пословиц и поговорок на уроке английского языка [Текст] / Е. В. Барсукова, М. А. Мосина // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2014. – № 10. – С. 142–146.
2. Карпова, Л. С. Отражение концепта «дружба» в английских пословицах и поговорках и его освоение на уроках английского языка в школе [Электронный ресурс]. – URL: http://www2.bigpi.biysk.ru/vkr/file/mpiya_04_06_2018_09_10_14.pdf – Загл. с экрана.
3. Куприна, И. К. Пословицы и поговорки на уроках английского языка, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <https://urok.1sept.ru/статьи/512864>. – Загл. с экрана.
4. Маслыко, Е. А. Настольная книга преподавателя иностранного языка [Текст] / Е. А. Маслыко, П. К. Бабинская, А. Ф. Будько, С. И. Петрова. – Минск : Высшая школа, 2000. – 522 с.
5. Пахомова, Н. Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении [Текст]: пособие для учителей и студентов педагогических вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : АРКТИ, 2005. – 112 с.
6. Роберт, И. В. Информационные и коммуникационные технологии в образовании [Текст]: учебно-методическое пособие / И. В. Роберт, С. В. Панюкова, А. А. Кузнецов и др./ под ред. И. В. Роберт. – Москва : Дрофа, 2008. – 312 с.
7. Тикаева, И. М. Урок английского языка «Английские пословицы и поговорки» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.metodkopilka.ru/urok_angliyskogo_yazyka_angliyskie_poslovicy_i_pogovorki-56991.htm – Загл. с экрана.
8. Тимофеева, И. В. Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку [Текст] / И. В. Тимофеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 77–80.
9. Федотова, Т. А. Приемы работы с пословицами на уроках английского языка, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: <https://urok.1sept.ru/статьи/529596> – Загл. с экрана. [Электронный ресурс]. – URL: <https://urok.1sept.ru/статьи/580767> – Загл. с экрана.

АННОТАЦИЯ**Медяник Е. А. Современные образовательные технологии в преподавании предметов филологического направления**

В статье рассказывается о современных направлениях преподавания английского языка, таких как: использование паремиологических единиц, информационно-коммуникационных технологий, ведение внеклассной работы по иностранному языку; определяется их роль при обучении иностранному языку. Образовательная роль на уроках английского языка подтверждается примерами практических заданий и упражнений, направленных на повторение и закрепление материала из ключевых разделов науки о языке.

Ключевые слова: английский язык, образовательный процесс, мотивация, внеклассная работа, эффективность обучения, активные методы обучения.

SUMMARY**Medyanik E. A. Modern educational technologies in teaching philological subjects**

The article describes the modern directions of teaching English, such as: the use of paremiological units, information and communication technologies, conducting extracurricular work in a foreign language; their role in teaching a foreign language is determined. The educational role in English lessons is confirmed by examples of practical tasks and exercises aimed at repeating and consolidating material from key sections of the science of language.

Key words: English, educational process, motivation, extracurricular activities, learning effectiveness, active learning methods.

*В. В. Метейко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 373.5.046-021.64.091.32:811.161.1'373

ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАПАСА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Пополнение лексического запаса учеников младшей школы на уроках русского языка помогает им справляться с возникающими языковыми задачами: образное описание реалий действительности, устранение тавтологии, подбор контекстуально-подходящих аналогов слова. Поскольку активные лексические единицы используются ежедневно в устной или письменной речи, их семантика должна быть

полностью понятна школьникам и не требовать уточнения. Поэтому умение использовать точные значения слов, уместные в конкретной языковой ситуации, – основная задача методики преподавания русского языка в младшей школе.

В современной лингводидактике исследование коммуникативных умений младших школьников осуществлялось М.Т. Барановым [1], Т.Н. Волковой [9], Л.А. Гдалевичем [2], В.В. Дёмичевой [3], Н.И. Жинкина [5], С.Ф. Жуйковым [6], Т.А. Ладыженской [8], М.Р. Львовым [10], Н.К. Перцевой [11], Т.Г. Рамзаевой [12], М.С. Соловейчик [13], Л.П. Федоренко [14], Л.А. Ходяковой [15] и другими учеными, которые в той или иной степени разделяют мнение о систематическом и многоплановом подходе к развитию связной речи. Успешное совершенствование навыков устной или письменной речи возможно в комплексе мероприятий, направленных на расширение кругозора ученика, на его способность наблюдать, эмоционально воспринимать, сравнивать, оценивать, обобщать: мысли, чувства, возникающие у детей, – это потенциальные предметы их речевой деятельности; над осознанием школьника системы языка, назначением различных языковых единиц, правил их функционирования, обогащением средств, используемых детьми; над умением выбирать средства языка с учётом ситуации общения и грамотно формулировать мысли; над умением отбирать содержание высказывания и организовывать его в соответствии с замыслом.

Вопрос пополнения словарного запаса младших школьников по-прежнему остаётся актуальным, поскольку качественное общение напрямую зависит от общеапперцепционной базы коммуникантов. Все сферы деятельности человека с раннего возраста так или иначе связаны с речью: для проявления эмоций, способностей, навыков и умений, поэтому ее можно рассматривать одновременно как средство и результат развития ребенка. Его умения сравнивать, систематизировать, обобщать отражаются в речевой деятельности. Логически четкая, образная и связная речь ученика – показатель его умственного развития [7].

На развитие связной речи и обогащение словарного запаса младших школьников влияют несколько факторов. Первый – неречевая предметная деятельность самого ребёнка, расширение связей с окружающим миром через чувственное восприятие, второй – речевая деятельность взрослых и их общение с ребёнком [4]. Данные факторы приводят к потребности в высказывании собственных мыслей, необходимости построения связного, грамотно оформленного, понятного окружающим текста с опорой на апперцепционную базу и развитию умения отбирать

и использовать разговорные средства в зависимости от ситуации общения.

Основной словарный запас младшеклассники накапливают в повседневной жизни, коммуницируя с окружающими или из медиа. Полноценное общение в семье обогащает лексикон ребенка, что помогает быстро адаптироваться к новым реалиям и школьным предметам. Перед учителем младших классов стоит задача – в доступной для учащихся форме раскрыть основные функции речи как средства общения, передачи и усвоения информации, организации и планирования деятельности, воздействия на мысли, чувства, поведение. Необходимо, чтобы дети поняли: то, чем им предстоит заниматься на уроках русского языка по развитию речи, – интересно и имеет большее значение в жизни [8]. Важно работать над умениями школьников вводить новые слова в контекст в устной и письменной речи. Иными словами, побудить ученика к познанию, мышлению, анализу, направить на самоконтроль речи с целью устранения лексики негативной коннотации, орфоэпических и лексических ошибок.

Расширению активного словарного запаса ученика начальных классов способствуют грамотно подобранные задания и упражнения разных типов:

– **упражнения на объяснение значения выбранных слов.** Толковать незнакомые лексемы учащимся младших классов необходимо с лингвистической и с логико-семантической стороны. Это обусловлено тесной взаимосвязью грамматических категорий и лексических связей слова с его логически адекватным разъяснением, подбором аналога. Для составления упражнений на толкование значений подойдут многозначные слова в контексте или за его пределами, например:

Задание. Найдите слова в переносном значении. Объясните их значения с помощью словаря.

Как к доске вызовешь, мычит как **теленочек** – му да му... Ученичок. Я для тебя ужин раздобыл, а ты все спишь, **сурок**. Видела я его сегодня: **хомячок** – мальчонко-то!

Задание. Объясните переносное значение слов в словосочетаниях.

Золотые руки, сгорать от стыда, **кислое** выражение лица, **каменное** сердце, **железная** выдержка, **плывут** облака, **мягкий** характер, **хрустальный** голос.

В основе образности переносных значений слов лежит двуплановость, о которой нужно помнить во время толкования семантики, например: **Задремали** звезды золотые, **Задрожало** зеркало затона, **Брежит** свет на заводи речные И **румянит** сетку небосклона. **Улыбнулись** сонные березки, **Растрепали**

шелковые косы. **Шелестят** зеленые сережки, И **горят** серебряные росы...

Оборот «*свет...румянит сетку небосклона*» имеет переносное значение и образный смысл: солнце покрывает небо розовым или алым светом, наступает рассвет. Данный образ возникает на апперцепционной базе и зрительных представлениях. Словосочетание «*березки растрепали шелковые косы*» строится с помощью метафоры, а образ пушистых деревьев возникает на основе аналогии с распущенными женскими косами.

– **упражнения на анализ лексических средств текста.** Для подготовки заданий используются образцовые или негативные синтаксические конструкции, анализ которых служит для развития у учеников способностей выделять из контекста основную мысль и второстепенные оттенки смысла, а также для выявления и устранения недочетов употребления лексических конструкций.

Задание. Найти слова, употребленные в несвойственном ему значении.

Надоел рыбий (правильно: *рыбный*) *суп*. *Охотник одел* (правильно: *надел*) *шапку и вышел*. *Ветер постепенно принимал силу* (правильно: *набирал силу*). *Коле выдали благодарность* (правильно: *объявили благодарность*).

Задание. Подобрать к словам синонимы или синонимы с образными значениями.

Глупец: *пенёк, лопух*.

Душистый: *ароматный, пахучий*.

Злой: *сердитый, лютый*.

Смелый: *храбрый, отважный*.

Умный: *разумный, мудрый*.

– **составление синтаксических конструкций.** Задания по расширению, обогащению лексического состава можно комбинировать с заданиями по развитию связной речи, которые ориентируют детей на описание образных представлений, связанных с восприятием тех или иных явлений действительности с повышением уровня сложности, в зависимости от года обучения. Речевые высказывания, как анализируемые, так и создаваемые учащимися, могут представлять собой такие типы текстов, как повествование, описание, рассуждение, каждый из которых отличается определенными особенностями в содержании, структуре и языковом оформлении.

Задание. Опишите, как вы понимаете предложенные слова. С помощью словаря определите значение слова. Сравните словарное и описанное вами значение.

1 класс: *секрет, письмо, гнев, великан, отважный*;

2 класс: *купец, подмастерье, изворотливый, лентяй, печаль;*

3 класс: *брести, промах, ассистент, атлет, лукавить;*

4 класс: *визит, доблесть, раритет, сокрушаться, снадобье.*

– **группировка слов согласно лексическим связям.**

Язык – это сложная многокомпонентная, многоуровневая система, реализующая коммуникацию. На лексическом уровне между словами возникают синонимические и антонимические связи, посредством которых можно точнее объяснить младшим школьникам значение, выделить слова с ярко выраженной коннотацией. Упражнения на поиск и объединение лексем с похожей или противоположной семантикой расширяет словарный запас школьников, помогает в дальнейшем подбирать подходящие выражения для высказывания своих мыслей и описания окружающих реалий.

Задание. Разделите слова на синонимические пары.

Алфавит, огонь, чистый, прыгать, бросать, красный, аккуратный, алый, скакать, азбука, пламя, кидать.

Задание. Разделите слова на антонимические пары.

Север, высокий, улететь, загадка, завязать, прилежный, светлый, вред, здоровье, открыть, тяжелый, болезнь, ленивый, польза, легкий, закрыть, юг, низкий, прилететь, темный, отгадка, развязать.

– **словарная работа.** Работа на запоминание слов с непроверяемой орфограммой направлена на повышение уровня грамотности младших школьников и увеличение словарного запаса.

Задание. Загадка: в каких словарных словах спрятались ноты? (*Помидор, дорога, решение...*). Загадка: в каких словарных словах спряталась ель? (*Учитель, понедельник, вермишель...*). Загадка: в каких словарных словах жужжит оса? (*Полоса, зоосад, досадно...*).

Подводя итог, можно сделать вывод, что коммуникативные умения школьников, полученные в результате систематической работы по развитию лексического состава и связной речи, помогают ученикам справляться с такими задачами, как:

– выделять ключевые слова, понимать тему и основную мысль текста;

– интуитивно распознавать значение незнакомых слов;

– отбирать и систематизировать материал в соответствии с заданной темой;

– пользоваться всеми уровнями языка и внутриуровневыми связями между словами;

– понимать содержание текста по названию и название по содержанию.

Пополнение активного лексического запаса – ответственная работа, которую призваны выполнять уроки русского языка. Процесс расширения словарного запаса младших школьников

направлен на владение свободным варьированием слов с уместной семантикой для уточнения мыслей. Таким образом у ребенка, обладающего богатым лексическим запасом, будет формироваться правильная грамотная речь. Дальнейшие перспективы исследования видим в изучении вопросов источников расширения словарного запаса, тематических групп активного словарного запаса, факторов, влияющих на формирование вокабуляра в начальной школе, и других вопросов, связанных со связной речью у учащихся младших классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов М. Т. Научно-методические основы обогащения словарного запаса школьников в процессе изучения русского языка в IV-VIII классах: диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.02. – Москва, 1985. – С. 497.
2. Гдалевич Л. А., Фудим Э. Д. Уроки русского языка в 5 классе: Кн. для учителя: Из опыта работы. – Москва: Просвещение, 1991. – 176 с.
3. Дёмичева В.В. Формирование логического мышления учащихся при обучении словообразованию // Начальная школа. – 2014. – №4. – С. 65-69.
4. Детская патопсихология: Хрестоматия / Сост. Н. Л. Белопольская. – 2-е изд., испр. – Москва : Когито-Центр, 2001. – С. 351.
5. Жинкин Н. И. К вопросу о развитии речи у детей // Советская педагогика. – 1954. – № 6.
6. Жуйков С. Ф. Психологические основы повышения эффективности обучения младших школьников родному языку. – Москва: Баласс, 2014. – С. 123.
7. Захарова Е. А. Обогащение словарного запаса младших школьников на уроках русского языка / Е. А. Захарова, Л. В. Мамедова // Евразийский Союз Ученых. – 2021. – № 3-1(84).
8. Ладыженская Т. А. Речевые секреты: Кн. для учителя нач. классов / Т. А. Ладыженская, Р. И. Никольская, Г. И. Сорокин и др.; Под. ред. Т. А. Ладыженской. – Москва : Просвещение, 1992. – С. 144.
9. Логопедия: Учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / Под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской. – Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – С. 680.
10. Методика преподавания русского языка в начальных классах: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М.Р. Львов, В. Г. Горецкий, О. В. Сосновская. – 3-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – С. 464.

11. Перцева Н. К. Вопросы словообразования в начальной школе // Начальная школа. – 2013. – № 10. – С. 18-21.
12. Рамзаева Т. Г., Львов М. Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». – Москва : Просвещение, 1979. – С. 431.
13. Соловейчик М. С. Русский язык: К тайнам нашего языка: Методические рекомендации к учебнику и тетради-задачнику по русскому языку для 2 класса общеобразовательных учреждений. Пособие для учителя / М. С. Соловейчик, Н.С. Кузьменко. – Изд. 6-е, перераб. – Смоленск: Ассоциация XXI век, 2011. – С. 144.
14. Федоренко Л. П. Закономерности усвоения родной речи / Л. П. Федоренко. – Москва: Просвещение, 1985. – С. 160.
15. Ходякова Л. А. Сочинение по картине в 9-м классе: метод. пособие / Л. А. Ходякова, Г. Н. Галкина, Г. Ю. Ключева; под ред. проф. Л. А. Ходяковой. – Москва : Астрель: АСТ. – 2007. – С. 377.

АННОТАЦИЯ

Метейко В. В. Пополнение лексического запаса младших школьников на уроках русского языка

В статье рассмотрены факторы, влияющие на развитие связной речи и обогащение словарного запаса младших школьников, представлены упражнения, способствующие решению задач, стоящих перед учителем младших классов, которые направлены на повышение уровня словарного запаса ученика от бытового к учебному, посредством вспомогательных материалов, богатых на новые для учеников слова.

Ключевые слова: словарный запас, лексический запас, пополнение словарного запаса младших классов.

SUMMARY

Meteyko V. V. Enhancing the vocabulary of younger pupils in Russian lessons

The article discusses the factors influencing the development of coherent speech and the enrichment of the vocabulary of younger students, presents exercises that contribute to solving the problems facing the teacher of the lower grades, which are aimed at increasing the level of the student's vocabulary from household to educational, through auxiliary materials rich in words new to students.

Key words: vocabulary, lexical stock, enrichment of the vocabulary of elementary grades.

УДК 372.881
ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Увеличение ритма общественной жизни, интеграция государств в сфере образования, а также неограниченный доступ к информационному полю и к качественному образованию во многих странах мира способствуют увеличению количества людей, который владеют несколькими современными языками.

Язык и языковое образование играют огромную роль в успешной деятельности человека в поликультурном обществе людей. Языковое образование помогает сформировать способность личности быть социально мобильной в обществе.

Целью статьи является характеристика современного состояния языкового образования, а также рассмотрение значимых тенденций языкового образования на современном этапе развития общества.

Существует ряд тенденций в развитии языкового образования на современном этапе:

- создание центров по углубленному изучению иностранного языка;
- разработка словарей, которые представляют специфику национальной лингвистической традиции различных языков;
- формирование банка данных, в котором представлена реальная языковая картина мира [4, с. 56].

Современные иностранные языки выполняют следующие функции:

- устанавливают взаимопонимания между носителями различных культур и языков;
- обеспечивают неограниченный доступ к мировой культуре с помощью современных средств информационных технологий [6, с. 330].

Исходя из вышесказанного, язык и языковое образование играют огромную роль в успешной деятельности человека в поликультурном обществе людей. Языковое образование помогает сформировать способность личности быть социально мобильной в обществе.

Государство активно поддерживает потребность современного общества в качественном и разнообразном языковом образовании. Именно эта потребность способствовала введению английского языка как учебного предмета со второго

класса. Важным аспектом в изучении иностранного языка является непрерывность языкового образования. Направленности языкового образования на реализацию задач развития личности способствовали следующие показатели:

- увеличение численности граждан со средним уровнем образования;
- повышение требований к общей культуре каждого гражданина страны;
- формирование готовности к сотрудничеству в межнациональной и межкультурной среде [8, с. 143 – 185].

Языковое образование направлено на приобщение учащихся к новому средству общения, познание иной культуры, развитие готовности к общению и привитие толерантности к иностранным языкам и культурам. Учащийся является центральным элементом в системе школьного образования. В учебном процессе разрабатываются специальные ситуации, в которых обучающемуся предлагается проявить активность для решения коммуникативных задач. Важным аспектом является помочь учащимся развить умение самостоятельно осуществлять коммуникативную деятельность, взаимодействовать в различных ситуациях общения.

Языковое образование как процесс состоит из четырех сфер:

«учитель»	–	«ученик»
«обучение языку»	–	«изучение языка»

Основной задачей школы в языковом образовании является помочь ребенку осознать свой путь овладения иностранным языком, а также стимулировать его к проявлению активности. Учитель в свою очередь должен правильно построить свою профессиональную деятельность для достижения планируемых результатов [2, с. 136].

Основной функцией системы языкового образования является личностно-образующая функция, которая предполагает систематическое обучение и воспитание и направлена на овладение иностранным языком как средством общения с носителями языка, познания культуры страны / стран изучаемого иностранного языка, а также как инструментом, который позволяет успешно функционировать в современном поликультурном мире.

На сегодняшний день одной из основных тенденций языкового образования является огромный выбор способов изучения иностранного языка: обучение на курсах в группе или индивидуально, занятия с носителями иностранного языка, изучение языка онлайн с помощью различных языковых платформ, а также обучение при помощи методики с погружением в языковую среду.

Среди прочих тенденций в развитии языкового образования можно назвать следующие: переход к качественному образованию для всех слоев населения; увеличение количества изучаемых иностранных языков в школе; повышение интереса к изучению древних языков; повышение качества обучения за счет стремительного развития информационных технологий [1, с. 38–48].

В современной системе развития языкового образования существует две тенденции, которые являются неотъемлемой частью системы школьного образования, а именно:

- демократизация в единстве общегосударственного и регионального компонентов содержания языкового образования, а также возможность выбрать средства, способы достижения цели в обучении иностранного языка;
- гуманизация как отказ от авторитарной методики обучения иностранного языка в школе.

Основная функция языкового образования – личностно образующая функция, которая направлена на овладение обучающимися:

- иностранным языком как средством общения с носителями этого языка, познанием чужой культуры и культуры страны родного языка;
- иностранным языком, который позволяет ориентироваться в современном поликультурном мире.

В современном мире трудно представить жизнь человека, который не знает хотя бы один иностранный язык, т.к. большинство современных средств коммуникации предназначены для людей, владеющих иностранным языком (в особенности английским языком). Английский язык проник во все сферы жизнедеятельности человека: Интернет, описание товаров при эксплуатации, музыка, фильмы и т.д. Знание иностранных языков крайне необходимо для грамотной работы в Интернете: общение с носителями языка, конференции, деловые переговоры и т.д.

Современный образованный человек обязан владеть иностранным языком для успешной деятельности. Именно поэтому приоритетным направлением в развитии образования Российской Федерации является языковое образование. Студенты, которые владеют достаточным уровнем знания иностранного языка, смогут построить более успешную карьеру в будущем. Усовершенствование опыта международного сотрудничества позволяет повысить авторитет страны на международном рынке, что ведет к улучшению экономической ситуации [7].

В настоящее время растет стремление многих людей изучать не один иностранный язык, а, как минимум, два или три. Наиболее

популярными языками для изучения в качестве иностранного в России являются английский, немецкий, испанский и китайский. Люди стремятся создать межкультурные контакты и приобрести возможность общаться с другими людьми через Интернет в реальном времени. Благодаря развитию Интернета и мультимедийных технологий у многих появилась возможность проходить курсы по повышению уровня знания языка онлайн, заниматься языком с репетитором, прибегнуть к компьютерным самоучителям [3, с. 60].

Современное языковое образование становится весьма популярным как среди молодых людей, так и со стороны людей среднего возраста. С.Г. Тер-Минасова так описывает востребованность языкового образования: «Небывалый спрос потребовал небывалого предложения. Неожиданно для себя преподаватели иностранных языков оказались в центре общественного внимания: легионы нетерпеливых специалистов в разных областях науки, культуры, бизнеса, техники и всех других областей человеческой деятельности потребовали немедленного обучения иностранным языкам как орудия производства. Их не интересует ни теория, ни история языка – иностранные языки, в первую очередь английский, требуются им исключительно функционально, для использования в разных сферах жизни общества в качестве средства реального общения с людьми из других стран» [10, с. 425].

Подводя итог, хотелось бы сказать, что современный мир ориентирован на получение качественного языкового образования. Ведь знание иностранных языков необходимо: они помогают не только получить желаемую работу, достичь высот в профессиональной сфере, но также значительно расширить возможности человека для культурного взаимодействия. Современные информационные технологии вызывают интерес и мотивируют большое количество людей к изучению новых иностранных языков и культур. Именно поэтому языковая политика должна предоставлять все возможности для удовлетворения данной потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, О. Р. Межкультурные аспекты коммуникативной компетенции на иностранном языке / О. Р. Бондаренко // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе. – № 30. – 1991. – С. 38–48.
2. Глазырина, В. М. Педагогика современной школы. Обучающее пособие для студентов ВУЗов / В. М. Глазырина. – Донецк : Норд-Пресс, 2006. – 220 с.

3. Дзюбенко, О. С. Современные тенденции в обучении иностранному языку / О. С. Дзюбенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 60.
4. Козырев, В. А. Современная языковая ситуация и речевая культура / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 147 с.
5. Колкер, Я. М. Практическая методика обучения иностранным языкам / Я. М. Колкер, Е. С. Устинова, Т. М. Еналиева. – М. : Академия, 2001. – 264 с.
6. Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (25–27 апреля 2019, Симферополь) / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2019. – С. 330.
7. Савенко, В. В. Актуальность изучения иностранных языков в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/aktualnost-izucheniya-inostrannih-yazikov-v-sovremennoy-rossii-1130056.html>
8. Сафонова, В. В. Спорные вопросы создания материалов для контроля умения аудировать на ИЯ / В. В. Сафонова // Современные теории и методики обучения иностранным языкам. – М., 2004. – С. 143 – 185.
9. Сололова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Сололова. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 2006. – 239 с.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2008. – 624 с.

АННОТАЦИЯ

Прожога Т. Ю. Тенденции в развитии языкового образования на современном этапе

Увеличение ритма общественной жизни, интеграция государств в сфере образования, а также неограниченный доступ к информационному полю и к качественному образованию во многих странах мира способствуют увеличению количества людей, который владеют несколькими современными языками.

Язык и языковое образование играют огромную роль в успешной деятельности человека в поликультурном обществе людей. Языковое образование помогает сформировать способность личности быть социально мобильной в обществе.

Ключевые слова: языковое образование, непрерывность образования, личностно-образующая функция.

SUMMARY

Prozhoga T. Yu. Trends in the development of language education at the present stage

The increase in the rhythm of public life, the integration of states in the field of education, as well as unlimited access to the information field and to quality education in many countries of the world contribute to an increase in the number of people who speak several modern languages.

Language and language education play a huge role in the success of a person in a multicultural society of people. Language education helps to form the ability of an individual to be socially mobile in society.

Key words: language education, continuity of education, personality-forming function.

*Е. В. Соловцова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367+81'37(045)

**ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ДИКТУМНОЙ ЧАСТИ ДИРЕКТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ПЕРФОРМАТИВНЫМ ПРЕДИКАТОМ ПРОСЬБЫ**

В современных грамматических исследованиях предложение определяется как многоаспектная языковая единица, которая изучается с точки зрения формально-синтаксической, семантико-синтаксической и коммуникативной организации. Базовыми компонентами семантико-синтаксической структуры предложения являются субъектная и предикатная синтаксемы, указывающие на его реальное содержание как единицы, обозначающей отдельную ситуацию бытия.

Ввиду того, что в предложениях с эксплицитно выраженной иллокутивной целью показателем иллокутивной силы является иллокутивный (перформативный) предикат, важным представляется анализ роли предиката в формировании позиционных моделей, изучении коммуникативных и функциональных особенностей предложений данного типа.

Предикат – центральная синтаксема, которая детерминирует количественно-качественный состав предложения, определяя таким образом его семантико-синтаксическую организацию [1, с. 214]. Дифференциальные признаки перформативных предикатов (стремление к достижению цели коммуникации, конвенциональность, сема речи) обусловлены семантико-структурными и прагматико-функциональными особенностями использования предиката. Перформативный предикат выражается

перформативным глаголом, обозначающим коммуникативное действие, которое в определенном коммуникативно-прагматическом контексте оказывается не просто названием действия, а непосредственно действием.

Изучение формально-грамматической организации предложения представлено рядом научных подходов и концепций, в частности исследованиями Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, М. В. Всеволодовой, Т. П. Ломтева, Г. Г. Сильниченко, Л. Теньера, Ф. Ф. Фортунатова, Н. Хомского, Н. Ю. Шведовой и др.

Целью работы является анализ формально-грамматической организации пропозициональной части директивных перформативных предложений с предикатом просьбы.

К директивам относятся перформативные высказывания, иллокутивная цель которых состоит в побуждении адресата выполнить действие, обозначенное пропозицией. Иллокутивная сила директивных перформативных высказываний актуализируется с помощью соответствующего директивного перформативного глагола (далее – ДПГ) в канонической форме (форма первого лица единственного числа настоящего времени несовершенного вида изъявительного наклонения). Общее пропозициональное содержание выделенных типов предложений сконцентрировано на выражении намерения говорящего склонить адресата к выполнению действия, привлечь его к действию, которое должно привести к изменению ситуации [3, с. 182].

Объектом предлагаемого исследования являются предложения с директивным значением, содержащие в позиции предиката перформативный глагол интенционально-семантической группы 'просьба'.

Предмет исследования – модели диктумной части директивных перформативных предложений, реализующих иллокутивную силу просьбы.

В публицистических текстах перформативные глаголы служат эксплицитным средством достижения перлокутивного эффекта. При этом перформативность в целом свойственна текстам такого типа и обусловлена их способностью воздействовать на адресата.

Изучение формально-грамматической структуры предложения базируется прежде всего на описании его компонентного состава, поэтому в качестве исходного параметра для выделения базовых синтаксических моделей предложений рассматриваемого типа используется способ синтаксического моделирования пропозициональной части. Принимается во внимание семантика директивных перформативных глаголов, занимающих в структуре предложения позицию предиката и определяющих его интенциональную направленность. Анализ особенностей

формально-грамматического оформления директивных перформативных предложений предполагает выделение типичных синтаксических моделей, репрезентирующих конкретную интенционально-семантическую группу (далее – ИСГ), а также базовых моделей, характерных для директивных перформативных предложений в целом.

Описание специфики формально-грамматической структуры директивных предложений ИСГ ‘просьба’ предполагает главным образом исследование диктумной части перформативной модели, раскрывающей суть предполагаемого действия продуцента высказывания (компонента намерения), поскольку модусная часть перформативного высказывания является преимущественно константной и содержит ДПГ в его классической форме, личное местоимение первого лица единственного числа как компоненту продуцента высказывания и местоимение или существительное в непрямом падеже как компоненты адресата (потенциального исполнителя коммуникативного действия).

Полная форма директивного перформативного высказывания реализуется сложноподчиненным предложением с союзом чтобы, в котором главная часть называет действие, эксплицированное перформативным предикатом, а в придаточном изъяснительном раскрывается содержание действия, необходимого для выполнения реципиентом. Указанная форма синтаксической модели предложения с директивным предикатом в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) употребляется достаточно редко, более частотными являются различные модификации и реализация полной формы посредством других составляющих. Анализируя директивные перформативные предложения, мы обозначили типовую семантику, обобщили каждую модель в формуле.

Валентность содержания просьбы может реализовываться следующими способами (порядок описания типичных формул обусловлен частотностью употребления в газетном подкорпусе НКРЯ как результата статистической обработки иллюстративного материала). Модели размещены от центра к периферии:

1а) “ДПГ + инфинитивная группа”: *Однако прошу не сравнивать наши фильмы. Мы разные, каждый из нас шел своим путем* [Н. Корнацкий. «Посетители» всмотрелись в Московский кинофестиваль // Известия, 2014.06.27]; *Но подход ко всем один: я прошу расслабиться, не позировать и ничего не изображать* [Ю. Хожателева. Это кто тут перед камерой СЛОНяется? // Комсомольская правда, 2014.04.17]; *Поэтому я умоляю хотя бы не спешить с наступлением* [КП. Первая мировая: 1914–1918 гг. от фронта до тыла // Комсомольская правда, 2014.08.01]; *Я*

умоляю Вас простить мой грех и воссоединить меня со святой Православной Церковью [Патриарх Сергей Страгородский: «С таким письмом и на Страшный суд не страшно!» // Новая газета, 2015.10.26]; *И если вы стремитесь к успеху – я приглашаю вас посетить этот форум* [В Москве соберутся самые успешные женщины России // lenta.ru, 2018.03.07].

Синтаксическая формула директивного перформативного высказывания с представлением пропозициональной части инфинитивной группой с объектной семантикой является одной из наиболее распространенных для директивных предикатов просьбы, в частности для ДПГ собственно просьбы. Зависимый инфинитив является экспликацией воли адресанта высказывания о совершении адресатом какого-либо действия или же просьбой не выполнять его.

1б) “ДПГ + императивная глагольная форма”: *Это даже не пюре, а просто суфле какое-то. Заклинаю: обойдитесь без него, если вы в течение дня не занимались тяжелым подневольным трудом* [Л. Захаров. Город мужчин: Ели мясо мужики // Комсомольская правда, 2006.11.09]; *А врачи с военкоматом как сговорились: не годен! Борис, умоляю, пристрой на фронт!* [А. Гамов. Борис Бурков, редактор «Комсомольской правды» в годы Великой Отечественной войны: «Я пытался выдернуть Гайдара с передовой...» // Комсомольская правда, 2014.01.22]; *Но закликаю вас, не мочите подол! И не загибайте его! Иначе муж будет пьяница, а свекровь сразу вычислит, что вы выходите замуж из корысти* [О. Кузьмина. Майские невесты // Труд–7, 2001.05.11]; *Я вас умоляю, напишите: ничего подобного не было* [Е. Черных. Вангу раскручивали спецслужбы, чтобы получать информацию о ее клиентах // Комсомольская правда, 2014.08.07];

1в) “ДПГ + именная группа”: В предложениях подобной модели вследствие номинализации придаточной части происходит ее преобразование в дополнение изъяснительной семантики, при этом предложение функционирует как простое, в котором предикат называет действие, а второстепенные компоненты раскрывают его информационную суть: *От всего сердца благодарю всех, кто уже помог, и опять прошу помощи... Нам нельзя останавливаться на полпути* [И. Кумейко. Для спасения жизни челябинского школьника нужно два миллиона // Комсомольская правда, 2013.01.16]; *«Ваша честь, я прошу разрешения выйти из зала суда», – несколько раз не выдерживала Юлия Федоровна, мама погибшего Владимира Вержесикина* [И. Кривец. Полицейскому дали восемь лет за пьяное ДТП, в котором погибла семья // Комсомольская правда, 2013.03.28]. *От всего сердца я умоляю о прощении у тех, кто пострадал в*

результате столь печальных событий [2500 евро за рабский труд и унижение // РИА Новости, 2010.12.16].

Формально-грамматическое представление пропозициональной части при ДПГ просит именной группой может изменять интенциональную направленность высказывания. Так, сочетания *прошу прощения*, *прошу извинения* являются устойчивыми формулами речевого этикета и характеризуются экспрессивной интенцией: *Я прошу прощения, не хотела никого обидеть вообще, никого задеть* [Лобода объяснила появление чужого интимного фото в ее соцсетях // lenta.ru, 2019.09.25]; *«Я прошу прощения за ошибки, которые совершила»*, – заявила в суде 28-летняя Анна Сорокина [Суд в США приговорил псевдомиллиардершу из России к 4–12 годам тюрьмы // Коммерсантъ, 2019.05.10]; *Я прошу извинения за некорректно выраженные слова и свое поведение* [Брянский чиновник извинился за угрозу «хлопнуть в рыло» // Московский комсомолец, 2019.02.12].

Глагольно-именные сочетания *прошу тишины*, *прошу внимания* выражают приказ: *Я прошу тишины. Игорь, дай, пожалуйста, микрофон Ирине Вадимовне Тюриной* [Как повлияет новый закон о туризме на отдых россиян // Комсомольская правда, 2006.10.31]. Что касается *прошу внимания*, то в современных газетно-публицистических текстах данное сочетание употребляется как вводная конструкция в ассертивных предложениях: *Все платили с минимальной заработной платы, а разницу получали в конвертах. Между тем, когда мы ввели плоскую шкалу, поступления по этому налогу за восемь лет возросли, прошу внимания, в 12 раз* [А. Садчиков. «Двадцатка» решила не лечить зуб, а ждать, пока он сам пройдет // Известия, 2009.04.10]; *«В Смоленской области собирались приобрести школьное лабораторное оборудование на 46 миллионов рублей, – привел пример Путин. – Причём условием конкурса была работоспособность оборудования – прошу внимания! – в высокогорных условиях»* [Д. Смирнов. Путин недоволен, как чиновники тратят народные деньги // Комсомольская правда, 2013.10.04].

1г) “ДПГ + придаточное предложение, вводимое союзом *чтобы*”. Данная синтаксическая модель (каноническая для директивных перформативных предложений) реализуется сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным и союзом *чтобы*, где модусная часть формируется перформативным предикатом с интенцией просьбы, а диктумная – изъяснительным предложением, раскрывающим сущность просьбы: *Понимаю, что это ваша исповедь, вам надо было это высказать, но заклиная, чтобы никто никогда эту*

книгу не видел [Коллеги Льва Ландау – о фильме «Мой муж – гений» // РИА Новости, 2008.11.14]; *Я ходатайствую о том, чтобы второй этаж бывшей типографии не реконструировался, а сохранился в первоизданном виде – в качестве культурного пространства* [Е. Таскина. У «аллеи художников» в Екатеринбурге может появиться помещение // Новый регион 2, 2010.10.18]; *Но я **прошу**, чтобы вы меня услышали: это не мне нужно, это нам всем нужно* [Ю. Рыбина. Владимир Васильев заявил о намерении участвовать в выборах главы Дагестана // Коммерсантъ, 2018.06.30]; *Я – Казимир Дроздов, **прошу**, чтобы вы помогли мне найти мою мать и сестру Лену* [А. Щербаков. «Сын думал, что я сдала его в детдом, а я всю жизнь его ждала!» // Комсомольская правда, 2013.02.07].

Директивные предикаты просьбы могут употребляться с приглагольными распространителями, которые подчеркивают интенсивность каузируемого действия, например: *Военный инженер, Христом-Богом **прошу**, пристрели меня* [С. Сухая. Александр Казанцев: «Я никогда не боялся смерти. Потому и выживал» // Труд–7, 2002.08.01]; ***Заклинаю** вас и святыми многочисненными, херувимами, крылатыми серафимами, витающими окрест престола и зовущими – помогите* [Ю. Снегирев. Святая вода остановила колорадского жука // Комсомольская правда, 2002.07.20].

1д) *односоставные определенно-личные предложения с предикатом просьбы*: *Скоро премьера! Всех **приглашаю**!* [О. Александрова. Кристина Асмус продолжает работать и на седьмом месяце беременности // Комсомольская правда, 2013.11.18]; *Можно приехать и отдохнуть. **Приглашаю*** [А. Гамов. «Мы зачищали «Белый дом» не пулями, а матюками» // Комсомольская правда, 2013.10.04]; *Впереди мой благотворительный концерт для детей, 2 июня в Москве. Всех **приглашаю**!* [М. Ремизова. Волочкова об ограблении своего дома: «Спасибо, Господи, что взял деньгами!» // Комсомольская правда, 2013.04.30]; *Я понимаю, что таких семей, как у описанной вами Л. С., множество, всем не помочь, но сейчас речь идет о конкретных детях. **Умоляю**!* [И. Руденко. Настоящий мужчина: рыцарь или «помесь вибратора с банкоматом»? // Комсомольская правда, 2003.08.12]; *А пациент как-то странно ерзает и, чуть не плача, подгоняет: «Да поскорее же! **Умоляю**!»* [А. Плешакова. Вам плохо? Тогда мы едем к вам! // Комсомольская правда, 2005.10.26].

Содержание просьбы в этих предложениях, как правило, раскрывается в предыдущем предложении, без которого не может быть реализована валентность содержания предиката просьбы последующего предложения.

Нераспространенными синтаксическими моделями предложений с ДПГ ИСГ ‘просьба’ являются бессоюзные сложные предложения, содержание просьбы в которых выражается во второй части предложения, выступающей в качестве встроеного дополнения: *Я об одном **молю**: лишь бы девочка в компанию наркоманов не попала* [Л. Каллиома. Путин может дать вам квартиру, но не сможет вернуть ребенка // Известия, 2006.06.01]; ***Умоляю**: не надо открыток и прочих личных сообщений* [С. Черных. ...и плюс компьютеризация всей страны // Комсомольская правда, 2013.10.10].

Количественное распределение синтаксических моделей, характерных для предложений с директивными перформативными предикатами ИСГ ‘просьба’, представлено в таблице.

**Формально-грамматическая структура предложений
с директивными перформативными предикатами ИСГ
‘просьба’**

Синтаксическая модель	количество, %	
ДПГ + инфинитивная группа	942	66,3%
ДПГ + императивная глагольная форма	267	18,9%
ДПГ + именная группа	92	6,8%
ДПГ + придаточное	64	4,5%
Односоставное предложение	39	2,7%
Другое	17	1%
Всего	1421	100%

Семантико-синтаксическая структура директивного перформативного предложения определяется особенностями реализации валентности предиката и обусловлена прагматическими целями продуцента высказывания, коммуникативная интенция которого выражена главным образом в лексической семантике перформативного предиката и обуславливает синтаксические позиции составляющих элементов, необходимых для раскрытия его семантического потенциала.

Таким образом, наиболее распространенным формально-грамматическим способом экспликации пропозициональной части директивных перформативных предложений с интенцией просьбы является модель “ДПГ + инфинитивная группа”, в состав которой входит дополнение изъяснительной семантики: оно выражено инфинитивом и является результатом объединения модуса и диктума высказывания в рамках простого предложения. Следующие по частотности употребления – модели “ДПГ + императивная глагольная форма” и “ДПГ + именная группа”. Распространенным типом диктумной части предложений с экспликацией предиката ДПГ просьбы являются модели, представленные односоставным (чаще нераспространенным) предложением, которое образовано перформативным предикатом, непосредственно называющим речевой акт просьбы. Менее распространены модели, представленные бессоюзными сложными предложениями, вторая часть которых раскрывает содержание речевого акта, выраженного директивным перформативным предикатом.

Перспективным считаем изучение вариаций модификаторов семантико-синтаксической структуры директивных перформативных предложений, которые используются для увеличения прагматического эффекта высказывания, что способствует наиболее успешному взаимодействию интерактантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л., 1977. – 204 с.
3. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов : [сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.
4. Шведова Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения / Н. Ю. Шведова // Славянское языкознание. – М. : Наука, 1973 – С. 461–463.
5. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 1985 – Vol. 6 – P. 222–254.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Формально-грамматическая организация диктумной части директивных предложений с перформативным предикатом просьбы

В статье рассматриваются особенности формально-грамматического структурирования директивных перформативных предложений с предикатом просьбы. Описаны типичные модели репрезентации диктумной части предложений рассматриваемого типа. Охарактеризовано соотношение семантического и синтаксического аспектов пропозициональной части перформативных предложений.

Ключевые слова: диктум, перформативный глагол, валентность, пропозиция, директивный предикат, просьба.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Formal-grammatical structure of the dictum part of directive sentences with the performative predicate of request

The article deals with the features of formal-grammatical structuring of directive performative sentences with the predicate of request. Special regard is given to the basic models of the dictum part of the performative sentences. The author studies the role of the correlation of semantic and syntactic aspects of the propositional part of the performative sentences.

Key words: dictum, performative verb, valency, proposition, directive predicate, request.

*Л. Е. Солопова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'243

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Обновление современного общества и актуальные концепции модернизации образования выступают одним из важных мотиваторов повышения уровня высшего образования с совершенствованием его содержания и технологий. Продолжаются поиски эффективных методических принципов реализации столь значимого компонента обучения студентов языковых вузов, как освоение нескольких иностранных языков во всех видах речевой деятельности.

XXI век, объявленный ООН веком полиглотов, требует от нынешнего поколения будущих специалистов умения читать и понимать тексты как на родном, так и на иностранном языках. Любой текст, включая художественный или научно-популярный, отражает язык, речевую культуру и национальную душу народа – носителя языка. В своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» известный советский и российский лингвист С.Г. Тер-Минасова, определяя соотношение между языком и реальным миром, описывает начало нового тысячелетия как эпоху «великого смешения народов, языков и культур. Такое смешение достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоление в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [2, с. 9].

В парадигме составляющих коммуникативной компетенции студентов-переводчиков, изучающих второй иностранный язык (ИЯ2), вопросам обучения чтению всегда уделялось достаточно времени, особенно на начальном этапе.

В нашем исследовании мы рассмотрим метод параллельного чтения как эффективного способа формирования профессиональной переводческой компетенции, в частности, грамматических навыков немецкого языка (НЯ) как ИЯ2 на младших курсах.

Так, вопрос о месте грамматики для чтения в обучении НЯ как ИЯ2, о содержательной стороне и форме презентации грамматического материала, о грамматических упражнениях и учебных текстах не теряет своей актуальности. Выдающиеся учёные (Н.И. Гез, Б.А. Лапидус, Г.В. Фоломкина и др.) признают важность обучения грамматике во время чтения. Многие теоретико-практические труды крупных исследователей (М.Г. Аствацартян, Н.В. Баграмова, Н.В. Барышников, И.Л. Бим, Н.Д. Гальская и др.) посвящены методике обучения ИЯ2, взаимосвязанному усвоению чтения и грамматики в том числе.

Приступая к изучению НЯ как ИЯ2 следует опираться на генетическое родство и сходство традиционно изучаемых в отечественных вузах основных европейских языков (английского, французского, испанского), что облегчает положительный перенос, особенно при чтении, когда в силу восприятия при задействовании главного зрительного анализатора, отождествление и декодирование письменного текста проще устного продуцирования. Не стоит забывать также о сравнительно-сопоставительном приёме обучения НЯ при том условии, что у студентов уже сформированы механизмы чтения на родном языке и ИЯ1. В свою очередь, это помогает выбирать

ключевую и нужную информацию в тексте, на их основе прогнозировать и интерпретировать содержание [1, с. 13].

Как показывает практика, в качестве альтернативной формы чтения на начальном этапе изучения НЯ как ИЯ2 положительно зарекомендовало себя чтение параллельных текстов. Параллельное чтение – одновременное чтение на родном и изучаемом ИЯ (чаще всего адаптированного иноязычного текста). Как правило, перевод может располагаться под каждой строчкой, после каждого абзаца текста-оригинала, либо по разным сторонам страницы. Кроме того, имеют место грамматические объяснения, авторские ремарки.

Метод параллельного чтения связан с именем немецкого археолога – одной из незаурядных личностей XIX века Г. Шлимана. Будучи полиглотом, он разработал собственный способ изучения языков, частью которого было чтение параллельных текстов, позволяющее сразу окунуться в реальный язык и читать, не заглядывая в словарь. Помимо этого, изучались и грамматические структуры, то есть грамматика была не самоцелью, а инструментом для составления своих фраз по шаблону.

Известно, что уже с первых занятий по НЯ как ИЯ2 после ознакомления с правилами чтения и азами грамматики, значимость чтения как цели и средства обучения становится высокой в силу его экстралингвистических функций, «положительно влияющих на становление самостоятельной личности студента: способствует становлению и развитию навыков самостоятельной работы; ставит мировоззренческие ориентиры, прививает нравственные и художественные ценности; расширяет общий кругозор» [1, с. 153].

По нашему мнению, параллельное чтение уместно на начальном этапе обучения ИЯ2 по причине того, что студенты владеют уже базовыми знаниями ИЯ1, которые активизируют языковую догадку при чтении, потому что в комбинации «английский + немецкий» оба языка являются близкородственными.

В качестве эксперимента со студентами 2 курса направления подготовки «Перевод и переводоведение» нами был применён метод параллельного чтения на завершающем этапе изучения разговорной темы «Как провести свободное время» (3 семестр; 1 год изучения ИЯ2). Были поставлены цели при работе с отрывками художественных параллельных текстов по теме, среди которых: закрепление словарного запаса, анализ и пересказ текста, нахождение ответов на заданные вопросы, составление диалогов, построение предложений с выученным грамматическим материалом (безличные предложения, модальные глаголы

и др.). Во время выполнения заданий студенты преуспели в запоминании слов в контексте при задействовании зрительной памяти, в развитии чувства языка и языковой догадки, а также в фиксации и анализе переводческих трансформаций (последний пункт есть неотъемлемым моментом каждого занятия по ИЯ2).

Также параллельное чтение было использовано в экспериментальной группе в аспекте домашнего чтения в качестве инструмента формирования грамматических навыков студентов-лингвистов как неотъемлемой части коммуникативной компетенции. Перед изучением грамматической темы «Презенс сильных глаголов. Отделяемые / неотделяемые приставки» (4 семестр; 1 год изучения ИЯ2) были проработаны адаптированные параллельные тексты сказок братьев Grimm, в числе заданий к которым – выделение заданных языковых явлений и анализ применения данных конструкций в предложениях.

Во время чтения студенты, встречая повторяющиеся грамматические конструкции, видели их в контексте, запоминали и анализировали, тем самым апробировали индуктивный метод освоения языка: от примеров к закономерностям и правилам. Студенты делали самостоятельные выводы о способе и цели применения данных грамматических структур и высказывали свои предложения по их использованию. Впоследствии при изучении заявленного грамматического материала ознакомление было лишь с теоретическим блоком, а приведение примеров к сформулированным грамматическим правилам было реальным закреплением благодаря практике чтения параллельных тестов. Безусловно положительным в данной работе является одновременность языковой и коммуникативной задач.

Данный эксперимент подтверждает успешность параллельного чтения в формировании коммуникативных навыков:

- студенты владеют основами ИЯ2, но есть сложность со словарным запасом, которую без труда решает чтение параллельных текстов, переводя лексику из потенциальной через пассивную в активную и пополняя лексику;
- студенты делают определённые выводы по грамматическим явлениям языка через контекстуальные примеры, анализ и толкование их грамматических структур, и, в свою очередь, понимание грамматических правил.

Следует отметить, что параллельные тексты являются одним из доступных способов и для самостоятельного изучения иностранного языка. Метод параллельного чтения при обучении ИЯ2 особенно актуален во время обучения с использованием дистанционных технологий, когда в домашней обстановке с доступом к интернету и онлайн-библиотекам есть больше времени на ежедневное чтение

параллельных текстов (с прослушиванием аудиоверсии также), иначе говоря, на более «глубокое погружение» в немецкий язык.

Таким образом, параллельное чтение при изучении ИЯ как ВИ2 способствует формированию, поддержанию и совершенствованию умения в чтении для понимания и интерпретации прочитанного, а также и универсальных учебных действий по самостоятельному усвоению новых знаний. Параллельное чтение эффективно не только для практического овладения ИЯ2 и приобщения к культуре страны изучаемого языка, но и для самообразования и, как следствие, формирования коммуникативной компетенции будущего переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсянников А. О. Когнитивно-компенсаторный подход в обучении информативному чтению на втором иностранном языке : дисс. на соискание учён. степени доктора пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки)» / А. О. Овсянников. – Санкт-Петербург, 2016. – 665 с.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация» / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

АННОТАЦИЯ

Солопова Л. Е. Эффективность параллельного чтения в формировании коммуникативной компетенции студентов-лингвистов при изучении второго иностранного языка

Статья посвящена особенностям параллельного чтения в формировании грамматической компетенции студентов-лингвистов. Автор рассматривает индуктивный метод освоения немецкого языка как второго иностранного в мультилингвальной образовательной среде.

Ключевые слова: параллельное чтение, словарный запас, контрастивные структуры, языковая догадка, индуктивный метод, второй иностранный язык.

SUMMARY

Solopova L. E. The effectiveness of parallel reading in the formation of the communicative competence of linguistic students when learning a second foreign language

The article is devoted to the peculiarities of parallel reading in the formation of grammatical competence of linguist students. The author

considers the inductive method of mastering German as a second foreign language in a multilingual educational environment.

Key words: parallel reading, vocabulary, contrastive structures, language guess, inductive method, second foreign language.

Т. С. Токарева
(г. Свердловск, ЛНР)

УДК 811.111

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ КАК ТЕКСТ

Словарь – это реализация накопленного за века научного, культурного и общественного опыта, а также достижений всех исследований и размышлений сотен и сотен людей. Материал, отобранный для словаря, составляет особую ценность, поскольку содержит исключительные данные, выбранные опытным путем. В лексикографической работе мы найдем ответы на любые интересующие нас вопросы, как энциклопедического, так и лингвистического характера. Еще до появления Интернета словарь являл собой единственный комплексный авторитетный источник абсолютных знаний, на который можно было положиться в любую минуту. При этом можем говорить о том, что, если энциклопедические словари представляют интерес для человека любого возраста и специальности, то лингвистические – больше привлекают внимание филологов и языковедов.

Структурной единицей словаря и, по сути, его «лицом» является словарная статья. Это тот элемент целостной системы лексикографического продукта, который позволяет читателю с помощью искомого слова найти ответ на заданный вопрос. Из словарных статей, как из кирпичиков, выстроен весь комплекс лексикографической работы. Словарные статьи содержат определенный постоянный набор компонентов, т.н. зон. Несмотря на аспектную соотнесенность, этот набор остается практически неизменным и традиционным.

Изучением разнообразных аспектов словарей и словарных статей занимались многие ученые-языковеды и лексикографы. Например, Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б., Бабенко Л. Г., Дубичинский В. В., Резунова М. В. Актуальность нашей работы объясняется стремлением дополнить уже изученные сведения о словарной статье новыми деталями русскоязычных словарей XXI века, связанными с постоянно развивающимися наукой и технологиями. Цель работы заключается в стремлении обобщить полученные ранее учеными знания по лексикографическим

работам и сделать собственные выводы об особенностях словарной статьи, как текста.

Сегодня без словарей ни одна наука не может представлять своего полноценного существования. Без помощи лексикографии невозможны научные исследования в математике, биологии, физике, информатике, философии, литературоведении, языкознании и многих других науках. Разные аспектные словари используются как при сложных высокотехнологичных исследованиях, так и при подготовке учителя русского языка (или любого другого учебного предмета) к своему уроку. С первой справочной литературой ребенок встречается в самом начале своего пути к познанию, когда берет в руки энциклопедию. Далее ни один год обучения в школе или высших учебных заведениях не проходит без пользования словарем. Но этот процесс не заканчивается и в зрелом возрасте, ведь человек встречается с разнообразными инструкциями и справочниками, которые по их сути можем отнести и к лексикографическим работам. Приведённые примеры говорят о том, что словарь является универсальной справочной литературой, доступной любому человеку в любом возрасте.

Объектом описания лингвистических словарей являются языковые единицы (слова, словоформы, морфемы). Для русского языкознания первоочередную важность составляют именно лингвистические словари.

Установлено, что практически все словари состоят из словарных статей, исключая только некоторые справочники, представляющие собой лишь списки слов, например, частотные словари или обратные, в которых необходимая для пользователя информация заключена в самом словнике. Слова в таком словаре расположены по алфавиту их конечных букв, поэтому не составляет труда найти слова с одним и тем же суффиксом или подобрать рифмующиеся единицы. Такая же ситуация обычно обозначена и в небольших школьных орфографических словарях, в них нет словарной статьи, потому что в них словник уже содержит данные о написании слова и его акцентологической норме.

Словарная статья – это основная структурная единица словаря. В. В. Дубичинский предлагает следующее определение этого понятия: «Словарная статья – это текст, разъясняющий заголовочную единицу в словаре и описывающий её основные (произносительные, сочетаемостные, стилистические, словообразовательные и т.п.) характеристики...» [3, с. 392]. Структура словарной статьи определяется задачами словаря. Она состоит из нескольких частей и зон описания. Каждая зона содержит особый тип словарной

информации. Словарная статья – это тот компонент в корпусе словаря, на который реципиент безоговорочно обратит внимание, т.к. именно этот разъясняющий текст и является основной целью восприятия. Пропуская мимо своего внимания структуру словаря, инструкции по использованию, читатель обязательно по заголовочному слову находит необходимую ему словарную статью и уже из нее получает ответ на свой поисковой запрос.

Каждый аспектный тип лингвистического словаря характеризуется своей структурой словарной статьи. Порядок и количество основных элементов и зон словарной статьи могут варьироваться в зависимости от авторских интенций. При наличии основных элементов словарная статья может расширяться одними дополнительными аспектами либо сокращаться за ненадобностью других. Как утверждает Л. П. Ступин, «основными абсолютно для всех типов словаря являются следующие, присущие всем словарям части:

1) заголовочное (заглавное) слово, открывающее словарную статью;

2) описание семантико-стилистических и грамматико-функциональных особенностей слова;

3) документальное подтверждение существования слова в языке и показ того, как оно реально используется в речи, то есть цитаты-иллюстрации» [6, с. 48]. Кроме всего прочего необходимо отметить, что данная последовательность компонентов статьи неслучайна. Она выстроена по логически верному пути: от поясняемого слова до иллюстративных примеров применения этого слова в литературе или публицистике. Словарная статья, начинающаяся с описания разнообразных свойств слова, не может закончиться заголовочным словом. Авторы-составители словарей твердо придерживаются этого правила.

Словарная статья, будучи основной единицей лексикографии, своими функциями и принципами превращается в универсальную единицу языка, взаимосвязанную со всеми языковыми структурами и науками. Материал словарной статьи называется текстом. Организованность, информативная наполненность, относительная завершенность – все эти свойства приближают словарную статью к характерным для текста элементам.

На уровне микроструктуры словарь состоит из крошечных текстов – словарных статей. Как и любой другой текст, она имеет трехчастную структуру: вместо введения выступает заголовочное слово, основная часть статьи представлена словарными зонами (толкование или перевод, грамматическая, орфоэпическая информация, иллюстративный материал) и в заключении автор-составитель приводит сведения об этимологии искомого слова,

примеры употребления лексемы. Сложная конструкция словарной статьи подразумевает нахождение одного независимого текста в структуре словаря как текстуального единства и одновременно всей лексикографического труда, как отдельно взятого текста среди всех подобных образований в языке.

Сегодня в языкознании существует несколько десятков определений термина «текст». Все они имеют огромное количество общих черт, отличаясь лишь оттенками значений. И. Р. Гальперин в своем труде «Текст как объект лингвистического исследования» дает следующее определение: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1, с. 18]. В этом определении четко прослеживаются такие характеристики текста, как завершенность, письменное проявление, наличие разнообразных связей, заголовок и сверхфразовых единств, а также целенаправленность.

Проведем конкретное исследование на материале статьи из семантического словаря Н. Ю. Шведовой:

ЖИВОТНОЕ, *-ого*, ср. 1. Живой организм, существо, обладающее (за исключением губок, коралловых полипов и нек-рых других) способностью двигаться и питающееся, в отличие от большинства растений, готовыми органическими веществами. *Царство животных* (млекопитающие, птицы, рептилии, амфибии, рыбы, членистоногие, моллюски, черви и нек-рые другие; спец.). *Позвоночные, беспозвоночные животные. Теплокровные, холоднокровные животные* (спец.). 2. Живое существо в противоп. человеку (обычно о млекопитающих). *Дикие, домашние животные. Сельскохозяйственные животные. Промысловые животные. Общество защиты животных.* [7, с. 403].

Выполним краткий анализ данной словарной статьи. Итак, в ней есть все обязательные элементы: заголовочное слово, семантическая зона, грамматическая зона, а также иллюстративная, представленная в предложениях с использованием данного слова. Особенностью семантического словаря является его тематическая направленность, наличие специфических разделов (названия животных). В данной словарной статье содержательность подчинена теме подраздела (собственно общие обозначения). Здесь идет речь о двух возможных значениях слова «животное». Информация,

заключенная в статье, имеет смысл и ценность сама по себе, не требуя дополнительных дефиниций: не имеет смысла объяснение никакие слов, кроме заголовочного «животное». Автором собраны основные толкования лексемы, выраженные в краткой, но содержательной форме. В этом и проявилась завершенность и целостность словарной статьи, как текста. Кроме того, эта статья была создана с целью донести до читателя информацию по искомому им вопросу. Она не может иметь ценности и значимости отдельно от реципиента, ведь предполагает передачу информации от автора-составителя читателю.

Отсюда следует, что текстом является не только словарная статья в частности, но и весь словарь целиком. Это утверждение не требует доказательств, поскольку словарь подчиняется тем же правилам построения, что и любой другой текст. Авторскими представлениями о цельности и вычленяемости объекта описания из общего потока информации обусловлена формальная линейность текста словаря и его единство, выраженное особым порядком (например, алфавитным) словарных статей, формой словаря как книги, которую можно читать с первой до последней строчки.

Представляя лексикографию как диалог между автором-составителем и читателем, можем говорить о существовании лексикографического дискурса. Этот диалог всегда возможен, поскольку присутствуют главные компоненты коммуникативного акта: адресат, адресант, цели и способы общения, коммуникативная ситуация, а также весь тот массив информации, которая стремится быть переданной.

Понятие «лексикографический дискурс» было введено в науку о языке относительно недавно. По словам А. Голованевского, «лексикографический текст, как вариант научного текста, совпадает с лексикографическим дискурсом, разновидности которого, в свою очередь, определяются лексикографическим жанром» [2, с. 9].

Отметим, что дискурс – это интерактивная деятельность участников общения, взаимообмен информацией, оказание воздействий друг на друга, вербальная и невербальная составляющие общения, составляющая социокультурного влияния, выраженного в интересах, мотивах, целях и стилях общения. Дискурс проявляет связь со временем и ситуацией коммуникативного акта, эквивалентно понятию «речь», выражает ограничения по социальной или идеологической линии. Несомненно, понятие «дискурс» не отделяют от понятия «текст», лишь дополняют его особенными факторами – экстралингвистическими, психологическими и др.

Для анализа словарной статьи в направлении лексикографического дискурса, как видового понятия текста, приведем пример словарной статьи из большого словаря русских поговорок под редакцией В. М. Мокиенко:

«Благо

ЗЕМНЫЕ БЛАГА. Книжн. Все, что служит для удовлетворения материальных потребностей человека.

Ни за какие блага. Разг. Ни при каких обстоятельствах (выражение категорического отрицания, отказа)» [4, с. 42].

В этом лексикографическом дискурсе присутствует автор (В. М. Мокиенко), который выполнил большую работу по отбору разноплановых пояснений и иллюстраций, чтобы составить данную словарную статью. Цели автора легко обнаруживаются и вполне объяснимы. Он стремился из обширного массива русских поговорок и крылатых выражений, существующих в художественной литературе, языке прессы и живом разговорном языке, выбрать самые частотно употребляемые фразовые единства. Толкование этих выражений может быть выявлено посредством предыдущих научных объяснений автора или его коллег либо личным коммуникативным опытом В. М. Мокиенко.

При составлении автор предполагал наличие адресата, которому эти лексические наблюдения пойдут на пользу. Адресатом подобных информационных сообщений может любой человек, заинтересованный в пояснении давно известных выражений. Это и ученики школы, которые откроют лексикографический труд при подготовке к урокам русского языка и литературы, и студенты филологических факультетов, для которых материал словарных статей придет в помощь при подготовке к занятиям и написании научных работ разного уровня. Не обойдет стороной словарь русских поговорок и учитель/преподаватель, а также любопытный по своему характеру человек, желающий узнать значение той или иной услышанной им фразы.

Ситуация этого коммуникативного акта предусматривает использование реципиентом словаря в условиях получения информации по русским поговоркам. Автор не зря делает пометы (книжн., разговор.), они нужны для того, чтобы направить читателя к правильному стилистическому использованию заголовочного слова (фразы).

Таким образом, можем сделать выводы о том, что словарная статья, несомненно, является как текстом, так и дискурсом. Исходя из понимания лексикографической работы как тотального текста, который можно читать от первой до последней страницы, его небольшую структурную единицу – словарную статью тоже принято считать текстом.

Как продукт науки, статья лексикографического произведения подчиняется определенным правилам построения и всегда стремится к универсальности и совершенству. Первые лексикографы точно так же, как и сегодняшние ученые, не знали, кто станет реципиентом их работ, но всегда стремились угадать в нем человека открытого, способного воспринимать и интерпретировать прочитанное. Эта информативность и ориентированность на читателя доказывают, что словарная статья – это текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : моногр. / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
2. Голованевский А. Л. Концепт «слово» в религиозном, лексикографическом и художественном дискурсе / А. Л. Голованевский // Русское слово в языке и речи: докл. на общерос. конф. – Брянск, 2000.
3. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие / В. В. Дубичинский. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 431 с.
4. Мокиенко В. М. , Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 784 с.
5. Резунова М. В. Словарная статья: текст или дискурс? / М. В. Резунова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – С. 47-49.
6. Ступин Л. П. Лексикография английского языка [Текст] / Л. П. Ступин. – М. : Высшая школа, 1985. – 167 с.
7. Шведова Н. Ю. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2007. – 924 с.

АННОТАЦИЯ

Токарева Т. С. Словарная статья как текст

Словарная статья является основной структурной единицей не только словаря, но и языка вообще. Она построена по определенному принципу и содержит в себе весь лексический опыт, накопленный людьми за века исследований. При этом словарная статья содержит все признаки текста и дискурса, что возможно доказать на конкретных примерах русскоязычных словарей.

Ключевые слова: словарная статья, текст, информативность, смысловая завершенность, дискурс.

SUMMARY

Tokareva T. S. Dictionary Entry as Text

A dictionary entry is the main structural unit of not only a dictionary, but also a language in general. It is compiled according to a certain principle and contains all the lexical experience accumulated by people over centuries of research. At the same time, the dictionary entry contains all the features of the text and discourse, which can be proved using specific examples of Russian-language dictionaries.

Key words: dictionary entry, text, informativeness, semantic completeness, discourse.

*П. С. Чуднецова
(г. Перевальск, ЛНР)*

УДК 811.111.'367.5

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Для выражения всего, что мы видим и слышим, что происходит с нами или с другими людьми, мы пользуемся языком. Наша первая помощница – это стилистика, которая является разделом языкознания, занимающимся исследованием стилей речи, стилистических приемов и выразительных средств языка в их отношении к выражаемому содержанию.

Актуальность нашей статьи заключается в недостаточности изучения данной проблемы. Лексические выразительные средства и стилистические приемы зачастую рассматриваются как единое целое, многие лингвисты практически не разделяют данные понятия, не проводят четкой грани между ними, хотя понятия эти в значительной степени отличаются друг от друга.

Практическая значимость нашей статьи – возможность использования материалов студентами филологических факультетов во время подготовки к занятиям по стилистике и лексикологии, а сводная таблица лексических выразительных средств и стилистических приемов может быть использована как наглядное пособие во время занятий.

Стилистика – это отрасль общей лингвистики. Она посвящена двум взаимозависимым целям. Первая цель – это изучение специальных языковых средств, которые обеспечивают выразительность языка. Вторая – посвящена некоторым типам текстов, которые благодаря выбору и расположению языковых средств отличаются прагматическим аспектом общения.

В.С. Виноградов говорил, что стилистика – это наука, отрасль лингвистики, изучение принципов и результатов отбора и использования лексических, грамматических, фонетических и других языковых средств для передачи мыслей и эмоций при различных обстоятельствах общения [2, с. 51].

Исследованием данной проблемы занимались такие лингвисты, как И. В. Арнольд, И.Р. Гальперин, А.Н. Мороховский, а также С. Четмен, Р. Якобсон, Г. Лич.

Стилистика как наука тесно связана с другими лингвистическими науками, такими как фонетика, грамматика, лексикология. Поэтому существуют такие понятия, как грамматические (синтаксические) стилистические средства, фонетические и лексические стилистические средства языка. Данные лексические средства и стилистические приемы были собраны нами и представлены в виде таблицы.

Таблица 1

Лексические выразительные средства и стилистические приемы

СТИЛИСТИКА		
ФОНОСТИЛИСТИКА	ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА	
Фонетические стилистические приемы	Синтаксическая стилистика	Морфологическая стилистика
аллитерация, ассонанс, ономапоея, эвфония, рифма, ритм	Синтаксические фигуры	Лексические выразительные средства
	повтор, инверсия, параллелизм, градация, многочленные сочинительные единства, элипс, сопоставление противоположностей	метафора, аллегория, олицетворение, сравнение, ирония, сарказм, зевгма, каламбур, полисемия, эпитет, междометие, восклицательные слова, метонимия, оксюморон, антономасия, перифраз, эвфемизм, гипербола, мейозис, литота, клише, пословицы, поговорки, сентенции, цитаты, аллюзия, распад устойчивых фраз

В нашей статье мы будем раскрывать особенности употребления синтаксических лексических средств, среди которых повтор, инверсия, градация, сочинительные единства, эллипс, сопоставление противоположностей, риторический вопрос и т.д.

Изучение текстов в терминах их синтаксической организации рассматривается как одна из важнейших проблем в стилистическом анализе, хотя особенности синтаксического устройства не столь заметны, как лексические и фразеологические.

Стилистический синтаксис касается конкретных шаблонов синтаксического использования, то есть синтаксических выразительных средств и стилистических средств. Все отклонения от стилистически немаркированного шаблона предложения рассматриваются как его преобразования, которые могут приобретать стилистические коннотации. Данные преобразования возможно рассматривать как стилистические выразительные средства, а именно их синтаксические разновидности. Преобразование шаблона в вопросе об отрицательных и вопросительных предложениях редко приводит к любому стилистическим изменениям. Другие преобразования могут создавать стилистически выраженные шаблоны предложений.

Согласно типу трансформации нейтральной синтаксической картины, все выразительные средства в английском языке освещают три группы:

1. Синтаксические средства, основанные на сокращении синтаксической картины, которая возникает в результате преднамеренного опущения некоторого обязательного элемента или элементов структуры предложения. Эта группа включает в себя многоточие, апозиопезис, номинативные предложения и бессоюзие.

2. Синтаксические средства, основанные на избыточности синтаксического шаблона, который возникает в результате добавления некоторых элементов предложения или их преднамеренного повторения. К этой группе мы относим повторение, перечисление, синтаксическую тавтологию, многосоюзие, эмфатические конструкции.

3. Синтаксические средства, основанные на нарушении грамматически фиксированного порядка слов в предложении или преднамеренной изоляции некоторых частей предложения. Сюда относятся стилистическая инверсия, синтаксический раскол и отрыв.

Стилистический эффект в синтаксисе может быть создан не только из-за отношений между элементами предложения, но также из-за внешних отношений между несколькими предложениями, отношений внутри абзацев и других сверхфразовых единиц.

Стилистический эффект может быть достигнут с помощью стилистически обозначенных средств и схем сочетания предложений в более широком контексте. Стилистический эффект также может быть создан из-за переноса синтаксического значения предложения в контексте. В этом случае предложение приобретает дополнительное значение, которое не является типичным для соответствующей синтаксической структуры.

Таким образом, принимая во внимание характер отношений между синтаксическими структурами, возможные транспозиции значений в контексте и средства, и типы связи внутри предложения, мы выделяем следующие группы синтаксических средств:

1. Синтаксические средства, основанные на своеобразном формальном и семантическом взаимодействии синтаксических конструкций с пространственным контекстом: параллелизм, хиазм, анафора, эпифора.

2. Синтаксические средства, основанные на переносе синтаксического значения в контексте: риторические вопросы.

3. Синтаксические средства, основанные на трансформации типов и средств связи в или между предложениями: подчинение вместо координации и координация вместо подчинения.

Синтаксические средства, основанные на сокращении структуры предложения.

Эллипсис – это упущение из синтаксического построения одного или нескольких слов, которые могут быть четко поняты из контекста. Эллиптические предложения регулярно используются в разговорном английском языке. Используемые в художественной литературе, они приводят к достижению некоторого стилистического эффекта:

1) предоставление речевых характеристик, например «*Not him, sir. Too pleased with himself. Some gentlemen can't act... Too stiff*» (A. Christie) [4, с. 85];

2) подчеркивает некоторый факт(ы), например. «*The robbery Long Ago. Very valuable emeralds... The lady's made and the tweeny*» (A. Christie) [4, с. 85];

3) имитация спонтанности, например. «*"Quick – in here"...* Poirot led the way into the nearest room... *"And you – behind the curtain"»* (A. Christie) [4, с. 85].

Апозиопезис – это разрыв речи, в то время как мысль не завершена, что вызвано неспособностью или нежеланием говорящего закончить высказывание, например: «*Are you – are you and Paul..?*» she stopped, squeezing my arm» (D. Hammett); «*It can't be – you don't mean...*» [3, с. 74].

Номинальные предложения – это однословные предложения с существительным, фразой препозиционного существительного

или наречием. Эти глагольные предложения грамматически независимы. В отличие от эллиптических предложений, у них есть только одна основная часть, с или без слов, изменяющих ее.

Номинальные предложения могут приводить к:

1) увеличению динамизма повествования, например «*Are markable woman – a dangerous woman. No waiting – no preparation. This afternoon – this very afternoon – with him here as witness...*» (A. Christie) [4, с. 38];

2) ознакомлению читателя с местом или фоном действия, например, «*Three blocks more... Another three blocks*» (D. Hammett) [3, с. 56].

Бессоюзие(асиндетон)–этопреднамеренноеизбеганиесоюзов, используемых для соединения предложений, предложений или слов. Что касается его стилистического значения, то асиндетон создает определенную ритмическую компоновку, обычно делая повествование измеренным, энергичным и напряженным, например: «*That's all I'm to do, all I want to do*» (D. Hammett); «*Tree and hall rose peaceful under the night sky and clear full orb; pearly paleness gilded the building; mellow brown gloom bosomed round: shadows of deep green brooded above its oak-wreathed roof*» (Ch. Bronte) [1, с. 64].

Избыточность членов предложения как стилистическое синтаксическое средство.

Повторение – это повторение одного и того же слова или фразы, чтобы подчеркнуть некоторые части предложения.

Различные виды повторения можно найти в художественной литературе:

1) обычное повторение, то есть повторение слова с близкой последовательностью, т.е. «*She talked, in fact, and talked, and talked*» (A. Berkley) [4, с. 72];

2) кадрирование или повторение кольца, то есть повторение, в котором начальное слово или фраза повторяется в конце предложения, или группы предложений, «*Cooled off where Frank was concerned; he didn't notice, but I cooled off*» (V. Pritchett) [5, с. 27];

3) повторение последнего слова в предложении или в начале следующего, например, «*Yes, but I was afraid, afraid I'd go to one who'd tell Paul. I didn't know who to go to, who I could trust*» (D. Hammett) [3, с. 26];

4) повторение цепи, то есть комбинация повторов, например, «*A smile would come into Mr. Pickwick's face. The smile extended into laugh; the laugh into roar, the roar became genera!*» (Ch. Dickens) [5, с. 27];

5) перечисление – это повторение однородных частей предложения, направленное на то, чтобы подчеркнуть все

высказывание, например «*found battlers, second men, chauffeurs, cooks, maids, upstairs girls, downstairs girls, and a raft of miscellaneous flunkies – he had enough servants to run a hotel*» (D. Hammett) [3, с. 20].

Синтаксическая тавтология является излишним повторением семантически одинаковых слов или фраз для выражения значимости определенной части предложения, например: «*She's always one for a change, Gladdieis...*» (A. Christie) [4, с. 27].

Полисидентон (многосоюзиe) – это повторение союзов в тесной последовательности, которые используются для соединения предложений или слов и делают высказывание более ритмичным. Например: «*She had herself a rich ruby look, for what with eating and drinking, and shouting and laughing and singing her face was crimson and almost teaming*» (J. Priestley) [4, с. 39].

Параметрические предложения – это фразы, вставленные в синтаксическую структуру без грамматической связи с ней. Функции круглых скобок заключаются в примерах, обсуждении или ссылке. Паралитические предложения могут создавать различные стилистические эффекты:

1) создание двух слоев повествования, например: «*He tried to shake Wynant down by threatening to shoot him, bomb his house. Kidnap his children, cut his wife's throat – don't know what all – if he didn't come across*» (D. Hammett) [3, с. 27];

2) подчеркивание того или иного факта, например: «*He laughed – not loud but in complete delight – and stood up exclaiming: «Judith herself!»*» (D. Hammett) [3, с. 27];

3) иллюстрация некоторых моментов, например: «*The dog – a shapeless monster in the night – buried itself at the other side of the gate and barked terrifically*» (D. Hammett) [3, с. 27].

Инверсия – нарушение фиксированного порядка слов в английском предложении. Существует 2 основных вида инверсии:

1) тот, который приводит к изменению грамматического значения синтаксической структуры, т. е. грамматической инверсии (восклицательные и вопросительные предложения) и

2) тот, который приводит к добавлению к предложению эмоциональной и выразительной окраски, то есть стилистической инверсии, например: «*And the palm-trees I like them not*» (A. Christie) [4, с. 40].

Инверсия может быть двух типов:

– полной, то есть содержащей главные части предложения, например: «*From behind me came Andrew's voice*» (S. Chaplin) [4, с. 41];

– частичной, то есть влияние на вторичные части предложения, например: «*Straight in to the arms of the police they will go*» (A. Christie) [4, с. 41].

Разделение или синтаксическое раздвоение – это разделение существительной фразы. Стилистически синтаксическое разделение используется, чтобы подчеркнуть фразу, которая была разделена, например: «*He had never seen the truth before, about anything*» (R. Warren) [4, с. 41].

Отрыв – это разделение вторичной части предложения с целью его акцентирования, например: «*Formidable and ponderous, counsel for the defence arose*» (A. Christie) [4, с. 42]. Отрыв следует рассматривать как особый вид инверсии, когда некоторые части предложения синтаксически отделены от других его членов, с которыми они грамматически и логически связаны.

Важным стилистическим средством является употребление синтаксических конструкций в несвойственном им переосмысленном значении.

Риторический вопрос не требует никакой информации, потому что ответ на него находится в самом вопросе. Риторические вопросы составляют неотъемлемую часть ораторской речи, потому что они успешно подчеркивают идеи оратора. Риторический вопрос усиливает смысл вопросительного предложения и передает более сильный оттенок эмоционального смысла. В эмоциональной прозе риторические вопросы используются для высказывания суждений, а также выражают различные виды модальных оттенков смысла, таких как сомнения, презрение, вызов, ирония и так далее. Это подкрепляется интонацией, которая значительно отличается от интонации обычных вопросов. Например, в следующем примере читатель не может не почувствовать прикосновения к голосу:

“*Have I not have to wrestle with my lot? Have I not suffered things to be forgiven?*” [4, с. 46].

Английский язык имеет для этого богатый, развитый, стилистически дифференцированный словарь. В художественном стиле используются все типы предложений, синтаксических связей, особенности интонирования и ритмомелодики. Стилистические приемы делают нашу речь экспрессивной, разнообразной, выразительной и яркой. Нет ни одного произведения, которое было бы написано без использования различных стилистических средств. Материалы, представленные в нашей статье, можно использовать для работы со студентами филологических факультетов во время подготовки к занятиям по стилистике и лексикологии, а сводная таблица лексических выразительных средств и стилистических приемов может быть использована как наглядное пособие во время занятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Просвещение, 2004. – 384 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 470 с.
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
4. Ивашкин М.П., Сдобников В.В., Селяев А.В. Практикум по стилистике английского языка. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. – 97 с.
5. Мороховский А. Н. и др. Стилистика английского языка. – Киев: Вища школа, 1991. – 272 с.

АННОТАЦИЯ

Чуднецова П. С. Стилистические синтаксические особенности построения предложений английского языка

Данная статья раскрывает основные понятия стилистического синтаксиса, характеризует структуру грамматического построения предложений английского языка. Также в статье раскрыты особенности употребления синтаксических стилистических средств.

Ключевые слова: стилистика, синтаксические выразительные средства, грамматика, инверсия, риторический вопрос.

SUMMARY

Chudnetsova P. S. Stylistic syntactic features of the construction of sentences in the English language

This article reveals the basic concepts of stylistic syntax, characterizes the structure of the grammatical construction of sentences in the English language. The article also reveals the features of the use of syntactic stylistic means.

Key words: stylistics, syntactic expressive means, grammar, inversion, rhetorical question.

*М. В. Яковенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.111'373.21

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТОПОНИМОВ В НЕОФИЦИАЛЬНЫХ НАЗВАНИЯХ ГОРОДОВ

В современной ономастике актуальными остаются исследования, направленные на изучение неофициальных антропонимов и

топонимов. Рассматриваются их типы, структура, способы образования. Неофициальные названия городов относятся к довольно интересным феноменам среди собственных имен. В отличие от официальных названий они выражают отношение говорящих к тому или иному имени собственному, связанному с названием населенного пункта. «Называя один и тот же объект, топоним-прозвище и официальное наименование принадлежат к различным сферам употребления и отличаются друг от друга степенью эмоциональной окрашенности» [4, с. 225]. Е. О. Леонович выделяет среди неофициальных топонимов две категории: «а) неофициально-разговорные и б) книжно-литературные, особенно широко и традиционно используемые в журналистике» [4, с. 225].

Книжно-литературные прозвища городов, как правило, содержат положительную экспрессивно-эмоциональную окраску. Своим происхождением они обязаны журналистам, владельцам рекламных агентств, писателям. Что касается структуры данных неофициальных названий городов, они представляют собой описательные словосочетания, или перифразы, которые могут включать в свой состав прецедентные топонимы. Цель нашей статьи – выяснить особенности мотивации неофициальных названий городов, имеющих в своем составе прецедентные топонимы.

В лингвистике термин «перифраза» обозначает понятие «описательное выражение». Наиболее полное определение приведено в большом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой, где под перифразой подразумевается «стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и явлений действительности (преимущественно эмоционально-экспрессивного, описательного характера)» [8, с. 371]. В словаре Д. Э. Розенталя перифраза (перифраз) определяется как «оборот, состоящий в замене названия предмета либо явления описанием их существенных признаков или указанием на их характерные черты» [7, с. 360]. Журналисты и писатели часто используют перифразированные выражения для того, чтобы избежать повторения топонима и придать особенность данному географическому названию. «Перифразы служат, прежде всего, стилистическим приемом, который помогает избегать многократного повторения топонима в тексте, а также помогает выразить авторское отношение к именуемому объекту. Наряду с этим описательное обозначение географических объектов может рассматриваться и как источник дополнительной информации об объекте, не отражаемой топонимическими средствами» [1, с. 104].

Прецедентные имена, обладая культурными коннотациями, будучи включенными в структуру перифразы, активизируют

некий пласт фоновых знаний коммуникантов. «Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, исторических событий, судеб. В когнитивной базе носителя языка хранится прецедентное имя и то, что за ним стоит, совокупность дифференциальных признаков и атрибутов» [3, с. 115-116]. Основанием для прецедентности топонима становятся наиболее яркие характеристики географического объекта.

При этом по широте распространения прецедентные имена могут быть межъязыковыми, то есть известными во многих культурах. Так, благодаря коннотации «очаг культуры, центр культурной жизни» в топониме *Афины (Athens)* появились топонимические перифразы: «*Волинские Афины* – г. Острог (“Известия”, 1979 г., 14 янв.); *южно-русские Афины* – г. Харьков (Сытин И.Д. Страницы пережитого); *сибирские Афины* – г. Томск; *северные Афины (Athens of the North)* – г. Эдинбург; *американские Афины* – г. Бостон (“Известия”, 1978 г., 9 дек.); *Афины-на-Шпрее* – г. Берлин (в письме И.С. Тургенева Л. Пичу от 27 июля 1872 г.); *Афины Германии* – г. Мюнхен (Репин И.Е. Далекое близкое)» [5, с. 61]. Топоним *Афины (Athens)* входит в состав многих неофициальных названий городов Америки, которые гордятся своими достижениями в сфере культуры: *Афины Запада (Athens of the West)* – г. Лексингтон (Lexington), штат Кентукки; *Афины Юга (Athens of the South)* – г. Нэшвилл (Nashville), штат Теннесси; *Афины Северо-запада (Athens of the Northwest)* – г. Фэриболт (Faribault), штат Миннесота; *Афины Техаса (Athens of Texas)* – г. Уэйко (Waco); *Афины Арканзаса (Athens of Arkansas)* – г. Файетвилл (Fayetteville) [4, с. 231].

Красивая архитектура и исторические памятники городов часто ассоциируются с другим прецедентным топонимом *Париж*. В словаре Е. С. Отина находим коннотативное значение этого собственного имени: «какой-либо населенный пункт или какая-либо его часть, где имеются признаки культуры, цивилизации, благоустроенности» [5, с. 270]. Благодаря данной коннотации появилось неофициальное название города Новый Орлеан (New Orleans), США: *Американский Париж (Paris of America)* [4, с. 278]. Город Цинциннати (Cincinnati), штат Огайо, США в XIX веке также был известен как *Американский Париж (America's Paris)* [4, с. 229] благодаря амбициозным по тем временам проектам, таким как местная гостиница, мюзик-холл, универмаг и др. Широкие проспекты Канзас-Сити и Детройта (США) также позволили провести аналогию с Парижем, что видно из неофициальных названий данных городов *Paris of Plains, Paris*

of the Midwest. Немецкий город Dusseldorf называют *маленький Париж (Klein-Paris)* [6, с. 171].

Город **Венеция** стал известен во всем мире благодаря своим многочисленным водным каналам. Этот факт способствовал использованию данного топонима в неофициальных названиях городов, чем-то (обилием водных каналов, постройками на сваях и т.д.) похожих на Венецию. Так, *Северной Венецией* называют Санкт-Петербург, Россия; Бирмингем (Birmingham), Великобритания; Амстердам, Нидерланды; Schwerin, ФРГ; Stralsund, ФРГ; г. Брюгге, Бельгия. *Дунайской Венецией* называют г. Вилково, в устье Дуная (Одесская область); *Славянской Венецией* – район Шпреевальд в Германии. В Америке среди неофициальных топонимов можно встретить перифразы с данным географическим названием: *Venice of America* – Fort Lauderdale; *The Venice of New Jersey* – Cranford.

В неофициальных названиях городов можно встретить топоним **Рим**, который ассоциируется с центром духовенства, веры. Так, Москву называют *Третьим Римом*. Кельн, один из старейших городов Германии, являясь крупным центром католицизма, получил неофициальное название *Северный Рим (Rom des Nordens)* [6, с. 110]. В США г. Ричмонд (Richmond), Вирджиния называют *Современный Рим (Modern Rome)* [4, с. 272].

В неофициальных названиях городов также используется топоним **Chicago**. Данный город в США ассоциируется с разгулом преступности. Эта коннотация собственного имени Chicago была использована при создании перифраз. Так, репутация других городов США как центров преступности обусловила появление неофициальных названий. *Little Chicago of the South* (Johnson City, Tennessee), *Little Chicago* (Sioux City, Iowa; North Platte, Nebraska) возникли во время «Сухого закона» 1920-х годов из-за роли этих городов в подпольном производстве, транспортировке и продажи алкоголя.

Ассоциация с развлечениями, игровыми автоматами города Лас-Вегаса (Las Vegas) легла в основу перифраз в прозвищах городов Middlesboro – *Little Las Vegas*, Branson – *Las Vegas of the Ozarks*. Мидлсборо, штат Кентукки, стал известен как *Little Las Vegas* в 30-х годах XX столетия из-за большого количества игровых заведений. Популярный среди туристов город Брентон, штат Миссури, с развитой индустрией развлечений получил неофициальное название *Las Vegas of the Ozarks*, где *the Ozarks* – название гор, возле которых расположен город.

В то же время, сфера прецедентных имен может распространяться только в рамках одного или двух языков. Их известность может ограничиваться определенной территорией.

Соответственно, использование их в неофициальных топонимах будет понятно более узкой аудитории. Неофициальное название города «может быть известным лишь определенному кругу людей» (Беляев 2016, 370). Например, г. Гонзалес (Gonzales) в США имеет неофициальное название *Lexington of Texas*, так как недалеко от него происходила битва во время Техасской революции (1835-1836), так же как в Лексингтоне (Массачусетс) в свое время началась война за независимость США (1775-1783).

Многие неофициальные названия городов появились благодаря развитию в них промышленности. Так, топоним **Birmingham** (важный промышленный центр Великобритании) стал основой неофициального названия Питсбурга (Pittsburgh), США, одного из крупнейших производителей стали: *Birmingham of America*. В свою очередь, название города Питсбург (Pittsburgh), США стало составной частью перифраз неофициальных названий других городов Америки, так как они являются металлургическими центрами: Пуэбло (Pueblo), Колорадо – «*Питтсбург Запада*», «*Pittsburgh of the West*»; Бирмингэм (Birmingham), Алабама – «*Питтсбург Юга*», «*Pittsburgh of the South*» [4, с. 279]. Название другого британского города **Manchester**, известного своей текстильной промышленностью, стало составной частью неофициального названия Лоуелла (Lowell), штат Массачусетс, США, который в XIX столетии имел большое количество предприятий по обработке хлопка, что обусловило появление перифразированной номинации *Manchester of America*. Неофициальное название *Русский Манчестер*, *Красный Манчестер* носит город Иваново, Россия, который является центром текстильной промышленности. Город Ковентри в Великобритании получил неофициальное название *Британский Детройт* благодаря своему статусу центра британского автомобилестроения. Другие примеры неофициальных топонимов, связанных с промышленным статусом городов: Патерсон (Paterson), Нью-Джерси – «*Американский Лион*», «*Lyons of America*»; Олбани (Albany), Нью-Йорк – «*Американский Эдинбург*», «*Edinburgh of America*» [4, с. 270, с. 252].

Часть неофициальных названий городов не связана с определенной сферой жизнедеятельности (культурой, экономикой), а указывает на важную роль города в данном регионе, проводя параллель с известными столицами, крупными городами. Так, Брайтон (Brighton), Великобритания, получил прозвище «*Лондон у моря*» (*London-by-the-sea*). Неофициальное имя Лидса, Великобритания – «*Северный Лондон*». Неофициальное название Нового Орлеана (New Orleans), США – *New York of the South*.

В состав неофициальных названий городов могут входить не только прецедентные ойконимы, но и другие виды онимов: хоронимы, урбанонимы. В перифразах встречаются названия

стран. Так, г. Линдсбург (Канзас, США) известен как *Little Sweden*, так как его основали шведские переселенцы. Подобные причины обусловили появление других неофициальных названий городов Америки: *Little Norway* (Poulsbo), *Michigan's Little Bavaria* (Frankenmuth), *New England of the West* (Minnesota), *Havana on the Hudson* (Union City).

Несколько неофициальных названий городов США имеют в своем составе урбанонимы, а именно названия известных улиц, районов. Название улицы Wall Street, финансового центра Нью-Йорка, появляется в неофициальных названиях городов с известными деловыми центрами, где находятся банки, фондовые биржи, офисы компаний: Denver – *Wall Street of the West*, Jersey City – *Wall Street West*. Район, связанный с киноиндустрией, входит в состав прозвищ городов: Kanab – *Utah's Little Hollywood*, Washington – *Hollywood for Ugly People*.

Таким образом, прецедентные географические названия широко используются в неофициальных названиях городов. Встречная географическая номинация обусловлена культурными коннотациями прецедентных онимов. Их употребление подразумевает определенный уровень осведомленности читателя.

Используя перифразы с прецедентными топонимами в неофициальных названиях городов, авторы выражают свое отношение к тому или иному месту, дают оценку событиям, связанным с этим топонимом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А. Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка: дисс. ... док. филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс] / Беляев Андрей Николаевич. – Уфа, 2016. – 426 с. – Режим доступа: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_belyaev.pdf?ysclid=41ijqfhp3
2. Иванова Н. Г. Топонимы-прозвища английских и русских городов [Электронный ресурс] / Н. Г. Иванова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – Москва, 2017. – № 2. – С. 58-61. – Режим доступа: <https://vestnik.ggtu.ru/>
3. Левина Э.М. Может ли быть прецедентным топоним? [Электронный ресурс] / Э. М. Левина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 4(58) – С. 115-119. – Режим доступа: www.gamota.net/materials/2/2016/4-2/32.html (дата обращения: 23.03.2022)
4. Леонович Е.О. Географические названия Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Е.О. Леонович, О.А. Леонович. – 2-е изд., доп. – М.: Издательство «ФЛИНТА», 2021. – 297 с. – Режим доступа:

- <https://bookskeepers.ru/knigi/spravochniki-enciklopedii/1997919-geograficheskie-nazvaniya-ssha.html>
5. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
 6. Передреева Т. В. Лингвокультурологический потенциал немецких топонимов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс] / Передреева Татьяна Владимировна. – Уфа, 2018. – 182 с. – Режим доступа: https://bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/disrab/dissertaciya_peredreevoy_tv.pdf?ysclid=41j9wj
 7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Э. Д. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение. 1991. – 192 с.
 8. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 687 с.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М. В. Использование прецедентных топонимов в неофициальных названиях городов

В статье рассматриваются неофициальные описательные названия городов, или перифразы, имеющие эмоционально-экспрессивный характер и вносящие дополнительную информацию об объектах вторичной номинации. Прецедентные топонимы, входящие в состав неофициальных топонимов, могут быть как универсальными культурными символами, так и феноменами, актуальными для определенного круга говорящих.

Ключевые слова: перифразы, неофициальные названия городов, прецедентные топонимы, вторичная номинация.

SUMMARY

Yakovenko M. V. The use of precedent toponyms in informal names of the cities

The article deals with descriptive nicknames of the cities, or periphrases, which express emotional and evaluative connotations and introduce additional information about the object of secondary nomination. Precedent toponyms, that are a part of informal place names, can be both universal cultural symbols and phenomena that are familiar mostly to native speakers.

Key words: periphrases, nicknames of the cities, precedent toponyms, secondary nomination.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Августина Наталья Анатольевна** – студент 5 курса филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова);
- Антипенко Наталья Сергеевна** – учитель английского языка ГОУ ЛНР «Алчевская гимназия имени Владимира Николаевича Онуфриенко» (г. Алчевск, ЛНР);
- Балко Марина Владимировна** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой краеведения ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»;
- Баранова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Богомолова Валерия Руслановна** – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище», аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Буряк Екатерина Сергеевна** – аспирант 3 года обучения кафедры педагогики и методики преподавания иностранных языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Волкова Наталья Валериевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Голодов Александр Георгиевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, РФ);
- Гребеник Игорь Анатольевич** – старший преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» (г. Луганск, ЛНР);

Грунистая Альбина Руслановна – ассистент кафедры иностранных языков и педагогики высшей школы ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»;

Дедичко Алина Евгеньевна – студент 5 курса Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова);

Демченко Наталья Сергеевна – старший преподаватель ГОУ ВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР;

Дмитрисева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Жиденко Лариса Ароновна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Жихарева Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, декан филологического факультета, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, декан филологического факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Зогова Ксения Сироджевна – магистрант 2 года обучения филологического факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Иванова Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Исаян Анна Михайловна – учитель I категории, учитель английского языка ГОУ ЛНР «Стахановская средняя школа № 28» (г. Стаханов, ЛНР);

Карпий Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент ГБОУ ВО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»;

Колесник Наталья Владимировна – учитель английского языка ГОУ ЛНР «Вахрушевский учебно-воспитательный комплекс № 1 “Гармония”» (г. Вахрушево, ЛНР);

Коловерова Ирина Геннадиевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Косташ Людмила Леонтиевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода филологического

- факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова);
- Котлярова Мария Витальевна** – ассистент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лешкова Наталия Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Медяник Екатерина Алексеевна** – учитель английского языка ГОУ ЛНР «Краснолучская школа №3» (г. Красный Луч, ЛНР);
- Метейко Валерия Валериевна** – ассистент кафедры славянской филологии и прикладной лингвистики ГОУ ВПО «ДОННУ»;
- Мухина Дарья Сергеевна** – аспирант четвертого года обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Немыкина Татьяна Николаевна** – магистрант 2 курса гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Павленко Вероника Геннадиевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики лингвистического образования и межкультурной коммуникации Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, РФ);
- Прожога Татьяна Юрьевна** – аспирант кафедры педагогики и методики преподавания иностранных языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»; методический кабинет отдела образования администрации города Дебальцево;
- Рубан Валентина Павловна** – магистрант 2 курса гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рудковская Инесса Валериевна** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики преподавания иностранных языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Соловцова Елена Валериевна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Солопова Людмила Евгеньевна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Соснина Людмила Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;

Токарева Татьяна Сергеевна – учитель русского языка и литературы ГОУ ЛНР «Свердловская гимназия № 2» (г. Свердловск, ЛНР);

Фефелова Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Шаталова Ольга Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (г. Елец, РФ);

Штакина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Чуднецова Полина Сергеевна – специалист первой категории, учитель английского языка, директор ГОУ ЛНР «Комиссаровская средняя школа № 31» (пгт Комиссаровка, ЛНР);

Яковенко Марина Викторовна – преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «ГИИЯ»;

Ясинецкая Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antipenko Nataliya Sergeevna – English teacher at State educational institution of the Lugansk People's Republic «Alchevsk Gymnasium named after V. N. Onufrienko» (Alchevsk, LPR);

Avgustina Natalya Anatolyevna – 5th year student of Faculty of Philology of Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko (Tiraspol, Transnistria, Moldova);

- Balko Marina Vladimirovna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Local History Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People’s Republic»;
- Baranova Olga Ivanovna** – Senior Lecturer of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bogomolova Valeria Ruslanovna** – Senior Lecturer of the Department of Humanitarian Disciplines of the Donetsk Higher Combined Arms Command School, postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Buryak Ekaterina Sergeevna** – Postgraduate student of the 3rd year of the Department of Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Chudnetsova Polina Sergeevna** – Specialist of the first category, teacher of English, Head teacher of State Educational Institution of the Lugansk People’s Republic «Komissarovskaya Secondary School No. 31» (Komissarovka, LPR);
- Dedichko Alina Evgenievna** – 5th year student of Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko (Tiraspol, Transnistria, Moldova);
- Demchenko Natalya Sergeevna** – Senior Lecturer of State Educational Institution of Higher Professional Education «The Civil Defence Academy» of the Ministry of Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disaster of Donetsk People’s Republic;
- Dmitrieva Julia Leonidovna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Fefelova Victoria Valentinovna** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Golodov Aleksandr Georgievich** – Doctor of Philology, Professor of the Department of Germanic Languages and Methods of Teaching Them, Head of Analytic Center for Research Technology of Information War and Counterpropaganda, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» (Ryazan, Russian Federation);
- Grebenik Igor Anatolevich** – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of State Educational Institution of Higher Education of the Lugansk People's Republic «Lugansk State University named after Vladimir Dahl» (Lugansk, LPR);
- Grunistaya Albina Ruslanovna** – Assistant of the Department of Foreign Languages and Higher School Pedagogy of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture»;
- Isayan Anna Mikhailovna** – Teacher of the first category, Teacher of the English Language of State Educational Establishment of the Lugansk People's Republic «Stakhanovskaya Secondary School No. 28» (Stakhanov, LPR);
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Karpiy Sergey Viktorovich** – Candidate of Philology, Associate Professor of State Budgetary Educational Institution of Higher Education «M. Gorky Donetsk National Medical University»;
- Kolesnik Natalia Vladimirovna** – Teacher of the English language at State Educational Establishment of the Lugansk People's Republic «Vakhrushevo Educational Complex № 1 «Harmony»» (Vakhrushevo, LPR);
- Kolovyerova Irina Guennadievna** – Senior Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Establishment of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kostash Lyudmila Leontievna** – Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation of Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko (Tiraspol, Transnistria, Moldova);

- Kotliarova Marina Vitalievna** – Assistant of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Leshkova Natalya Viktorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Medyanik Ekaterina Alekseevna** – English teacher at State Educational Establishment of the Lugansk People's Republic «Krasnoluch School No. 3» (Krasny Luch, LPR);
- Meteiko Valeria Valerievna** – Assistant of the Department of Slavic Philology and Applied Linguistics of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»;
- Mukhina Daria Sergeevna** – Postgraduate student of the 4th year of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Nemykina Tatiana Nikolaevna** – 2nd year Master's student of the Faculty of Humanities of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Pavlenko Veronika Gennadievna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Linguistic Education and Intercultural Communication of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, RF);
- Prozhoga Tatiana Yurievna** – Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»; Methodical Cabinet of the Education Department of the Debal'tsevo City Administration;
- Rochnjak Elena Vladimirovna** – PhD of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ruban Valentina Pavlovna** – 2nd year Master's student of the Faculty of Humanities of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Rudkovskaya Inessa Valerievna** – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shatalova Olga Vasilyevna** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language, its Teaching Methods and Records Management of Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Yelets State University named after I. A. Bunin» (Yelets, Russian Federation);
- Shtakina Lyudmila Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Solopova Lyudmila Evgenievna** – Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Solovtsova Elena Valerievna** – Senior Lecturer of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sosnina Lyudmila Vasilievna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»;
- Tokareva Tatyana Sergeevna** – Teacher of the Russian language and literature at State Educational Establishment of the Lugansk People's Republic «Sverdlovsk Gymnasium No. 2» (Sverdlovsk, LPR);
- Volkova Natalia Valerievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Romance and Germanic Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yakovenko Marina Victorovna** – Lecturer of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Yasinetskaya Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology; Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhidenko Larisa Aronovna** – Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Romance and Germanic Philology Department, Dean of Philological Faculty of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zogova Ksenia Sirodzhevna** – 2nd year Master's student of Philological Faculty of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Балко М. В.</i> ТРОПЕИЗАЦИЯ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ НАЧАЛА XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ»)	3
<i>Голодов А. Г.</i> ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В ОТРАСЛЕВОЙ ЛЕКСИКЕ (на материале немецкого языка)	9
<i>Соснина Л. В., Богомолова В. Р.</i> ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОМПОЗИТНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ	21
<i>Шаталова О. В.</i> SLAVIA ORTHODOXA: СЛАВИСТИКА КАК АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ	27
<i>Волкова Н. В.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРЕЧЕСКОЙ ПРИСТАВКИ <i>ANTI-</i> В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	34
<i>Дмитриева Ю. Л.</i> СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ИНОБЫТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА	48
<i>Жихарева Н. А., Грунистая А. Р.</i> РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЕМИННОГО И МАСКУЛИННОГО ТИПОВ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ МАРИИ МЕТЛИЦКОЙ «В ТИХОМ ГОРОДКЕ У МОРЯ» И ДИНЫ РУБИНОЙ «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ»)	57
<i>Жихарева Н. А., Зогова К. С.</i> К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	64
<i>Жихарева Н. А., Мухина Д. С.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВОВ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРЯМЫХ НОМИНАЦИЙ И АВТОРСКИХ РЕМАРОК (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ДРАМ XXI ВЕКА)	71
<i>Иванова Н. А.</i> ОЦЕНИВАНИЕ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КРИТИКИ ПЕРЕВОДА	77
<i>Карпий С. В.</i> ЖУРНАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДОНБАССА	

В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, РЕВОЛЮЦИИ, УССР: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	83
<i>Лешкова Н. В.</i> КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА	92
<i>Павленко В. Г.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ МЕТАФОР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	101
<i>Рочняк Е. В.</i> ПОНЯТИЕ «БУДУЩЕЕ» В БАЗОВЫХ ЯЗЫКАХ СЛАВЯНСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ И РОМАНСКОЙ ГРУПП	107
<i>Рудковская И. В.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ ОБУЧАЮЩИХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ	113
<i>Фефелова В. В.</i> ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ ИНЦИДЕНЦИИ Г. ГИЙОМА НА КЛАССИФИКАЦИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	119
<i>Штакина Л. А.</i> ПАУЗАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ МАСС-МЕДИАЛЬНОГО ДИСКУРСА	130
<i>Ясинецкая Н. А., Немыкина Т. Н.</i> ПСЕВДОПОСЛОВИЧНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В АНГЛО-РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ	137
<i>Ясинецкая Н. А., Рубан В. П.</i> СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОПОЭТОНИМОВ В ЦИКЛЕ ПОВЕСТЕЙ К.С. ЛЬЮИСА «ХРОНИКИ НАРНИИ»	146
<i>Антипенко Н. С.</i> ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ	152
<i>Баранова О. И.</i> РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ	157
<i>Буряк Е. С.</i> ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГЕЙМИФИКАЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	163
<i>Гребеник И. А.</i> ОБУЧЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ ПЕРЕВОДА	

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	169
<i>Демченко Н. С.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКА СМИ В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)	174
<i>Жиденко Л. А.</i>	
ПЕРЕВОД И АДАПТИВНОЕ ТРАНСКОДИРОВАНИЕ КАК ПОСРЕДНИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	183
<i>Исаян А. М.</i>	
ПОДАРОК ОТ STORY TELLING TECHNIQUES ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	187
<i>Колесник Н. В.</i>	
ИНТЕРАКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ MIND MAPPING КАК СПОСОБ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К НАПИСАНИЮ АРГУМЕНТИРОВАННОГО ЭССЕ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	194
<i>Коловерова И. Г.</i>	
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МОЛОДЕЖНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ИСПАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ)	198
<i>Костаи Л. Л., Августина Н. А.</i>	
РОЛЬ ЛАТИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	204
<i>Костаи Л. Л., Дедичко А. Е.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ КАРАНТИННОГО ПЕРИОДА 2020-2021 В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	213
<i>Котлярова М. В.</i>	
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГНЕВА ПЕРСОНАЖА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КИНОПРОДУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА Д. ФРЭНКЕЛА «ПРИЗРАЧНАЯ КРАСОТА»)	218
<i>Медяник Е. А.</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ	

ПРЕДМЕТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ	225
<i>Метейко В. В.</i>	
ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАПАСА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	236
<i>Прожого Т. Ю.</i>	
ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	243
<i>Соловцова Е. В.</i>	
ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИКТУМНОЙ ЧАСТИ ДИРЕКТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПЕРФОРМАТИВНЫМ ПРЕДИКАТОМ ПРОСЬБЫ	248
<i>Солопова Л. Е.</i>	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	256
<i>Токарева Т. С.</i>	
СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ КАК ТЕКСТ	261
<i>Чуднецова П. С.</i>	
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	268
<i>Яковенко М. В.</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТОПОНИМОВ В НЕОФИЦИАЛЬНЫХ НАЗВАНИЯХ ГОРОДОВ	275
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	282
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	285

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск четырнадцатый (сороковой)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор Н. А. Сытник
Компьютерная вёрстка и макетирование
Н. А. Сытник
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 04.07.2022.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 16,57. Уч.-изд. л. – 18,50.
Усл.-изд. л. – 17,20.
Тираж 300 экз. Зак. № 20.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25